

Г. Г. ДЕМИДЕНКО

ДЕЛ У РЕВОЛЮЦИИ НЕМАЛО...

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА

Политиздат

Г. Г. Демиденко

ДЕЛ У РЕВОЛЮЦИИ НЕМАЛО...

ОЧЕРК
ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА
1976

Демиденко Г. Г.

Д30   Дел у революции немало... Очерк жизни и деятельности В. Д. Бонч-Бруевича. М., Политиздат, 1976.

207 с.

Книга кандидата исторических наук Г. Г. Демиденко рассказывает о жизни и деятельности Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. В труднейших условиях подполья издавал он партийную литературу, сотрудничал в большевистских газетах и журналах, занимался научной работой. В первые годы Советской власти, будучи управляющим делами Совнаркома, выполнял важнейшие поручения Ленина. В. Д. Бонч-Бруевич — один из организаторов борьбы с контр-революционерами в Петрограде и национализации частных банков. Он также принимал активное участие в осуществлении переезда Советского правительства в Москву.

Профессиональный революционер, ближайший соратник Ленина, он отдал всего себя делу Коммунистической партии. Книга рассчитана на массового читателя.

Д $\frac{10202-163}{079(02)-76}$ 108—76

ЗКП1(092)

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Дверь беззвучно отворилась. Он шагнул через порог и очутился в темном коридоре. Кто-то взял его холодную руку, и женский голос тихо сказал:

— Идите сюда!

Владимира Бонч-Бруевича ввели в переднюю, освещенную керосиновой лампой под оранжевым абажуром. Судя по количеству пальто и шуб на вешалке, в доме собралось уже порядочно гостей.

Действительно, в просторном зале было довольно многолюдно. Человек пятнадцать молодых людей, по виду студентов и курсисток, расположившись на стульях и диване, оживленно беседовали. Еще несколько человек стояли у двери, ведущей в другую комнату. Пробило семь.

К Владимиру, скромно присевшему на первый попавшийся стул у двери, подошла Анна Ильинична Ульянова-Елизарова. Она приветливо ему улыбнулась и, указав глазами на сидевшего в глубоком кресле плотного мужчину в дорогом костюме, тихо сказала:

— Это В. В.

Так вот она, народническая знаменитость Воронцов!

— Итак, начнем господа,— обратился к присутствующим молодой человек в золотом пенсне.

Все сразу замолчали, поудобнее уселись. Только у двери группа продолжала стоять.

Воронцов подошел к резному красного дерева столу.

— Господа,— начал он в благоговейной тишине.— Предметом настоящего доклада будет давно известная всем нам и, если хотите, уже давно приевшаяся тема о роли общины в нашей современной хозяйственной жизни, разработанная на основании всех данных науки и статистических исследований, но...

Тут «столп» либеральных народников многозначительно помолчал, его губы тронула снисходительная улыбка.

— ...но что поделаешь, когда находятся люди, совершенно не понявшие принципов учения известного на Западе экономиста Маркса, и не зная, что к чему, прилагают их к России, имеющей свою особую историю, свой быт, нравы, обычаи, идущей иным, чем Запад, своеобразным историческим путем развития...

И полились красивые слова о непригодности теории Маркса для самобытной крестьянской России.

— Социал-демократы, преклоняясь перед этой теорией, пытаются доказать неизбежность капиталистического пути развития страны. Смешно! Раз капитализм, вторгаясь в сельское хозяйство, разоряет крестьян, тем самым он сокращает внутренний рынок и уничтожает почву для своего развития. Внешних же рынков, при которых только и возможна в таких случаях реализация товаров, в России нет. Значит, капитализм у нас обречен и надо ориентироваться на народное производство. Устранить же дефекты современного общинного хозяйства легко может народолюбивая администрация путем введения дешевого кредита, улучшения техники, общественных запасек...

Свою речь Воронцов закончил примерно через час, после чего в картинном изнеможении рухнул в пододвинутое для него мягкое кресло. Большинство присутствовавших начали аплодировать.

Сначала оппонентов не находилось. Потом несколько человек из группы, стоявшей у двери, конфузясь, пытались возражать Воронцову, робко говорили о применимости теории Маркса к России. В ответ — лишь иронические улыбки большинства слушателей.

Председательствующий подвел итоги:

— Думаю, желающих выступить больше нет. Все стало ясно. Захотели высказаться и еще раз доказали, сколь прав наш уважаемый...

— Я прошу слова, — неожиданно раздался молодой звучный голос. Головы всех тут же повернулись к группе у двери, которая расступилась, пропуская юношу с взволнованным лицом, большим лбом и продолговатой вьющейся бородкой.

— Нас здесь поучали, чтобы мы хорошенечко продумали отживающую свой век теорию экономиста Маркса, — начал молодой человек, подходя к столи-

ку.— Похвальное пожелание, что и говорить... Впрочем, это понятно! Нам, нашему поколению, все нужно знать досконально, и в том числе действительно отживающую свой век, весьма плохонькую, худенькую и часто совершенно нелепую и даже более того... ну как бы повежливей сказать... старенькую и убогую теорию народничества вообще и экономическую его теорию в частности и в особенности...

В зале поднялся шум. Кто-то шипел: «Как он смеет!», «Какая дерзость!», «Это ужасно!» Только Воронцов, снисходительно улыбаясь, махнул рукой — пусть, мол, говорит.

А молодой оппонент продолжал:

— Вы смотрите на капитализм с точки зрения департаментского чиновника, решающего государственный вопрос: пускать или не пускать капитализм в Россию. А мы констатируем факт — наличие в России капиталистических отношений.

Воронцов побагровел, но продолжал внимательно слушать. А выступающий начал приводить на память выдержки из Маркса, цифры из земских статистических сборников, научных работ, свидетельствовавшие о возраставшей дифференциации крестьянских хозяйств внутри общины, расслоении крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат, росте внутреннего рынка.

По мнению незнакомого оппонента, предлагавшаяся народниками крохоборческая программа мелких реформ не затрагивала основ эксплуатации в деревне и отвлекала крестьян от революционной борьбы.

— Эти господа хотят отделаться штопаньем и починкой современного общества, не понимая, что дешевый кредит, улучшение техники, банки и т. п. в состоянии только усилить буржуазию, ускорить развитие капитализма. Социал-демократия же видит только один выход, необходимо вытекающий из самой сущности буржуазного строя, — именно классовая борьба пролетариата против буржуазии...

Проникновенная речь, в которой убедительно звучало каждое слово, захватила слушателей. Но во всей фигуре выступавшего, в его скупых и резких движениях уже сквозило желание скорее прекратить эту дискуссию, далекую от настоящего дела.

— Итак, господа, давайте углубленно учиться марксизму, и тогда нам много понятнее будет русская действительность и мы не будем делать ложных шагов в теории и практике, как делаем их теперь...

В зале — смятение. Поднялся Воронцов:

— Господа! Мой молодой оппонент, который резко обрушился на пятидесятилетнюю нашу теорию и всех ее защитников... много раз беспощадно и крайне резко задел меня лично, но я не обижаюсь на него...

Помолчав, он продолжал:

— Мне приятно было его слушать, его задор, убежденность, его огромные знания, наконец, эта изумительная, невиданная память и знание вопроса, его обобщения и окончательные выводы — все это так стройно, так живо, так солидно, так крепко, что прямо затрагивает за живое и меня, старика. Я приветствую моего молодого оппонента, и, прежде чем ответить ему, я должен много подумать, поработать, а потому давайте кончим на этом, зная, что среди марксистов появилась яркая восходящая звезда. От всего сердца желаю ему успеха!

Владимир искал глазами выступавшего марксиста, но того уже в комнате не было. Не было его и в передней. У вешалки в пальто стояла Анна Ильинична. Лицо ее было радостно возбужденным. Они с мужем собирались уходить.

— Приходите сейчас же к нам, — сказала она. — Попьем чайку...

Направляясь к Елизаровым, Бонч-Бруевич по соображениям конспирации порядочно попетлял по узким засыпанным снегом арбатским улочкам, прежде чем постучаться в знакомый дом.

Двери открыл Марк Тимофеевич.

— Без «хвоста»?

— Конечно.

Едва успев обменяться с Елизаровым впечатлениями о нелегальном собрании, Бонч-Бруевич заметил в дверях столовой... молодого марксиста, который подошел к нему и, протягивая руку, представился:

— Петербуржец... Вы Владимир Дмитриевич? Прекрасно. Ругательски ругаю себя, что раззадорился и выступил в совершенно неконспиративной обстановке.

Марк Тимофеевич рассказал, сколь почтительно отнесся Воронцов к своему «молодому оппоненту».

— Гм, гм... Впрочем, если он действительно хочет серьезно учиться марксизму... это никогда не поздно. Но уж больно у нынешних народников мышление-то примитивно... Ну, будет о нем. Расскажите-ка, батенька,—обратился он к Бонч-Бруевичу,—что у вас здесь делается в Москве. Мне говорят, что вы имеете хорошие социал-демократические связи.

— Ну, какие там хорошие, так, кое-что.

Но новый знакомый умел не только спрашивать, но и слушать, и Бонч-Бруевич разговорился. Рассказал, как искал и находил нужную литературу, людей, завязывал знакомства, постепенно углубляясь в изучение марксизма и приобщаясь к практической работе. Сделано пока что крайне мало...

— Это ничего! Надо никогда не унывать и постепенно, крайне осторожно, умножать связи!..¹

Такие связи, по мнению Петербуржца, помогут при организации кружков из рабочих. Но прежде чем вести занятия с рабочими, надо знать условия их труда и быта, использовать эти знания в пропаганде и агитации. Конечно, будут трудности с литературой для занятий. Надо держать связь с Анной Ильиничной, она поможет.

Прощались они как хорошие знакомые.

Петербургец шутливо посоветовал Бонч-Бруевичу особо остерегаться филеров—с таким ростом в толпе не скроешься. Очки тоже делают его приметным.

Действительно, шпикам был приметен его густой ежик непокорных темных волос, большой лоб, крупный нос, редкие усы, не прикрывающие губ, и негустая курчавая борода. Зато карие глаза смотрели сквозь стекла очков в железной оправе так доверчиво и наивно, что заподозрить в нем конспиратора было трудно.

...Пройдет почти 24 года до того дня, как из Смольного в Петрограде после победоносной социалистиче-

---

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II. Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1961, стр. 165—170.

ской революции полетят по всей стране правительственные распоряжения за подписью Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина и управляющего делами Совнаркома Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. А пока — впереди неизвестность. Реальностью была лишь твердая вера в неотвратимость грядущей революции. Ей и готов был отдать все силы Бонч-Бруевич. А дел у революции немало...

От Елизаровых Владимир Бонч-Бруевич уходил переполненный впечатлениями. Ему казалось, что за один этот вечер он как сторонник марксизма стал на целую голову выше. Молодой марксист ответил на злободневные вопросы о характере экономического строя в России, роли рабочего класса в современной политической борьбе, о задачах социал-демократии.

По пути на Сретенку, где Володя вместе с товарищем снимал квартиру, он то вспоминал подробности дискуссии сторонников народничества и марксизма, то мысленно продолжал беседу с Петербуржцем. И, пожалуй, впервые почувствовал, что в свои двадцать лет еще очень плохо знаком с марксизмом.

В детстве он рано научился читать и любил засиживаться в домашней библиотеке. В семье любили и ценили книгу. Его отец Дмитрий Афанасьевич, чиновник межевой службы, заведовал небольшой типографией. Мать Мария Сергеевна, дочь московского профессора, была образованной женщиной. С детских лет мальчик жил в атмосфере забот о типографии, об издании произведений русских демократических писателей в условиях жестокой цензуры. В нем рано сформировались такие черты характера, как практичность, скромность, интерес к литературе и издательскому делу.

В 1883 г. десятилетний Володя был принят в московский Константиновский межевой институт. Сначала увлекался книжками о «доблестях военных», и это не было случайностью. В роду Бонч-Бруевичей, записанном в так называемую «шестую родословную дворянскую книгу», мужчины занимались преимущественно ратным делом. Однако вскоре его интересы начали меняться...

Народнические идеи, популярные среди молодежи 80-х годов прошлого века, проникали и в затхлую атмосферу межевого института с его тупой зубрежкой и деспотизмом учителей. Первую искру протеста в душе Володи высекли стихи Некрасова. Скорбь и страдания народные вызывали негодование. В толстой тетради, куда он записывал названия полюбившихся произведений и их авторов, появляются имена Писемского, Добролюбова, Глеба Успенского, Мамин-Сибиряка, стихотворения о тяжелой участи народной, героях борьбы за его лучшую долю. В другой тетради, тщательно скрываемой от всех, он сам делал первые робкие пробы пера. В незаконченных пьесках юный автор клеймил позором нравы «высшего общества». Он с увлечением читал Писарева, Белинского, Салтыкова-Щедрина, Аксакова. Вопрос о смысле жизни, выборе общественного пути волновал все более. В душе росло отвращение к несправедливости и жестокости, наживе и обману. Военная карьера уже не казалась ему привлекательной.

Поднимавшийся в душе протест искал выхода, требовал дела. Случай вскоре представился. В 1889 г. усилилось революционное брожение среди передовой молодежи России. Волнения московского студенчества не минули и межевого института. Старшеклассники А. Хавский, В. Ярмоленко и В. Бонч-Бруевич призывали учеников «оказать администрации прямое сопротивление действием».

Расправа была скорой. Перед строем учащихся с форменных шинелей и фуражек зачинщиков были сняты гербы, медные пуговицы и зеленые канты. Однако ожидаемого директором и преподавателями раскаяния от юношей не последовало.

Дома поведения Володи во время бунта тоже не одобрили. Только один человек поддержал и ободрил его, о чем Бонч-Бруевич помнил всю жизнь. Писатель Мамин-Сибиряк, сочинения которого издавал Дмитрий Афанасьевич, улыбаясь и похлопывая по плечу Володю, сказал:

— Ну вот и хорошо... Придет время, и ты послужишь человечеству... Плюнь-ка ты на тех, кто тебя выгнал! Читай больше книг, учись, живи своей жизнью. Я тоже один из разжалованных...

И — отцу Володи:

— А вы, Дмитрий Афанасьевич, не журите вашего сына, он и так страдает, вижу это по его взгляду. Но все это, прямо вам говорю, ничего не стоит. Это мелочи, может быть для него очень полезные...¹

Бонч-Бруевич-младший с благодарностью смотрел на писателя, хотя и не мог сразу понять полезность случившегося.

Моральной экзекуцией перед строем дело для троих «бунтовщиков» не кончилось. Они получили «волчьи» паспорта и были высланы в Курск. Полиция установила за ними негласный надзор.

Для Владимира потекли скучные и однообразные дни учебы в Курском землемерном училище. Он упорно занимался самообразованием. Участвовал в народническом кружке Алексея Хавского. Увлекался произведениями революционных демократов и народников, в которых изображались жизнь трудящихся с извечной нуждой и несправедливостью, герои, жертвующие собой ради их счастья. «Бедствия народа нас привлекали и заставляли наши сердца учащенно биться», — вспоминал позднее Бонч-Бруевич².

Книг было прочитано много. Но они мало помогали кружковцам понимать действительность, выбрать верный путь в борьбе. Зато яснее становился смысл жизни. В выступлениях в кружке, а затем и в первом публичном реферате на вечеринке учащейся молодежи Володя горячо говорил о необходимости решительно бороться за лучшую народную долю, помнить о подвиге Желябова, Перовской, Кибальчича. Сам он позже отмечал большую роль подвижнических настроений, пронизавших его первый реферат. «...И помню, что именно здесь, в этот вечер... для меня самого стал совершенно ясен «смысл жизни», которого так все тогда любили упорно добиваться: служение народу, борьба за его лучшую долю, страдание с ним и для него за его судьбу и счастье».

Слухи об его реферате быстро распространились среди учащейся молодежи, и только чудом полиция осталась в неведении. Иначе для поднадзорного Бонч-Бруевича публичное выступление с призывами к борьбе имело бы печальные последствия.

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания. М., 1968, стр. 54.

² «Молодая гвардия», 1927, № 12, стр. 190.

На всякий случай Володя «заболел» и несколько дней не являлся в училище. «Надо не только читать и набираться ума,—сделал он вывод,—но и уметь держать язык за зубами». Случай запомнился надолго.

«Смысл жизни... служение народу». Но что надо конкретно делать? Бонч-Бруевич писал об этом так: «Потому ли что я с самых юных лет вращался в типографско-издательском мире, потому ли, что практицизм является одной из черт моего характера, но, чем более я занимался изучением русской литературы, чем более я читал книг, тем все более меня гвоздила мысль: «Все это хорошо, все это прекрасно, но что же дальше? Вот ты читаешь, умнееешь, начинаешь разбираться в окружающем, мысль у тебя проснулась, а вот там, два аршина от тротуара в сторону, там — та же тьма, безграмотность, старый, веками установившийся уклад жизни, ужасный быт, рабами которого существуют сотни тысяч и миллионы людей, поработанные староредедовскими обычаями, обрядами, предрассудками, поверьями, и, кажется, нет силы, которая могла бы расшевелить эту застывшую громаду. Вот именно сюда и надо идти, сюда надо нести свет знания, просвещения»¹.

Владимир изучал литературу, издававшуюся для народа, возмущался ее пошлостью и убожеством. И у него созрел план создания... «Всероссийского общества распространения полезных книг». Склонность к фантазированию, выдвижению смелых планов была наряду с практичностью другой его чертой, впрочем, такой же, как и удивительная настойчивость в осуществлении этих планов.

В конце 1891 г. были готовы устав общества и программа его деятельности. Отсутствие средств Владимира не пугало. «Благородные цели объединят благородные сердца,—думал он,—и деньги найдутся». На письма писателям-народникам, в которых он просил поддержать важное начинание, ответили Короленко, Златовратский, Мачтет, Михайловский, Рубакин, Цебрикова. Не все они скептически отнеслись к фантастическим замыслам юноши, не знавшего, по их мнению, жизни и не имевшего в таком сложном деле

---

¹ «Молодая гвардия», 1927, № 12, стр. 195.

достаточного опыта. Короленко, например, писал: «Невозможно не согласиться, что задача распространять в народе настоящую литературу вместо Никольской¹ — задача симпатичная и благородная», но одновременно предупреждал, что она и в высшей степени трудная². Писатель был прав. Задача оказалась неразрешимой. Златовратский прямо заявил, что «даром никто не будет работать». Меркантильных расчетов авторов народных изданий Бонч-Бруевич не учел. Но некоторые практические советы он запомнил — присмотреться к постановке дела в таких прогрессивных издательствах, как «Посредник», изучить организацию распространения книг.

Первая неудачная попытка Бонч-Бруевича «выступить полезным деятелем на общественной арене» не поколебала его намерения издавать нужные народу книжки.

Редкая помощь из дому, заработок от частных уроков шли на оплату жилья и обедов. Но остававшиеся копейки тратились на книги. Им Володя посвящал все свободное время. «Купил необходимо нужных мне книг,—пишет он матери в январе 1892 г.—Один уж этот животворящий источник позволил мне провести праздники упоительно прекрасно. Что может быть отраднее чтения и познания истины? Я не знаю, не испытывал и не уверен, возможно ли большее счастье на земле, чем чтение милых книг!»³ Сын знал, чем тронуть сердце матери. Мария Сергеевна требовала от детей прилежания в учебе, воспитывала у них любовь к литературе.

Владимир увлекался также спектаклями гастролировавшего в Курске малороссийского театра. «Я особенно много почерпнул из этих спектаклей, посвященных изображению народной жизни Украины,—вспоминал он.—Тут я впервые со сцены услышал слова борьбы против угнетения, увидел классовое неравенство и проявления жестокой эксплуатации бедных, разоренных богатыми, деревенскими

¹ Издательства, находившиеся на Никольской улице в Москве, выпускали главным образом религиозную литературу, а также царские портреты, бумажные иконы и лубочные картинки.

² См. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания, стр. 69.

³ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее ОР ГБЛ), ф. 369, к. 132, ед. хр. 3.

кулаками, «пауками», старостами и другими мироедами»¹.

Молодые силы искали приложения. Вместе с друзьями Владимир помогал пожарным, выезжавшим в слободки на частые пожары, соревнуясь с ними в удали и бесстрашии.

В последний год своего пребывания в Курске Бонч-Бруевич увлекся изучением политической экономии. «Только и утешение и радость эта наука,— писал он домой,— в которую я погружаюсь все более и более»². Среди книг, которые ему удавалось достать и проштудировать, были переводы сочинений немецкого мелкобуржуазного социалиста Лассалья, запрещенные сочинения Писарева и Чернышевского, работы Михайловского, Шелгунова. Но народнические идеи вызывали неудовлетворенность. Они все больше расходились с действительностью. Ломка патриархальных устоев в деревне, нарастание борьбы рабочих толкали юношу на поиск новых путей. В его дневнике появляется запись: «Необходимо со всей тщательностью присматриваться к общественной жизни, обращая особое внимание на жизнь обездоленных рабочих и крестьян, оценивая все с социал-демократической точки зрения»³. Так начиналось разочарование в народничестве.

В 1892 г. Бонч-Бруевич, закончив землемерное училище, вернулся в Москву. Был принят на службу в Межевой казенный дом младшим землемерным помощником. Но рвения на службе не проявлял, его больше интересовали не землеустроительные карты, планы, бумаги, а то, что происходило за стенами Межевого дома.

Девяностые годы начались с народных бедствий. Голод и, как его следствие, эпидемии холеры и тифа гуляли по многим российским губерниям. В Поволжье вымирали целые деревни. Широкая демократическая общественность была потрясена этими страшными событиями. Повсюду шли горячие споры о их причинах и последствиях.

Студенты, учащаяся молодежь Москвы горячо помогали санитарному попечительству и земству бо-

¹ «Радянське літературознавство», 1954, № 17, стр. 38.

² ОР ГБЛ, ф. 369, к. 132, ед. хр. 3.

³ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 150.

ротья с голодом и болезнями. Вместе с друзьями Бонч-Бруевич участвовал в санитарных проверках казарм и барачков для рабочих, ночлежек, организовывал врачебные пункты и столовые для голодавшего населения.

Появились и крепи его первые знакомства с рабочими, студенческими кружками саморазвития. В кружках Алексея Хавского, Николая Флерова, Сергея Гарюшина, Иосифа Блинова он с увлечением изучает русский перевод брошюры Энгельса «Развитие научного социализма», статью Плеханова «Все-российское разорение», читает книгу Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия», «Историю революционного движения в России» немецкого автора Туна.

На студенческих вечеринках часто разгорались дискуссии, в которых участвовал и Бонч-Бруевич. Всех волновали, вспоминал он позже, «модные вопросы того времени: о героях и толпе, о роли личности и массы в истории, о том, кто является главным двигателем истории, «прогресса» — крестьяне или рабочие; что изучать — деревенский быт или городской, фабрично-заводской, куда идти — к крестьянам или к рабочим и т. п.»¹ Ответы зрели в спорах яростных и непримиримых. В них отражались проблемы, волновавшие умы всей мыслящей России. Но споры обнаруживали пробелы в теоретических знаниях Владимира. Интерес к марксистской литературе привел его к знакомству с А. И. Ульяновой-Елизаровой, имевшей связи с группой «Освобождение труда».

Новый, 1894 год Владимир встречал уже вместе с рабочими железнодорожных мастерских. «Как радостно и как приветливо встретили нас рабочие»... — вспоминал он. В эту памятную ночь много говорилось душевных речей, вполголоса пелись песни. Только незаметно наступивший рассвет заставил разойтись по домам...

И вот — эта дискуссия сторонников народничества и марксизма на квартире Залесской 9 января 1894 г., так взволновавшая Бонч-Бруевича. Да и не только его.

Когда в подпольных кружках Москвы от участников диспута стало известно о победе молодого

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 151.

марксиста над маститым народником, социал-демократы ликовали. Эта победа укрепила их позиции в борьбе, придала новую энергию. Они все более уверенно и настойчиво начинали распространять идеи научного социализма среди пролетариата. Главное внимание при этом уделялось культурному развитию рабочих, воспитанию сознательных вожakov и организаторов.

Вечерами Бонч-Бруевич спешил в дом Кудрявцева по Трындинскому переулку, где снимал комнату слесарь Иван Трофимов с завода Бромлея. В установленное время сюда приходили пять-шесть рабочих. Трудно приходилось на первых порах Владимиру объяснять рабочим доходчиво и просто, давать советы, отвечать на вопросы.

Они сообщили ему: на заводе Бромлея были снижены поденные расценки только потому, что накануне рабочие сделали почти вдвое больше установленного. Как быть? Что предпринять? Ему вспомнились слова Петербуржца — пользоваться каждым случаем усиления эксплуатации для социал-демократической пропаганды.

— ...Какой же выход? Надо требовать повысить поденную ставку. Но требовать сообща, всем... Вы требуете своего, так как все сделано вашими руками. Придет время — все заводы будут принадлежать рабочим, народу.

А удастся ли когда-нибудь свергнуть самодержавие? Хватит ли сил вырвать с корнем это трехсотлетнее дерево? Спорили, но сходились в одном — они должны работать, чтобы поднять сознание масс, и от борьбы не отступаться.

Часто вполголоса пели:

Светает, товарищ!
Работать давай!
Работы усиленной
Требует край...
Работай руками,
Работай умом,
Работай без устали
Ночью и днем!

Читали нелегальные книжки и брошюры — «Задачи социалистов в борьбе с голодом» Плеханова, «В знании — сила» Либкнехта, рукописный перевод отрывков из «Манифеста Коммунистической партии»

Маркса и Энгельса. Но какую бы книжку или брошюру ни обсуждали, беседа снова и снова возвращалась к событиям в стране, положению трудящихся. На заводе рабочий день изнуряюще долг — от 11 до 15 часов. А тут еще сверхурочные, от которых по-пробуй откажись — хозяин сразу вышвырнет за ворота. Машины изношены, не проходит и дня без увечья. Заработок — 8—15 рублей в месяц, из которых чуть не половину отбирают штрафы. Штрафуют за все — «за вбитый в стену гвоздь», «за многоглаголанье», за то, что «на улице громко пел», «за смех, разговоры после десяти часов вечера!»

Тяжело на заводе, но не легче и дома. В бараках рабочих у Крымского моста огромные комнаты, заставленные полатами или топчанами. Хозяйские матрацы из мешковины набиты соломенной трухой. На стенах сырость, плесень. Рабочие невесело шутили: в лесу грибы летом растут, а у нас и зимой. В комнатах невообразимый шум, спертый воздух. Чем отличается такая жизнь от жизни каторжан?

Владимира поражало то, что в таких условиях рабочие не унывали, не покорялись судьбе и с огромным упорством постигали трудные для них азы политических наук. А как загорались их глаза, когда он читал им роман Джованьоли «Спартак» или «Овод» Войнич! С большим удовольствием слушали рабочие и чтение книги Шпильгагена «Один в поле не воин». Им нравился ее герой, посвятивший жизнь борьбе за счастье угнетенных. Если один в поле не воин, то сплоченная армия рабочих битву с капиталом выиграет. К такому выводу приходили при обсуждении книги.

Бонч-Бруевич старался приобщить рабочих к литературе, в которой они нашли бы объяснение своей горькой участи. Но как это сделать? От плана организации «Всероссийского общества распространения полезных книг» пришлось отказаться. Несколько позже «по поручению кружка молодежи» был составлен проект «Устава общества содействия народному просвещению», но дальше дело не пошло — создать такое общество власти не разрешили.

Начать с малого, с издания сборников поэзии? Отец поддержал эту идею и предложил напечатать в

его типографии сборник стихотворений, который Володя начал составлять еще в межевом институте. Заветная тетрадь включала произведения поэтов-декабристов, Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Гранки сборника, названного «На гражданские мотивы», Володя набирал сам, подрабатывая в типографии Дмитрия Афанасьевича.

Книжка стихов вызвала настоящий переполох в цензуре. Цензор Соколов метал громы и молнии, перечеркивая красными чернилами представленные ему гранки. Более ста стихотворений было запрещено печатать. Эта же печальная участь постигла и название сборника.

Такая, по выражению цензора, «стрижка под гребенку» могла быть для составителя еще более печальной, не примени он хитрости. Стихи «бунтовщического содержания» чередовались со стихами Фета, Майкова, Полонского и других авторов о природе. После подписи цензора составитель оставил в книжке только стихотворения поэтов-декабристов, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Никитина и современных поэтов, сохраняя идейное направление сборника. Так посоветовал сделать Дмитрий Афанасьевич, имевший большой опыт в издательских делах.

Получив разрешение на издание урезанного сборника, Володя хотел поместить портрет Некрасова на обложке книги, чтобы читатель сразу мог определить ее идейное содержание. За разрешением снова пришлось идти к цензору.

— Это еще зачем?! — вскричал Соколов, выслушав просьбу Бонч-Бруевича. — Зачем вам понадобилось лепить на обложку портрет Некрасова? — Его никто не читает... О нем все забыли. А вы его на обложку! Провалитесь вы с этой неудачной книгой, папеньку только в долги введете...

Рука цензора готова была уже перекрестить эскиз обложки красными чернилами.

— Позвольте, позвольте, — запротестовал Бонч-Бруевич. — Этот портрет взят из собрания сочинений поэта. Издал его Суворин в Петербурге, и конечно же портрет, как и все издание, разрешен цензурой.

— Ишь ты, какой упрямый... Беда с вами, да и только! Вы, молодой человек, того-с... не очень загибайте влево. Беду наживете!

Цензор многозначительно помолчал. Видя, что его увещевания не действуют, махнул рукой:

— Ну ладно. Печатайте портрет этого Некрасова, раз и Суворин печатал, вредите сами себе. Это дело ваше...

Итак, победа была одержана, но назвать сборник по требованию ретивого цензора все же пришлось нейтрально — «Избранные произведения русской поэзии». В тот же день Бонч-Бруевич отнес рисунок обложки в лучшую московскую цинкографию. Надо было спешить.

Пока сборник печатался, у Владимира появились новые заботы. Он узнал о том, что богатый купец Прянишников, увлекавшийся выпуском книг для народа, подыскивал редактора «Народной библиотеки». Такой случай Володя упустить не мог и отправился на переговоры к этому либеральному издателю. Прянишникова вряд ли прельщала перспектива иметь во главе дела неопытного молодого человека, но ему понравился предложенный Бонч-Бруевичем план издания дешевых книг для простого читателя. Особое внимание в плане обращалось на распространение книг в провинции. Покоренный ярко нарисованной картиной издательской деятельности, купец согласился печатать все, что Бонч-Бруевич сочтет нужным. Он не знал, конечно, того, что редактор рассчитывал использовать просветительную литературу для занятий в нелегальных рабочих кружках.

Снова, как и два года назад, Володя обращается к прогрессивным писателям с просьбой принять участие в выпуске «Народной библиотеки». Он справедливо полагал, что успех дела будет зависеть от помощи лучших литераторов. «Конечно, подразумеваю таких литераторов, — уточнял Бонч-Бруевич, — с которыми не придется идти на идейные компромиссы и для них отступать от радикальной программы»¹.

На приглашение откликнулись писатели-народники Добротворский, Златовратский, Решетников, посланная народоволка Цебрикова. Позже в «Народной библиотеке» принял участие русский экономист и социолог Берви-Флеровский. Для издания научно-по-

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 467.

пулярных медицинских и сельскохозяйственных книжек были привлечены специалисты.

Вскоре для серии народных книг начали поступать первые рукописи. Работа закипела.

Но не только издательскими интересами жил Бонч-Бруевич. Весь март и апрель 1894 г. он вынашивал мысль о рабочей маевке. Этой идеей он заразил и своих новых друзей — рабочего Андрея Карпузи, опытного пропагандиста, с которым познакомился на одной из студенческих вечеринок, и студента Московского университета Бориса Келлера. Долго ломали голову над тем, как и где провести маевку.

Весной в праздничные и воскресные дни на Воробьевых горах, в Сокольниках, Анненгофской роще, Лефортове и других любимых простым людом местах Москвы становилось шумно. Рабочие приезжали сюда целыми семьями. Организовать маевку в одном из этих мест было заманчиво, но и рискованно. Решили поэтому собраться на Воробьевых горах, а оттуда плыть на лодках вверх по Москве-реке.

...Далеко за городом, когда от весел уже саднили руки, облюбовали тихий плес.

Лодки привязаны одна к другой. В них человек тридцать празднично одетых рабочих. На одной из лодок подняли весло с небольшим полотнищем кумача. Рядом с флагом, придерживая его мускулистой рукой, встал Андрей Карпузи. Высокий, статный, с открытым и вдохновенным лицом, он будто олицетворял поднимавшийся на борьбу пролетариат России. Андрей обратился к своим товарищам со следующими словами:

— Вы видели, как длинные вереницы карет и колясок с разодетыми богачами несутся за город. Они могут наслаждаться солнцем, природой каждый день. Только одни фабричные и заводские рабочие не знают об этой весне и не видят весеннего солнца — они заперты в стенах душных фабрик и заводов. У них одно солнце и для зимы, и для весны — электрическая лампочка или газовый рожок... Мы будем бороться изо всех сил прежде всего с самым первым и злейшим врагом как рабочих, так и огромного большинства населения России — царским самодержавием. А потом стряхнем и буржуазию!

«С трепетом и волнением слушали мы, молодежь,— вспоминал много лет спустя Бонч-Бруевич,— эту открытую политическую речь, произносимую устами рабочего!»

Потом выступили Константин Бойе и Саша Хозецкий. Говорили горячо, хотя и нескладно, о своей тяжелой доле, про общее рабочее дело.

Взял слово и Бонч-Бруевич.

— Первомай — праздник рабочих, праздник угнетенных,— начал он.— Из всех классов, которые борются против угнетения, только один пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Только он покончит навсегда с угнетением, капитализмом, буржуазией. Его ждет впереди революция, она положит начало совершенно новой жизни рабочих. А чтобы победить, рабочему классу нужна собственная организация. Она поможет сплотиться, подготовить изъятие власти у буржуазии и организует создание нового общества. Для достижения общей великой цели объединятся рабочие всех стран. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..

Непривычную торжественную тишину раскололи горячие аплодисменты. Все сидевшие в лодках улыбались, обменивались крепкими рукопожатиями, словно давали клятву верности тому делу, ради которого собрались здесь. Бесправие, нужда, окрик мастера, хозяйского приказчика, страх перед возможностью остаться без работы для них сейчас перестали существовать.

Домой возвращались уже к вечеру. Условились летом по выходным дням чаще выезжать за город, где можно свободно поговорить, почитать литературу.

После маевки Володя еще больше сдружился с Андреем Карпузи, Сашей Хозецким, рабочими с нескольких заводов, снабжал их нелегальной и просветительной литературой. От Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой он получил брошюры «Речь Петра Алексеева на суде», «Рабочее движение на Западе», «Русский рабочий в революционном движении», изданные за границей группой «Освобождение труда».

Рабочих интересовали и книжки «Народной библиотеки» — краткое изложение романа Джованьоли,

получившего название «Спартак, предводитель римских гладиаторов», переводы сказок Г. Х. Андерсена, романов Ч. Диккенса, произведения писателей-народников. Это воодушевляло молодого редактора и придавало ему новую энергию. Целыми днями он был занят «Народной библиотекой». «У меня в настоящее время дела столько, что не хватает человеческих сил выполнять успешно», — сообщал он матери в июле 1894 г. И делился радостью с отцом: «Дела по издательству идут превосходно»¹.

К этому времени вышел из печати тиражом в 1415 экземпляров сборник «Избранные произведения русской поэзии». Часть тиража разошлась по нелегальным рабочим кружкам. Сборник охотно покупали студенты и гимназисты. Но большая часть могла осесть на складе, так как владельцы книжных магазинов боялись брать его для продажи. И тут неожиданно помогли те, кто менее всего был заинтересован в распространении сборника. В реакционных газетах князя Мещерского «Гражданин» и Суворина «Новое время» появились ругательные рецензии на книгу. После этого к Бонч-Бруевичу густо пошли письма с просьбой прислать ее как можно быстрее. В письмах издателю «жали руку», благодарили, поздравляли с «выдающимся» успехом, ибо «даже «Гражданин» разразился»!

Но Владимир понимал: «Гражданин», «Новое время», а потом и статья в журнале «Русское богатство» Михайловского пробудили интерес к сборнику главным образом у интеллигенции, учащейся молодежи. А надо было искать пути к рабочему.

Помог один из авторов сборника — поэт Спиридон Дрожжин, служивший приказчиком в книжном магазине «Новое время» на Кузнецком мосту. Он горячо взялся за распространение сборника в Москве и провинции через все отделения суворинской книготорговли. Получалось — газета предавала анафеме крамольное издание, а ее магазины продавали его.

Прогрессивные писатели и пресса встретили книжки «Народной библиотеки» как «явление отрадное в сравнении с безграмотными, грязными и пошлыми изданиями гг. Губановых, Морозовых и пр. из-

¹ О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель. М., 1972, стр. 7.

дателей для народа». «Ежегодник Московского комитета грамотности» отметил, что издатели «Народной библиотеки» сознательно вступают в борьбу с лубочной литературой¹. Бонч-Бруевич получал положительные отзывы и от рядовых читателей, мнением которых особенно дорожил. Он старался лучше изучить их потребности и вкусы, а для этого сам торговал книжками на Красной площади, Девичьем поле и вербных базарах.

Полиция с тревогой следила за деятельностью редактора «Народной библиотеки», который «стал фактически во главе фирмы и направил деятельность последней на издание произведений печати исключительно тенденциозного характера». Полицейские утверждали, что магазины Прянишникова превратились «в места сборищ сомнительных личностей»². В департаменте полиции было заведено дело на «младшего землемерного помощника». Из перлюстрации писем к Бонч-Бруевичу было установлено: изданиями «Народной библиотеки» снабжаются рабочие кружки и библиотеки не только в Москве, но и в других городах. Так, из Твери ему писал некто С.Г.Ч.: «Наш кружок приносит Вам дружескую благодарность за снабжение его прянишниковскими изданиями»³.

Издательская работа Бонч-Бруевича по-прежнему сочеталась с усиленным изучением им марксистской литературы в теоретическом кружке. Зимними вьюжными вечерами в маленьком старом домике на Девичьем поле становилось многолюдно. За плотно занавешенными окнами собирались те, кто хотел серьезно овладеть наукой классовой борьбы.

Занятия вел Леонид Петрович Радин. Высокий, с горящими глазами на бледном лице, обрамленном черной как смоль бородой. Для своих слушателей он был воплощением настоящего революционера. Кто начинал заниматься в его кружке, должен был прежде всего твердо усвоить требования конспирации. Входили к Радину только по условному сигналу — днем на окне горшок с геранью, вечером — свеча.

¹ См. О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 9.

² «Звенья», т. VIII. М., 1950, стр. 657.

³ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 285, ед. хр. 11.

Леонид Петрович учил быть осмотрительным, примечать прохожих, отделяваться от шпииков. «И мы свято хранили его заветы,—обучаясь тщательной конспирации»,—позже с благодарностью напишет Бонч-Бруевич.

Радин очень требовательно относился к слушателям, побуждал много и серьезно готовиться к каждому занятию, не терпел равнодушия и лени с их стороны. В его кружке Бонч-Бруевич впервые познакомился с работами Маркса и Энгельса «Гражданская война во Франции», «Нищета философии», «Положение рабочего класса в Англии», книгой Ж. Гедда и П. Лафарга «Чего хотят социал-демократы?», произведениями Г. В. Плеханова «Наши разногласия», «Русский рабочий в революционном движении».

У Радина Владимир Дмитриевич быстро сошелся с чрезвычайно молчаливым и скромным Иваном Ивановичем Скворцовым¹. Нередко вместе они готовили рефераты, обменивались нелегальной литературой. Вдвоем штудировали первый том «Капитала». Этот труд Маркса захватил обоих, а Владимир попытался даже изложить популярно первые его главы для брошюры, которая должна была помочь рабочим овладеть марксистской политэкономией.

Большие споры в кружке Радина, как и в других кружках молодежи, вызвала книга П. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Многие читатели считали, что это подлинно марксистское произведение, направленное против народников. Они не в состоянии были разглядеть в нем смешение марксизма с буржуазной наукой. Подлинный смысл книги П. Струве был показан в статье К. Тулина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», напечатанной в одном из сборников.

Владимир за одну ночь проштудировал это произведение. Думалось — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой будут окончательно разбиты народники. Читая страницу за страницей, он все больше убеждался, что немало из того, о чем писалось в этой работе, он уже где-то читал или слышал. Мучительно вспоминал и наконец вспомнил — ну конечно же

---

¹ И. И. Скворцов-Степанов.

слышал от Петербуржца на диспуте в январе прошлого года. Вскоре представился случай проверить свою догадку у Анны Ильиничны, которая подтвердила — да, Тулин — это Петербуржец, ее брат Владимир Ульянов.

Так Бонч-Бруевич снова встретился с критикой Петербуржцем теперь уже не только либеральных народников, но и «легальных марксистов», стремившихся приспособить революционное учение к нуждам буржуазии.

Не одни теоретические занятия интересовали кружковцев Радина. С помощью гектографа они делали оттиски рукописных страничек из работ Маркса, Энгельса, Плеханова и распространяли их среди рабочих. Но скоро «гектографы нам надоели до ужаса,— вспоминал Бонч-Бруевич,— и мы твердо решили от них отойти, тем более что рабочая масса плохо читала то, что выходило с гектографа». Действительно, малограмотному человеку трудно было разобраться в бледном лиловом тексте с кляксами и плешинами.

Помог технический прогресс. Стало известно, что в магазин Блока на Кузнецком мосту поступило новое изобретение американского ученого Эдисона — множительный аппарат мимеограф, дававший тысячи четких оттисков. Но, увы, его нельзя было приобрести без разрешения полиции.

В кружке Радина мимеографом сразу же заинтересовались. Начались походы в магазин Блока. Были собраны сведения об устройстве мимеографа, его работе. Вскоре он перестал быть загадкой, но изготовить сложный аппарат кустарным способом оказалось делом весьма сложным. Долго бились над этой проблемой Радин, его помощник, которого называли Антоном, студенты братья Флеровы, Синицын и Бонч-Бруевич. Не раз приходили в уныние. Леонид Петрович бросил даже службу, получая авансы у Бонч-Бруевича под будущую популярную книжку по химии. И вот в начале 1895 г. работа над мимеографом успешно завершилась. Правда, этот аппарат значительно отличался от эдисоновского своим неказистым видом, но главное — он работал.

С мимеографом была связана вторая встреча Бонч-Бруевича с Петербуржцем — Ульяновым, со-

стоявшаяся у Елизаровых весной 1895 г. Владимира Ильича заинтересовал изготовленный нелегальным кружком мимеограф. Он расспрашивал Бонч-Бруевича, нельзя ли приобрести аппарат для Петербурга? Как это сделать? Условились о сроках и пароле для посыльного из столицы. Через несколько недель мимеограф был отправлен в Петербург. Спустя некоторое время Анна Ильинична сообщила — мимеограф получен, начал работать. Владимир Ильич передавал Бонч-Бруевичу благодарность за помощь.

Второй мимеограф летом того же года начал действовать в доме вдовы священника Варвары Михайловны Величкиной в Ольховцах, где часто собирались революционеры. Сюда приходили уже тогда известные в кругу социал-демократов А. А. Богданов (Малиновский), Л. П. Радин, И. И. Скворцов, П. Г. Смидович. Правда, дом Величкиной вскоре попал под негласный надзор полиции, но местный пристав, получая от домовладелицы взятки, закрывал глаза на все, что там происходило.

Дети Варвары Михайловны — Вера, Клавдия и Николай — постоянно находились в кругу радикальной молодежи, тянулись к марксизму. Николай Величкин был неутомимым пропагандистом в рабочих кружках. Он стал печатником на мимеографе и сам же распространил большую часть отпечатанных им брошюр «Стачки и их значение для рабочих» и «Эрфуртская программа», многочисленных прокламаций и воззваний. Верховодила в семье хрупкая и миниатюрная Верочка, студентка Цюрихского университета. Начитанная, свободно владевшая четырьмя европейскими языками, хорошо знакомая с марксистской литературой, она оказывала большое влияние на друзей. Под ее благотворным воздействием находился и Владимир Бонч-Бруевич, часто бывавший в Ольховцах. В начале их знакомства, когда в присутствии Верочки разгорались горячие споры о марксизме и революционном движении, он только слушал, удерживая себя от вопросов и выступлений. Но она быстро растормошила его. «В теоретических спорах и рассуждениях, — вспоминал Владимир Дмитриевич, — мы проводили многие часы, ломая голову над самыми сложными вопросами философии, истории и политической экономии».

Весь август 1895 г. Бонч-Бруевич провел вместе с Величкиной в Кисловодске. Много занимались, читали привезенную с собой литературу. Часто бродили по окрестным горам, берегам речки Березовки. В письме к отцу Володя сообщал, что производит своей синей блузой «удручающее впечатление на приезжую расфранченную публику» и с удовольствием уходит туда, «куда не ступала нога буржуа»¹.

Однако и здесь, на отдыхе, Бонч-Бруевича не покидали мысли и забота об издательских делах в Москве. Выпуск «Народной библиотеки» шел успешно, хотя немало рукописей застряло в цензуре. Напечатано более 30 книжек. Это ли не успех? Даже старший брат, вначале скептически относившийся к издательским планам Володи, вынужден был в письме к нему признать: «Результат блестящий — в какие-нибудь два года этой деятельности ты достиг того, что другие не могли добиться за целую свою жизнь. О твоей деятельности пишут все наиболее серьезные органы нашей прессы... твоя работа, в высокой степени полезная и почтенная, замечена всеми...»² Михаил, конечно, не знал о подпольной работе брата. Володя снабжал нелегальной литературой уже несколько рабочих кружков в Замоскворечье. Крепли его связи с созданной осенью 1893 г. в Москве социал-демократической организацией «Рабочий союз».

Возвращаясь в Москву, Бонч-Бруевич не знал еще, какие неприятные известия его ожидают.

За лето полиция и охранка дважды произвели аресты среди участников «Рабочего союза». В тюрьме оказались члены центрального рабочего кружка — А. Д. Карпузи, А. И. Хозецкий, Ф. И. Поляков, К. Ф. Бойе. Шло дознание по делу организации, ожидалось новые аресты.

А в издательстве Владимира огорошил новостью купец — он наотрез отказался выпускать народные книжки. Оказалось, Прянишникова вызывали в департамент полиции и пригрозили большими неприятностями, если он не прекратит издания крамольных книг. Было от чего прийти в отчаяние. Но не таким человеком был Бонч-Бруевич, чтобы опус-

---

¹ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 131, ед. хр. 43.

² О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 9.

кать руки при первой же неудаче. У него уже сразу появилась масса новых издательских планов.

Летние погромы «Рабочего союза» не могли остановить роста московской социал-демократии и ее влияния на рабочих. Глубокие корни «Союза» в рабочей массе давали новые ростки. На смену арестованным приходили новые товарищи. Продолжали действовать конспиративные кружки рабочих и студентов.

В один из поздних сентябрьских вечеров 1895 г. у Величкиных обсуждалось положение в Московской социал-демократической организации. Присутствовали кроме молодых Величкиных Бонч-Бруевич, Иосиф Блинов, руководитель кружков на Прохоровской мануфактуре Дмитрий Солодовников, популярный среди рабочих Москвы Павел Колокольников и приехавший из Харькова сокурсник Веры Михайловны по Цюрихскому университету Владимир Сыцяно. «Мы все еще более сдружились...— писал позже Бонч-Бруевич,— и решили: с одной стороны, продолжать издательскую деятельность, а с другой — немедленно приступить к организации социал-демократической группы...»¹ Главная задача — развивать и направлять рабочее движение.

Распределили свои обязанности и районы деятельности. Договорились, что среди рабочих Брестских, Курских и Рязанских мастерских будет вести пропаганду Величкин. Его сестра Клавдия продолжит такую же работу среди ткачих. За Солодовниковым оставалась Прохоровская мануфактура, где он должен был расширить сеть кружков. Блинов обещал усилить пропаганду в воскресных школах. К Колокольникову переходили все кружки, связь с которыми имел Бонч-Бруевич, на заводах Бромлея, Дангауэра, Набольца и Шерер.

Издательская деятельность Бонч-Бруевича позволяла ему снабжать образовавшийся центральный кружок легальной и нелегальной литературой для распространения среди рабочих. Он взялся наладить получение марксистской литературы из-за границы и из Петербурга. В круг его добровольных обязанностей входила также забота о подпольной технике.

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 189.

В один из сыкотных осенних вечеров Бонч-Бруевич, не чуя под собой ног от радости, спешил в Ольховцы. Карманы пальто оттягивала приятная ноша. Анна Ильинична передала ему около ста экземпляров статьи ее брата «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», а также брошюру «Царь-голод» и пьесу «Ткачи» Гауптмана, отпечатанные в подпольной Лахтинской типографии. Бонч-Бруевич договорился с Анной Ильиничной, что она будет извещать его о присылаемой из Питера литературе, а он — снабжать ею московские кружки. «То-то будут довольны в Ольховцах», — подумал Владимир. Но с полдороги повернул на Бронную — таким ценным грузом нельзя было рисковать и ставить под удар подпольную типографию в Петербурге. И он поспешил, проверяя, не увязался ли за ним шпик, в дом Мозжухина, где они с Иосифом Блиновым снимали квартиру. Далеко за полночь там продолжал гореть свет. Они с увлечением изучали злободневные, так необходимые для агитации брошюры.

Проблему хранения литературы решили просто — одну ночь она лежит в чемодане под кроватью Бонч-Бруевича, другую — под кроватью Блинова. Позже они стали намного опытнее по части конспирации и литературу держали на подпольных складах, откуда разносили по рабочим кружкам. «Долгое время мы очень удачно получали книги из Петербурга, — писал Владимир Дмитриевич, — и не только ими наводняли Москву, но стали посылать их от себя в Рязань, Раменское, Саратов, Владимир, Иваново-Вознесенск. Целыми корзинами я привозил эту литературу к себе домой»¹.

В начале ноября была получена наконец нелегальная литература от группы «Освобождение труда» по адресу, переданному Бонч-Бруевичем за границу через Ульянову-Елизарову. Кроме того, на mimeографе в Ольховцах оттиснули большое число экземпляров брошюр и листовок «Стачки и их значение для рабочих», «Октябрьская стачка в Иваново-Вознесенске», «Для чего рабочим нужна касса и как

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. На заре революционной пролетарской борьбы. М., 1932, стр. 33.

ее устраивать». Полиция стала находить их на заводах, в бараках и казармах.

26 ноября подполковник Бердяев сообщил в департамент полиции о том, что Колокольников, Солодовников, Бонч-Бруевич и Величкин ведут пропаганду на фабриках и заводах, распространяют заграничные социал-демократические издания¹. На следующий день обер-полицмейстер получил распоряжение установить за Бонч-Бруевичем негласный надзор. В «Дневнике наружного наблюдения» все чаще стала встречаться его фамилия.

Владимир, однако, заметил слежку и на некоторое время исчез из Москвы. Почти две недели он вместе с Иосифом Блиновым провел в деревушке Еголдаево Рязанской губернии. В доме либеральной помещицы, пригласившей друзей, было уютно, тихо, чисто. Казалось, что здесь можно было хорошо отдохнуть, позаниматься, ни о чем не тревожась и ни о чем не думая. Однако, «вглядываясь в это белое море снега, в эти бедные, ветхие деревушки, в этих обобранных крестьян, холодных, исхудавших, привыкших к голоду,— писал Володя Величкиной,— совестно как-то и очень совестно становится жить в хоромах, спать на мягких подушках, под мягкими одеялами, есть сладко и еще совестней отдыхать, мало устав, а главное, мало сделав»².

Бонч-Бруевич старался ближе познакомиться с крестьянским житьем-бытьем, ездил по окрестным деревням, и, чем больше присматривался к жизни крестьян, тем больше у него возникало вопросов. Неужели в толще крестьянской массы — подавляющего большинства населения России — нет и признака протеста? На лицах — тупая покорность судьбе, а в разговоре чаще всего встречаются фразы: «Все от бога», «Как бог захочет, так и будет». «Когда же настанет время этого всеободряющего, живительного, энергичного, возвеличивающего душу протеста, когда мракобесы будут немыслимы по существу?!»

Здесь, в Еголдаево, в деревенской глуши, он о многом передумал и окончательно решил посвятить

---

¹ Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР (далее ОРФ ИИ АН СССР), сектор «Ц», Р. XI, ед. хр. 129, л. 2.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 471.

свою жизнь только одному — организации борьбы против тьмы, насилия, гнета. Возникает желание поехать за границу. Своими мыслями он постоянно делится в письмах с Величкиной: «Я поеду за границу, буду работать там без усталы, разберусь во всем, все продумаю, выберу пути самые продуктивные и выйду на работу во всеоружии знания, силы, продуманности, воли, энергии и любви к делу»¹. Свои надежды Бонч-Бруевич связывал с группой «Освобождение труда», члены которой помогут «разобраться во всем». В его письмах к Вере Михайловне много личного. Заканчивались они неизменными словами — «Любящий Вас Бонч-Бруевич». Но в его жизни на первом месте была забота не о личном благе, а о благе народном.

Накануне нового, 1896 г. Бонч-Бруевич возвращается в Москву и снова с головой уходит в революционную работу. Еще до поездки в деревню он заказал подпольной Лахтинской типографии отпечатать листовки и брошюры, написанные членами центрального кружка. Об этом каким-то образом стало известно полиции. «И так как этот заказ был принят, — доносил московский обер-полицмейстер, — то в январе ожидается кружком транспорт сработанных типографией изданий»². Обер-полицмейстер убеждал московское охранное отделение в целесообразности повременить с ликвидацией социал-демократической организации до получения литературы, чтобы иметь веские доказательства ее «преступной» деятельности и заодно найти типографию в Питере. Стражам порядка небезынтересно было найти и заказчика.

Но транспорт из Петербурга охранка и полиция прозевали. Полученную литературу Владимир Дмитриевич сразу же распределил по тайным складам. Большая ее часть была спрятана на книжном складе издателей В. Я. и А. М. Муриновых, где он работал с осени 1895 г. Кроме того, ему удалось получать нелегальную литературу от членов польского и латышского студенческих землячеств в Москве, имевших

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 472.

² Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР (далее ЦГАОР), ф. 102, МОО, ед. хр. 1524, л. 16—16 об.

связи с заграницей. Помогал литературой и кружок Воровского, у которого был свой гектограф.

В нелегальных рабочих кружках Москвы в начале 1896 г. читались не только заграничные издания и литература, выпущенная Лахтинской типографией. С большим интересом изучалась также новенькая книжка в красноватой обложке — первое русское издание работы К. Маркса «К критике политической экономии». На титульном листе вверху было напечатано: «Издание Владимира Бонч-Бруевича».

История этой книги такова. Закрытие «Народной библиотеки» придало ее редактору еще больше активности. «У меня теперь столько сил и энергии,— писал друзьям Владимир Дмитриевич,— что мне, как говорится, сам черт не брат». Он планировал создать «новое народное издательство, довольно крупное», основать общественную библиотеку в Москве с филиалами на рабочих окраинах.

Хотя в издательской комиссии Московского комитета грамотности не удалось, по словам Бонч-Бруевича, «расшевелить заснувших ее членов», он нашел среди интеллигенции состоятельных людей, готовых кошельком послужить народному просвещению, организовал группу переводчиков из знакомых студентов и подал в цензуру готовые переводы. Среди них — «К критике политической экономии» и «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркса. Владимир знал: цензура, увлекшись борьбой с народническими идеями, большой опасности в марксистской литературе не видела. «Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление...— напишет позднее Ленин.— В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции... внезапно пробивает себе дорогу в *подцензурную* литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком»¹.

Расчет оказался верным. Цензор после долгой волокиты все же разрешил печатать перевод труда Маркса «К критике политической экономии». Весь его тираж в 2400 экземпляров разошелся за восемь дней. Московские социал-демократы, организовав-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 15.

шие в кружках негласную подписку на книгу, ликовали. Пока цензура не спохватилась, Владимир Дмитриевич подготовил и выпустил второе издание произведения Маркса.

Полюбился рабочим и новый, составленный Бонч-Бруевичем сборничек стихотворений русских поэтов под названием «Родные песни».

В январе 1896 г. центральный кружок объединился с марксистским кружком, которым руководил студент Московского университета Михаил Владимирский. Так был возрожден «Рабочий союз». Тем временем московское охранное отделение уже готовилось разгромить эту социал-демократическую организацию. Правда, обнародованный «всемилоостивейший манифест» и предстоявшая коронация в мае 1896 г. нового монарха заставляли охранку выжидать, но не бездействовать. И революционерам из «Рабочего союза» все труднее становилось избавляться от «проследок» шпииков.

Однако главной бедой московских социал-демократов являлось то, что они лишились в это время идейного влияния петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В результате полицейских погромов в декабре 1895 г. и начале 1896 г. в тюрьме оказались почти все члены руководящего центра, и среди них Ульянов, Кржижановский, Старков, Ванеев, многие активные работники организации.

Все это намного осложнило положение «Рабочего союза». Принимается решение делегировать кого-нибудь из руководства для связи с группой «Освобождение труда». Выполнить эту задачу взялись Бонч-Бруевич и Величкина.

29 марта 1896 г. они прощались с друзьями, Москвой. Никто из них не знал, какие испытания их ждут в недалеком будущем...

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Поезд приближался к границе. Волнение возрастало. Владимир Дмитриевич и Вера Михайловна знали, что аресты здесь были нередки...

— Господ пассажиров просят приготовить документы!

По вагону прошли жандармы и отобрали паспорта. Следом за ними прошествовали пять-шесть фигур в штатском, молча ощупывая острыми взглядами каждого пассажира.

Томительный таможенный досмотр. Долгие часы в зале ожидания. Наконец посадка в вагоны. Жандарм роздал паспорта.

«Мы готовы были прыгать от счастья и радости,— вспоминал Бонч-Бруевич.— Но поезд подозрительно что-то не отходил. Уже пробило два звонка, а третьего все нет и нет. Потом вдруг в наш вагон быстро входит жандармский офицер, прямо подходит ко мне и Вере Михайловне и говорит:

— Позвольте ваши паспорта».

Вот и все. Арест неминуем. Их спутник по вагону, с виду русский студент, о чем-то спросил Величкину. Офицер резко повернулся к нему:

— Позвольте и ваш паспорт.

Студент совершенно растерялся, начал суетливо шарить по карманам. Жандарм с тремя паспортами, звякая шпорами, пошел к выходу.

Мертвая тишина повисла в вагоне. Взгляды пассажиров скрестились на них — обреченных.

Владимир Дмитриевич и Вера Михайловна вскоре пересилили волнение и начали тихонько посмеиваться над своим соседом, побледневшим и потерявшим дар речи. Но, выглянув в окно, Бонч-Бруевич побледнел сам: вдоль вагона в шеренгу выстроились жандармы. Последние сомнения исчезли — сейчас арестуют. Значит, охранка ставит точку в его подпольной работе. Ну что ж, по крайней мере, сделано немало. Он снабжал организацию литературой, участвовал в подготовке стачек. Успешно прошла заба-

ставка на механическом заводе Вейхельта — почти все требования рабочих были удовлетворены. В этом и его, пусть маленькая, заслуга.

Зимой и в начале весны мимеограф в Ольховцах работал с полной нагрузкой — печатали листовки и агитационные брошюры. А в конце февраля к празднованию годовщины Парижской коммуны отправили приветственный адрес французским пролетариям, под которым подписались 605 московских рабочих. Собрали даже 50 рублей, чтобы на кладбище Пер-Лашез у Стены коммунаров был венок и от русских рабочих.

В начале марта провел много бесед с рабочими, две конференции, на которых разъяснял вред толстовского учения о непротавлении злу насилием. Перед отъездом пожертвовал свою библиотеку в 867 томов «Рабочему союзу». Среди них много книг и брошюр Маркса, Энгельса, Плеханова, произведений Белинского, Герцена.

Снова слышался звон шпор. Но жандарм почему-то один. Он подходит... паспортов в руках нет.

Страж порядка неторопливо шарит рукой за обшлагом мундира.

— Паспорт... Величкиной!

Жандарм снова медлит, испытующе смотрит на Бонч-Бруевича, пытающегося принять равнодушный вид.

— Вот и ваш паспорт.

Получил паспорт и незадачливый студент.

Пронесло! Теперь — прощай, Россия!

Через минуту — третий звонок, вагон дернулся и тихо покатился. Скоро за окном мелькнул пограничный столб с двухглавым орлом¹. Впереди — Австрия.

Потом были Мюнхен, Цюрих.

В Цюрихе почувствовали себя будто дома, в России. Здесь было много русской публики — эмигрантов, студентов, обучавшихся в университете и политехникуме. Русская колония состояла из сторонников самых различных политических партий и групп — народовольцев, социал-демократов, анархистов. Каждая группа имела своих авторитетов и старалась вовлекать в свою организацию новых членов, осо-

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 192—194.

бенно из числа прибывающих из России эмигрантов и студентов. Все это бурлило и кипело, бросалось в яростные атаки друг на друга.

Владимир в знакомствах был весьма осторожным. Близко сошелся он только с социал-демократом Виктором Курнатовским. Тот познакомил его с политическими кружками и группами, прежде всего с членами Цюрихской группы содействия плехановской группе «Освобождение труда». С Курнатовским они виделись почти ежедневно в русской студенческой библиотеке. Здесь Бонч-Бруевич нашел много книг по истории русского революционного движения, чрезвычайно заинтересовавших его.

«Сейчас вспоминаю я с величайшим трепетом те радостные первые дни моей жизни в Цюрихе,— писал полстолетия спустя Бонч-Бруевич,— когда я удалялся с этими богатствами, которые брал в библиотеке, к себе в мансарду на улице Цюрихбергштрассе, засаживался там за эти книги, с жадностью читая и перечитывая их, стремясь делать конспекты. Увлекался описываемыми в них событиями так, что бросал конспектировать и проглатывал ежедневно множество страниц о политической жизни и революционной борьбе предыдущих поколений»¹.

Познакомился Бонч-Бруевич и с польской социалисткой Розой Люксембург и ее мужем Лео Иогихесом. Они расспрашивали Бонч-Бруевича о событиях в России, его планах на будущее. Он с увлечением слушал их рассказ о социал-демократическом движении в Германии, Польше. Домой от них ушел со стопкой подаренных книг Маркса.

Бонч-Бруевичу и Величкиной удалось встретиться с Павлом Борисовичем Аксельродом. Хотелось получить от него ответы на многие вопросы революционной практики, волновавшие его товарищей в России. Аксельрод радушно принял москвичей. «После этого я видел его много раз,— вспоминал Бонч-Бруевич,— разговоры с ним всегда были интересны, но далеко не всегда поучительны»². Владимир Дмитриевич не мог согласиться с оценкой Аксельродом русского рабочего движения как неразвитого, политически отсталого. В памяти Владимира

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 201.

² Там же, стр. 212.

Дмитриевича еще свежи были московские стачки, занятия в рабочих кружках.

Аксельрод посоветовал Бонч-Бруевичу и Величиной съездить к Плеханову. Робко переступили они порог квартиры Плеханова на улице Кандоль, 6, в Женеве. В прихожую к ним вышел сам хозяин в домашней куртке, высокий, худощавый, с седеющей бородой. Под густыми бровями искрились умные, пронизательные глаза.

— Вот вы какие, москвичи! — приветливо улыбаясь, произнес Георгий Валентинович. — Писал мне Аксельрод о вас.

Он представил гостей супруге Розалии Марковне. Усадив их в кабинете в мягкие кресла, начал спрашивать о событиях в Москве, рабочем движении. Плеханов «интересовался решительно всем, вплоть до разговоров и споров на наших собраниях, — вспоминал Владимир Дмитриевич, — описаниями жилищ рабочих, их бытовых условий, времяпрепровождения в свободные часы, студенческими сходками и пр. и пр.»¹.

— Георгий Валентинович, московские товарищи поручили нам просить вас ответить на ряд теоретических вопросов. Вот их перечень...

С этими словами Владимир Дмитриевич достал из кармана кусок коленкора с проявленным химическим текстом.

— У-у, батенька, да тут целая хартия...

По мере того как Плеханов читал перечень вопросов, лицо его все больше светлело.

— Похвально, весьма похвально... Вижу интенсивную работу теоретической мысли в России! Ну что ж, на многие вопросы я уже ответил в своих последних работах. Ответы на другие появятся в моей книге, которая скоро выйдет в Петербурге.

Заговорили о конспирации, о том, как удавалось проникать в рабочие казармы, скрываться от шпиков. Владимир Дмитриевич рассказывал: когда он хотел проверить, интересуется ли охранка его квартирой, выходил из нее с каким-нибудь свертком или портфелем, туго набитым старыми газетами. Если увязывался шпик — отделялся от него на вокзале

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные атеистические произведения. М., 1973, стр. 276.

или Никольском рынке. Если никого не было — возвращался, чтобы нагрузиться типографским шрифтом или нелегальной литературой, и направлялся в Ольховцы.

— Чем думаете заняться здесь, за границей? — обратился Плеханов к гостям.

Вера Михайловна сказала о намерении продолжать медицинское образование, не оставаясь в стороне от дел Цюрихской эмигрантской колонии. Владимир Дмитриевич сообщил о своем желании наряду с занятиями в университете изучать историю крестьянских движений, в частности роль в них сектантских общин.

— Читали ли вы замечательную работу Энгельса «Крестьянская война в Германии»? — спросил Георгий Валентинович. — Там Энгельс дал глубокий марксистский анализ средневековых крестьянских войн в Германии, в которых огромную роль играли всевозможные секты того времени... Сейчас же прочтите, нет, изучите эту книгу, образец приложения марксистского метода к историческим явлениям...

Плеханов подвел гостя к большому темного дерева шкафу и начал показывать свою библиотеку.

— Вы не стесняйтесь, посмотрите мои книги. Я разрешаю вам ими пользоваться.

Владимир Дмитриевич привез для Плеханова подарок — сборник «Избранные произведения русской поэзии» и русский перевод работы Карла Маркса «К критике политической экономии».

— Ба! Вот наконец эта книжка, о которой я читал объявление, но не мог нигде купить, — обрадовался Плеханов. — Так это вы напечатали Маркса! Великое вам спасибо, ведь это первое русское издание его знаменитой работы!..

Георгий Валентинович начал внимательно просматривать книжку.

— Вижу, перевод не везде отличается достаточной точностью. А сколько явных следов подцензурной печати! Ничего не поделаешь, и все же русская публика будет лучше знать Маркса...

Розалия Марковна пригласила всех пить чай.

Вечером следующего дня москвичи сопровождали на прогулке Плеханова после его, как он выражался, «многочасовой каторги литературного труда».

В Цюрихе Владимир Дмитриевич по настоянию Плеханова принял участие в подготовке сборников «Работник», «Листки работника», помогал наладить типографию группы «Освобождение труда». «По инициативе того же Бонч-Бруевича,— доносил в департамент полиции чиновник особых поручений Рачковский,— в Цюрихе основался «Комитет помощи голодающим» под его председательством и при участии Аксельрода, Засулич и Грозовской (Р. Люксембург.— Г. Д.)»¹. Комитет организовал широкий сбор пожертвований и открыл столовую для голодавших эмигрантов и студентов. Популярность Бонч-Бруевича среди местной социал-демократической группы начала быстро расти. Он был избран ее председателем. Устраивал дискуссии с «экономистами» из «Рабочего дела», выпустил гектографированную брошюру против них.

Одному делу Бонч-Бруевич предпочитал несколько. В письме к отцу он сообщал о научной работе, занятиях на философском факультете университета, увлечении концертами классической музыки («музыку Вагнера люблю до безумия»). Писал он об участии в рабочих собраниях, где часто читались рефераты на политические темы («тут я чувствую себя как дома»). «Работы у меня масса, и я так люблю ее, что только ею живу и ею удовлетворяюсь»².

Летом Бонч-Бруевич и Величкина получили из Москвы два письма. В первом сообщалось о росте «Рабочего союза», а в другом Николай Величкин писал о начавшихся провалах в их организации. Полагая, что Бонч-Бруевич и Величкина недостижимы для полиции, кое-кто из обвиняемых рассказал об их работе больше, чем знал. На основании этих показаний департамент полиции стал считать Бонч-Бруевича «наиболее выдающимся деятелем в группе «Российской социал-демократической партии»»³. Отныне путь в Россию для него был закрыт.

Заграничные агенты охраны получили указание установить за Бонч-Бруевичем слежку. В одном из секретных донесений говорилось, что эта личность, «находясь в непрерывных сношениях с выдающи-

¹ ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1898 г., 6 ч., 83 (1), л. 63 об.

² ОР ГБЛ, ф. 369, к. 131, ед. хр. 43.

³ О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 13.

мися эмигрантами, сохранила, как оказывается, тесные связи с оппозиционными элементами на родине»¹. Действительно, Бонч-Бруевич поддерживал связь не только с московским «Рабочим союзом», но и с социал-демократами Петербурга, Саратова и Нижнего Новгорода. С помощью транспортной группы латышских социал-демократов в Либаве он переправил в эти города несколько транспортов литературы и три печатных станка. В одном из транспортов, полученных в Москве, было два с половиной пуда нелегальной литературы.

Еще недавно казавшиеся крепкими связи с Россией начали обрываться одна за другой. Уезжая за границу, Владимир Дмитриевич вынашивал широкие планы выпуска в России переводной марксистской литературы и заключил контракт с журналом «Русская мысль» на ее издание. Организованные им группы переводчиков в России и за границей к концу лета перевели около 50 книг, среди которых были «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, «Капитал» К. Родбертуса, «История труда в Англии» Роджерса, работы П. Лафарга. Но ни один из переводов в «Русской мысли» света не увидел.

Бонч-Бруевич пытался уговорить отца и его компаньонов организовать совместное издательское дело, но успеха не имел. Отчаянные попытки выпустить в свет переводы с помощью издателей О. Н. Поповой, Н. А. Рубакина, М. Н. Семенова тоже закончились неудачей. Владимир Дмитриевич терялся в догадках по поводу своих издательских неудач в России. Не понимая, почему «Русская мысль» ничего не публикует, ругал за нерасторопность друзей, слал своему представителю Блинову подробнейшие инструкции о том, как следует обвести цензуру, что следует издавать в первую очередь. Только узнав об его аресте, начал догадываться о причинах неудач. Оказалось: все, что представлялось в цензуру его друзьями и поверенными лицами, печатать было запрещено.

Полагая, что цензура ополчилась только против марксистской литературы, Владимир Дмитриевич ре-

---

¹ ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1898 г., 6 ч., 83 (1), л. 63 об.

шил познакомить русского читателя с творчеством Ивана Франко. Он начал переписку с украинским писателем и перевел несколько его рассказов. Но и им не суждено было увидеть света. «Господи,— в отчаянии вырвалось у Бонч-Бруевича в одном из писем к матери,— когда же уничтожится этот проклятуший режим, при котором ничему светлому и хорошему существовать нельзя!»¹

Только в глухой русской провинции в газете «Вятский край» появились его рецензии на издания «Посредника» и несколько статей, посвященных народному образованию.

Но Бонч-Бруевич не унывал. В это время он уже с головой ушел в изучение истории революционных движений, принимавших религиозную оболочку. Плеханов при встречах с ним подробно расспрашивал о работе, читал собранные им материалы, его статьи. Он «говорил мне,— вспоминал Владимир Дмитриевич,— что я должен написать историю сектантских движений в России»². Такая авторитетная поддержка стимулировала работу. Вести научные исследования в тесной связи с революционной практикой, подчинить влиянию социал-демократии движение сектантов и направить его против самодержавия — такую задачу поставил перед собой Бонч-Бруевич. Он не только горячо протестовал против преследования царским правительством русских сектантов-духоборов, но и принял личное участие в их судьбе.

В 1899 г. Владимир Дмитриевич и Вера Михайловна сопровождали партию духоборов, переселявшихся из России в Канаду, и прожили среди них около года. «Это личное длительное общение с семитысячной массой сектантов-духоборцев дало мне огромное число наблюдений, записей и рукописей,— вспоминал Владимир Дмитриевич.— Я впервые жил в самой гуще сектантской массы, где ознакомился и с их обрядами и обычаями, и с их вероучением, впервые записав за ними их «Животную книгу», изучил экономическую природу их общин, их организацию

---

¹ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 132, ед. хр. 5.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные атеистические произведения, стр. 277.

и пр. и пр.»¹. Редкий исследователь мог получить такое обилие ценного материала для характеристики общественных, этических и религиозных взглядов духоборов. Благодарные сектанты ознакомили его с памятниками своей духовной культуры, недоступными для исследователей.

После возвращения в 1900 г. из Канады Бонч-Бруевич в течение трех лет издает задуманную им ранее серию книг под названием «Материалы к истории и изучению русского сектантства». Каждый из четырех томов содержал первоисточники, научное предисловие и обширные комментарии. Кроме того, Бонч-Бруевич написал трехтомный труд «Духоборцы в канадских прериях», опубликовал ряд статей. Они свидетельствовали о большой научной зрелости автора. Но эти исследования не могли отвлечь Бонч-Бруевича от главного — участия в пролетарском движении.

В России поднималась новая революционная волна. Созданная Лениным газета «Искра» призывала расширить размах политических демонстраций и стачек, настойчиво боролась за создание действительно марксистской партии в России.

С появлением «Искры» Владимир Дмитриевич начал сотрудничать в газете, посылая редакции корреспонденции, которые получал из России, участвовать в ее распространении. Так, ему удалось уговорить своего коллегу по «канадской эпопее» А. Н. Коншина захватить с собой газету при возвращении на родину. Сын русского фабриканта был вне подозрений охраны и полиции и благополучно перевез через границу больше сотни экземпляров первого номера «Искры».

Испытывая вместе с Верой Михайловной, ставшей его женой, большие материальные затруднения, Владимир Дмитриевич зарабатывает уроками, перепиской бумаг. Много трудясь, сильно нуждаясь, он, однако, не перестает быть оптимистом. «...Я работаю не покладая рук и уверен, что моя работа не пропадет даром для моей родины, которую я все так же люблю, к которой стремлюсь и о которой тоскую,— писал он матери.—...Я буду жить сознанием испол-

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные атеистические произведения, стр. 277.

ненного гражданского долга на пользу тех, кого угнетают уже целые века, на пользу нашего народа, которому мы все,— и только ему одному,— обязаны всем, что имеем, что знаем..!»¹

В результате его стараний и настойчивости в Лондоне стал выходить закрытый в Петербурге прогрессивный журнал «Жизнь». «Все обливали меня холодной водой пессимизма,—вспоминал редактор журнала Поссе.— Нашелся только один человек, который горячо ухватился за мысль о возобновлении «Жизни» и взглянул на дело оптимистически... Человек этот Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич»².

Владимир Дмитриевич надеялся, что ему удастся превратить журнал «Жизнь» в подлинно революционное издание. Однако в социал-демократической организации, созданной для его выпуска, не было единства мнений. Журнал, отражая политические взгляды большинства членов организации, проповедовал «христианский социализм». Правда, многие брошюры и статьи, изданные редакцией журнала, были ценными и нужными. Впервые на русском языке журнал напечатал стихотворение Эжена Потье «Интернационал».

В изданиях «Жизни» появились брошюры и статьи Бонч-Бруевича: «Из жизни духовенства», «Значение сектантства для современной России», «Старообрядчество и самодержавие», предисловие к брошюре «Дело павловских крестьян» и другие.

С большой энергией Владимир Дмитриевич налаживал вместе с друзьями и транспортировку изданий «Жизни». В Лондоне, Париже, Марселе, Берлине, Вене, Амстердаме, Брюсселе, Будапеште, Милане, Неаполе, Софии, Женеве, Цюрихе, Берне и Лозанне он создал склады марксистской литературы для отправки ее в Россию. Среди пересылавшихся изданий центральное место занимала «Искра». Бонч-Бруевич понимал первоочередную потребность в ней рабочих. Ленин, подчеркивая важность распространения газеты, писал в июне 1901 г. П. Н. Лепешинскому и П. А. Красикову: «Вообще весь гвоздь нашего дела теперь — перевозка, перевозка и перевозка»³.

¹ О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 17.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 115.

Проходил месяц за месяцем, а редакцию «Жизни» продолжали раздирать противоречия. Владимир Дмитриевич терял надежду вывести «Жизнь» на позиции «Искры». Поссе не без оснований подозревал, что Бонч-Бруевич готовит почву для «поглощения» «Жизни» «Зарей» и «Искрой». «...Ближайший мой товарищ по редакции «Жизни» В. Д. Бонч-Бруевич,— признавал Поссе,— подписывался под каждым словом речей Плеханова и Ленина»¹.

Все окончательно решила вышедшая в свет весной 1902 г. книга Ленина «Что делать?». Она звала каждого российского социал-демократа бороться против стихийности, кустарничества в рабочем движении, за создание революционной марксистской партии. «Появление «Что делать?» Владимира Ильича,— вспоминал Бонч-Бруевич,— властно потребовало самоопределиться: или с революционным марксизмом... или с убудочным миропониманием, подкрашенным в марксистский цвет, на поводке у Бернштейна...»² «Самоопределялись» и члены социал-демократической организации «Жизнь». Дни ее были сочтены.

Ленин и Плеханов присматривались к делам в редакции «Жизни». В письме Плеханову от 1 декабря 1902 г. Владимир Ильич спрашивал: «А «жизненцы» что?»³ Через две недели снова: «Видаете ли жизненцев? Как идет «сближение» с ними и каковы шансы?»⁴

Георгий Валентинович предложил Владимиру Дмитриевичу и Вере Михайловне выйти из организации «Жизнь» и вступить в Заграничную лигу русской революционной социал-демократии, организованную по инициативе Ленина в 1901 г. Владимир Ильич одобрил такое предложение. «Бонча... надо тянуть к нам,— писал он Плеханову 25 декабря 1902 г.— и Ваш шаг (пойти к Бонч-Бруевичу и «позвать» в Лигу), по всей вероятности, все одобряет»⁵. Георгий Валентинович, хорошо знавший Бонч-Бруевича, подчеркивал, что «он нам будет очень поле-

¹ О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 19.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 240.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 234.

⁴ Там же, стр. 239.

⁵ Там же, стр. 243.

зен... Бонч очень деятельный человек, жена его прекрасная переводчица и знает много языков»¹.

За принятие Бонч-Бруевича и Величкиной в Лигу высказались и другие члены искровской редакции. А. Н. Потресов, с которым Бонч-Бруевич также вел переговоры, писал Ленину, что «Бонч самым решительным образом идет к нам».

Правда, Владимир Ильич условием приема Бонч-Бруевичей в Лигу сначала ставил их мотивированное печатное заявление о выходе из «Жизни». Но социал-демократическая организация и журнал сами уже прекращали существование, и необходимость в заявлении отпала. В январе 1903 г. Владимир Дмитриевич и Вера Михайловна были приняты в Лигу.

Бонч-Бруевич предполагал, что вся транспортная группа «Жизни» будет работать на «Искру», но ошибся. Поэтому, сохраняя связи с сектантами, он начал привлекать их организации в Румынии к перевозке в Россию искровской литературы. Но количество ее было ограниченным из-за слабости технической базы искровцев и отсутствия средств. И Владимир Дмитриевич решил использовать свой опыт и «способности к практике», как говорили его друзья.

На первом месте в широких издательских планах Бонч-Бруевича стояла организация на кооперативных началах партийной брошюровочной. Нет денег? Но он нашел способ их добыть. Из Женевы в Россию, Германию, Францию, Англию пошли десятки писем к знакомым и незнакомым людям или просто сочувствующим социал-демократии с просьбой помочь важному партийному делу. К середине февраля таким путем было получено 674 франка. На эти и взятые в долг деньги Бонч-Бруевич купил в Лозанне у знакомого владельца типографии машины. Оплатить их доставку с вокзала в снятое для брошюровочной помещение было нечем. Учредители брошюровочной сами впряглись в нагруженную четырехколесную тележку и так, веселой гурьбой, удивляя прохожих, привезли оборудование на место.

Через неделю кооперативная брошюровочная работала. «Вскоре наша социал-демократическая организация,— вспоминал Бонч-Бруевич,— стала до-

---

¹ «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова». В трех томах, т. 1. М., 1973, стр. 140—141.

вольно оживленно издавать брошюры... для широких рабочих масс»¹. Тем временем деятельный Владимир Дмитриевич уже мечтал о выпуске популярной социал-демократической литературы в виде «Библиотеки «Искры»». Но Ленин выразил сомнение в реальности этого дела. «Чтобы основать «библиотеку», — писал он Бонч-Бруевичу, — надо иметь особого редактора ее (у нас одного нет) или особые силы (у нас оных нет). Надо иметь серию подобранных по характеру книг и брошюр (чего у нас нет). Сшивать в библиотеку Каутского, Туна etc. было бы на мой взгляд архиискусственно.

К чему «библиотека»? Будут хорошие брошюры — издадим и без библиотеки. А теперь брошюр мало, переводчиков хороших нет. (Я маюсь с переделкой перевода), — к чему же обещать громогласно «библиотеку»?»².

В будущем Ленин еще не раз будет возвращать Бонч-Бруевича с небес на землю. Но он высоко ценил организаторские способности Владимира Дмитриевича, его энергию, научные интересы.

Ленин познакомился со статьями Бонч-Бруевича. Корректуру одной из них — «Силы русского клерикализма», обличавшую православную церковь в России, Владимир Ильич правил для № 47 «Искры». Он считал возможным включить в повестку дня готовившегося Второго съезда партии вопрос о работе социал-демократов среди сектантов. Бонч-Бруевич написал для съезда доклад, в котором изложил историю религиозного сектантства, показал социально-исторические причины его возникновения и сформулировал задачи социал-демократической пропаганды среди сектантов для привлечения их к революционному движению. «Владимир Ильич очень внимательно прочел мой доклад, — вспоминал Бонч-Бруевич. — ...Задал мне ряд вопросов, предложил уточнить и уяснить некоторые части, что я, конечно, сейчас же охотно сделал». Ленин «...сказал, что он сам доложит его съезду и предложит соответствующую резолюцию»³. После доработки Владимир Дмитриевич от-

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 263.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 268.

³ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные атеистические произведения, стр. 280.

правил свой доклад «Раскол и сектантство в России» Ленину. «Сейчас получил Ваш доклад. Спасибо!» — сообщал Владимир Ильич¹.

Второй съезд РСДРП завершил объединение марксистских организаций в революционную партию рабочего класса России. Но он обнаружил и резкие разногласия между революционным и оппортунистическим направлениями, отражавшими два подхода к вопросу о характере партии. До Женевы начали доходить тревожные слухи о расколе.

Во время съезда партии Бонч-Бруевичу и другим партийным работникам был поручен выпуск «Искры» и ведение всех текущих партийных дел. С нетерпением ожидали они возвращения Ленина, Плеханова.

Как-то после полудня Владимир Дмитриевич возвращался домой из типографии и на одной из улиц неожиданно увидел шедшего навстречу Ленина. У Владимира Ильича было утомленное лицо, сосредоточенные грустные глаза, свидетельствовавшие о глубоких переживаниях.

Ленин приветливо поздоровался.

— Значит, раскол! — произнес Владимир Дмитриевич.

— Да. Глубокий и принципиальный. Параграф первый устава прежде всего положил рубеж. Вы, конечно, знаете, в чем разница формулировок?

— Да, да. Формулировка Мартова дает возможность включить в партию всех желающих...

— Это первое... — Ленин вопросительно посмотрел на Бонч-Бруевича.

— Но ведь такая формулировка — явно либеральная, вполне допустимая для Струве, для «освободенцев»², а не для искровцев, не для революционеров, — продолжал Владимир Дмитриевич.

— Хорошо, очень хорошо, — улыбаясь, сказал Владимир Ильич. — Совершенно правильная оценка... Создание нелегальной организации профессиональных революционеров...

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 291.

² Представители либерально-монархической буржуазии, объединившиеся вокруг журнала «Освобождение», редактировавшегося П. Б. Струве. «Освобожденцы» составили позже ядро буржуазной партии кадетов.

— Неужели отрицают?

— Ну да, конечно. Говорят, что это вздор, что это путь к вырождению...

— А как же работать? Кто же будет работать? — загорячился Бонч-Бруевич. — Кто будет перевозить литературу? Ставить нелегальную работу в России? Транспорт, оружие, типографии...

Владимир Ильич тихонько засмеялся:

— Вот она, практика-то революции, всегда ставит на верный путь...

— Да как же иначе? Что же нам, ликвидировать, что ли, все? Или заняться гастролерством...

— Гас-тро-лерст-вом... Именно гастролерством предлагают нам заняться, — в раздумье сказал Владимир Ильич. — Это теперь-то, когда царизм напрягает все силы, чтобы нас разгромить?!

Они шли, разговаривая, по безлюдной улице. Бонч-Бруевич горячился, жестикулировал. Владимир Ильич, заложив руки за спину, шел рядом, изредка кивая головой, приостанавливался и что-то тихо, по конспиративной привычке, говорил своему спутнику.

Так они дошли до какого-то перекрестка. Ленин остановился и, понизив голос, спросил:

— У вас было какое-либо собрание здесь? Вы с кем-нибудь еще беседовали?

— Нет, ничего не было... Вот от вас впервые слышу все эти подробности и должен прямо сказать вам, что все, что вы говорите, вполне приемлю. Заявляю вам, что целиком и полностью присоединяюсь к вашей позиции.

Владимир Ильич радостно улыбнулся, потом в упор посмотрел на Бонч-Бруевича:

— Это очень серьезно... И вы так скоро не решайте, все обдумайте хорошенько, проверьте, прочтите документы...

— Я вполне понимаю вас, Владимир Ильич, — сказал Бонч-Бруевич, — и очень благодарю за дружеский совет. Я отлично понимаю, что здесь надо решать раз и навсегда, на всю жизнь, но главнейшее, как я понимаю, я услышал от вас, и все, что вы сказали, — я чувствую, я знаю — это мое собственное, от которого никуда и никогда отойти нельзя.

— Это очень хорошо.... но только будьте осторожны,— говорил Владимир Ильич, крепко пожимая руку Бонч-Бруевичу¹.

Сделав несколько шагов, Ленин что-то вспомнил и остановился:

— Да, вот еще что, Владимир Дмитриевич. Ваш доклад съезд одобрил и в резолюции рекомендовал членам партии обратить внимание на работу среди сектантов. Издание листка для них съезд также признал необходимым. Заходите ко мне денюшка через два, через три, мы поговорим подробнее. Передайте поклон Вере Михайловне...

Владимир Ильич быстро пошел по улице. Бонч-Бруевич долго смотрел ему вслед, думая о том, сколько должен был пережить за время съезда этот человек, борясь с оппортунизмом, за создание революционной пролетарской партии в России.

Каждый новый день убеждал в том, что сторонники Мартова, оказавшись в меньшинстве, избрали путь бойкота центральных партийных учреждений, путь раскола и дезорганизации, клеветы на Ленина. Они выработали два приема борьбы, писал Владимир Ильич. *«Первый прием — дезорганизация всей партийной работы, порча дела, стремление тормозить все и вся «без объяснения причин».*

Второй прием — устройство «сцен» и пр. и пр.»².

Первой, по замыслу меньшевиков, должна была пасть Заграничная лига русской революционной социал-демократии, на съезде которой они настаивали.

В серое октябрьское утро в зале кафе «Ландольт» в Женеве собрались делегаты съезда Заграничной лиги. Сразу же после его открытия возникли разногласия. Предложение Бонч-Бруевича о выборе бюро съезда из трех человек — от большевиков, меньшевиков и одного общим голосованием — вызвало возражение меньшевиков. Троцкий внес другое предложение — выбрать в бюро три человека без учета того, относится ли избираемое лицо к большевикам или меньшевикам. Поставили оба предложения на голосование. Ленин отметил в записной книжке:

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 294—296.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 347.

Первое голосование 17 за предложение Троцкого (выбор 3-х лиц)¹.
14 за Бонча, 16 против.

Троцкий знал, что делал. В зале — большинство меньшевиков. Многие большевики — члены Лиги после съезда партии уехали в Россию выполнять его решения.

Владимир Ильич подсчитывает силы «большинства» и «меньшинства»:

1. Плеханов	1. Потресов
Ленин	Потресо́ва
Ленина	Мартов
Бонч	Димка ²
б. Величкина	5. Дейч
. . . . .	Троцкий
	Гурский ³
	. . . . .

Список растет, но левая колонка будет значительно меньше правой.

На заседании Ленин выступил с докладом о Втором съезде РСДРП, в котором информировал членов Лиги о его работе, о принципиальной стороне разногласий между большевиками и меньшевиками, их причине и возможных последствиях для партии. Русской социал-демократии, подчеркнул он, приходится пережить последний трудный переход к партийности от кружковщины, к сознанию революционного долга от обывательщины, к дисциплине от сплетен и кружковых давлений.

Чем убедительнее была спокойная речь Владимира Ильича, тем в большую ярость приходили меньшевики. Особенно неистовствовал Мартов. Он поминутно вскакивал, прерывал Ленина, кричал изо всех сил. Ему помогали его сторонники и Троцкий.

В одну из маленьких пауз Плеханов, повернувшись к Мартову, спокойно сказал:

— Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав.

Мартов поперхнулся, краска залила его лицо, и через мгновение он адресовал свою ругань уже Пле-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 453.

² И. Г. Леман.

³ Ленинский сборник VII, стр. 64.

ханову. Георгий Валентинович несколько опешил и, побледнев, воскликнул:

— Если вы считаете себя оскорбленным, я готов с вами драться на дуэли, но не опускайтесь так низко, как на это способны охотнорядские московские молодцы!

Председательствовавший меньшевик Кольцов застыл в какой-то ожидающей позе. Всплеснув руками, с места поднялась Засулич:

— Жорж, что вы? Договорились до дуэли! Ну на что это похоже?

Она решительно направилась к председателю, прося прерыва.

На втором и третьем заседании Мартов выступил с содокладом. В нем — полный простор грубым выпадам, оскорблениям и разного рода измышлениям. Тут были и требования изменить состав ЦК партии, редакции «Искры». Речь лидера меньшевиков до предела накалила обстановку. В зале кафе стоял невообразимый шум — большевики возмущались, меньшевики пытались аплодировать своему кумиру.

Слова попросил Бонч-Бруевич.

— Я считаю поведение товарища Мартова по отношению к товарищу Ленину недостойным, и я готов перед любым третейским судом дать объяснение по поводу того, что считаю часть реферата Мартова недостойной...

Бонч-Бруевича дружно поддержали большевики. В бюро съезда Лиги поступило от них заявление: «Мы, нижеподписавшиеся, крайне возмущены тем недостойным поведением тов. Мартова и большинства Лиги, которое выразилось в предыдущем заседании перенесением принципиальных дебатов на почву сплетен, темных намеков, ругательств... заподозриваний и пр... Мы заявляем, что в поведении большинства «Лиги» мы видим лишь попытку меньшинства партийного съезда найти арену для борьбы с большинством партийного съезда, путем охарактеризованных выше недостойных приемов...»¹

Поскольку проекты решений съезда Лиги были направлены против постановлений Второго съезда

---

¹ Ленинский сборник VII, стр. 173—174.

РСДРП, член ЦК Фридрих Ленгник объявил решение ЦК о роспуске Лиги.

Последовала немая сцена. Меньшевики не ожидали такой смелости от ЦК и растерялись. Но эта минутная растерянность сменилась таким шумом, криком и бранью, что возле кафе начали останавливаться любопытные женевцы. Только сторонники Плеханова и Ленина спокойно наблюдали, как неистовствовали их противники.

Громче всех кричал Мартов, призывая своих сторонников к прямому неподчинению решениям ЦК партии. А ведь он сам являлся членом Совета партии, который обязан был следить и за соблюдением партийной дисциплины.

— Вот и отлично,— сказал Владимир Ильич.— Теперь вся партия быстро узнает, кто же на самом деле раскольники, кто разваливает дисциплину в партии и самую партию. Идемте, товарищи, здесь нам нечего делать...¹

Крупская с Величкиной, за ними Ленин, Бауман, Литвинов, Лалаянц с женой, Бонч-Бруевич и еще несколько человек вышли из кафе. Подождали Плеханова. Он был необычайно мрачным и подавленным. Таким его еще не видели. Совсем недавно на собраниях большевиков он постоянно шутил и подбадривал публику, в шутку репетировал разгром мартовцев.

— Нам необходимо посоветоваться, товарищи, после этого вавилонского столпотворения,— предложил Ленин.

— Я, кажется, впервые отступаю от правила — быть самим собой,— отозвался Плеханов.— Давайте сделаем это вечером...

Он откланялся и двинулся к своему дому. Все безмолвно смотрели ему вслед, пока он не скрылся за поворотом улицы.

Вечером на улице Каруж, или, как ее называли русские эмигранты, Каружке, в квартире Бонч-Бруевича началось обсуждение ситуации. Вскоре пришел Плеханов. Едва сняв пальто, он заявил:

— Нужно мириться...

Присев к столу, он повторил:

---

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 297—299.

— Нужно мириться. Пора кончать с расколом в партии. Я вижу в настоящее время выход из этого скандального состояния, которое усугубляется, в том, чтобы вернуть обиженных, не избранных съездом редакторов в редакцию «Искры». Состояние войны в партии сменит состояние мира. Такая уступка укрепит партию. Бывают моменты, когда даже самодержавие вынуждено идти на уступки...

— Тогда и говорят, что оно колеблется,— подала из угла реплику Лиза Кнунянц.

Плеханов метнул на нее сердитый взгляд.

— Дорогой Георгий Валентинович! — поднялся с места Ленин и начал ходить по комнате. — Я, право же, вполне и вполне понимаю ваши мотивы и соображения в пользу уступки в настоящий момент. Но я глубоко убежден, что уступка сейчас — самый отчаянный шаг, ведущий к буре и буче гораздо вернее, чем война с мартовцами...

— Нет, Владимир Ильич, не думаю, — перебил Плеханов. — Открыв врата в редакцию сторонникам Мартова, мы тем самым сможем успокоить и обезвредить этих генералов и их полчище. Стрелять же по своим я не в силах.

— Георгий Валентинович! Кооптация мартовцев в редакцию фактически отменяет решения съезда в угоду кружковым интересам и расчищает путь оппозиции для новых атак на партию, — все быстрее шагая по комнате, говорил Ленин. — Кооптация приведет к миру? В таком случае я готов завтра же заявить о выходе из редакции, чтобы не стоять поперек дороги мира в партии. Ибо согласиться на роль страдательной оппозиции в новой редакции закусивших удила мартовцев я не в состоянии.

— Я считаю, пусть будет лучше плохой мир, чем хорошая война. Тем более, когда ссорятся генералы, — пытался шутить Плеханов.

Он откланялся и ушел. Стало тихо. Никто не ожидал такого финала событий. Внезапный поворот Плеханова ставил большевиков в тяжелое положение. На следующий день Ленин заявил о своем выходе из редакции «Искры». Нелегко было принимать такое решение. Ведь «Искра» — его детище. Но делать было нечего.

Плеханов ради мифического мира в партии вступил в переговоры с мартовцами. Но они, игнорируя решения съезда партии, требовали теперь кооптации своих сторонников и в ЦК, предоставления им мест в Совете партии. Кризис в партии, вопреки надеждам Плеханова, все более обострялся.

Разгорелась острая внутривнутрипартийная борьба в заграничных группах содействия РСДРП. По поручению Ленина Пятницкий, Лядов, Воровский и Бонч-Бруевич объехали эти группы, чтобы помочь им выдержать натиск дезорганизаторов в партии. Удалось отстоять женевскую, бернскую, берлинскую и дармштадтскую группы. Они осудили меньшевиков, заявили о своей поддержке избранного съездом ЦК.

Раскол все углублялся. «Поганая заграничная склока», по выражению Ленина, отравляла атмосферу в эмигрантских колониях.

Наступил декабрь 1903 г. В этом месяце обычно женевцы отмечали Эскаладу — праздник, посвященный победе над войсками неприятеля в 1602 г., пытавшегося покорить вольнолюбивый город. В течение нескольких дней Женеву заливало веселье, прилавки кондитерских и булочных ломились от сладостей и яств. А вечером на ярко освещенных улицах бурлил красочный карнавал с песнями, фейерверками, огнями. В нем участвовали чуть ли не все жители города. Не до веселья было только русским эмигрантам. В один из таких дней, вспоминал Бонч-Бруевич, «мы сидели по своим углам, изучали документы, готовились к докладам, строили свою новую организацию... На улицу даже не тянуло. Вдруг звонок. Входит Владимир Ильич, оживившийся, веселый.

— Что это мы все сидим за книгами, угрюмые, серьезные? — спросил Ленин. — Смотрите, какое веселье на улицах!.. Смех, шутки, пляски... Идемте гулять!.. Все важные вопросы отложим до завтра...

Нам так было приятно видеть Владимира Ильича таким веселым, бодрым... Мы шумной толпой вышли на улицу... зашли к товарищам, всех увлекая с собой... Шуму и смеху не было конца, и Владимир Ильич — впереди всех. Мы радостной толпой влились в общее веселье улицы и пели, и кричали, и шумели, все более увлекаясь общим приподнятым настроением. Серпантин летел от нас во все стороны

более энергично, чем от других компаний, и мы усердно обсыпали конфетти наиболее интересные и живые маски.

И вот раздалась песня. Пели все, пела вся улица веселые бодрые песни, в которых звучали то мотивы «Марсельезы», то мотивы «Карманьолы». Кое-кто принялся танцевать. Вдруг Владимир Ильич быстро, энергично схватив нас за руки, мгновенно образовал круг около нескольких девушек, одетых в маски, и мы запели, закружились, заплясали вокруг них...

Надо было видеть, с какой неподдельной радостью, с каким огромным увлечением и заражавшим всех подъемом веселился Владимир Ильич, здесь на улице, среди женевской толпы, в которой, конечно, более всего принимал участие рабочий люд, трудящееся население этого небольшого, веселого и изящного городка. Наплясавшись до упаду, увлекли с собой многих и многих наших товарищей, которые скромно и чинно гуляли по улицам и с истинным изумлением смотрели на нашу компанию и особенно на Владимира Ильича, который показал свою истинную живую натуру: умевши быть и сосредоточенно серьезным, и увлекаться весельем, и радоваться радостям жизни...

На другой день по нашей русской колонии разнеслась весть о том, как большевики с самим Лениным во главе веселились на улице»¹.

К середине декабря Бонч-Бруевич закончил подготовку к выпуску партийного издания для сектантов — журнала «Рассвет». Резолюция съезда, принятая по написанному им докладу, признавала сектантское движение в России одним из демократических течений и обращала внимание всех членов партии на необходимость работы среди сектантов для привлечения их к социал-демократии. Печатался журнал на деньги самих сектантов.

В январе 1904 г. первый номер «Рассвета» вышел из печати. Он открывался обращением к читателям, в котором Бонч-Бруевич призвал сектантов шире разворачивать борьбу против царского самодержавия. В нем недвусмысленно подчеркивалось, что псалмами, упованием на «божье милосердие» свобо-

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 304—306.

ды не добьешься, что «пора прекратить холопствовать и ползать на брюхе перед властями. Пора наконец понять... что, если чего не дают — того не просят, а требуют и берут...» Журнал советовал сектантам заводить знакомства с рабочими и через них «искать связь с комитетами РСДРП». В «Рассвете» был помещен обзор рабочего движения в России. Статья Величкиной «О священных книгах» была посвящена атеистическому просвещению, рассказывала о гонениях сектантов властями. Воровский выступил с сатирическим рассказом «Как царя встречали за границей». В конце журнала были напечатаны слова и ноты революционной песни «Красное знамя».

Русская колония в Женеве с интересом встретила новое социал-демократическое издание. Не осталось незамеченным оно и в России. В последующих номерах «Рассвета» было помещено несколько писем читателей, которые делились впечатлениями о журнале. «Мы поздравляем друг друга,— писали «друзья из Петербурга» Бонч-Бруевичу,— поздравляем Вас и всю нашу партию с рождением вполне популярной, выдержанной социал-демократической газеты для крестьян». Украинцы С. Исаек и Т. Е. Мартыненко просили «объявить всем братьям социал-демократам, что мы вступаем в ряды против тиранства и будем стараться привлекать других на святое дело»¹. Все это свидетельствовало о немалом интересе к журналу.

Злобно откликнулась на выход «Рассвета» церковь. Жандармы в рясах из «Миссионерского обозрения» писали, что этот журнал издается «лицами, доселе нимало не причастными к религиозным вопросам или сектантскому движению, а подвизавшимися больше в роли политических ратоборцев за интересы социал-демократии, иначе говоря, без веры в бога, врагами церкви и царя».

Если у Бонч-Бруевича оставалось свободное время от хлопот по делам журнала, то он использовал его, как и прежде, для научной деятельности, работы в партийной типографии. «Много и бескорыстно работает на то, что он считает благом для человечества,— писала о Владимире Дмитриевиче Велички-

---

¹ «Рассвет», 1904, № 8-9, стр. 214.

на.— Никаких развлечений и отдыха он не знает, вся жизнь его уходит на работу»¹. Сам Бонч-Бруевич сообщал брату: «Очень много труда, по большей части бесплатно, отдаю русским заграничным делам и изданиям, и нравственно вполне удовлетворяюсь. Я убежден в том, что должны же наконец перемениться у нас общественные порядки, твердо уверен, что сложу свои кости не за границей, а в России, которую люблю измученной любовью...»²

Как ни опостылела заграница, легальное возвращение Бонч-Бруевича с женой в Россию было невозможно. Два года назад, когда тоска по родине, а главное, по настоящему революционному делу для Веры Михайловны стала невыносимой, она поехала в Петербург, но уже на границе была арестована и отправлена в тюрьму. Она ждала ребенка, но тюремные власти держали ее в сырой и холодной камере. Почти четыре месяца одиночного заключения при ее слабом здоровье и беременности подточили физические и духовные силы. Ребенок, родившийся в тюремной больнице, прожил всего один день. Только сознание, что своей смертью она доставит удовольствие жандармам, заставило Веру Михайловну думать о жизни.

Еще не оправившись после потрясений, с подорванным здоровьем, Величкина рвалась к делу. «Дорогой мой друг...— писала она Владимиру Дмитриевичу,— остаться в Петербурге мне прямо необходимо...» Она рецензировала издания Горбунова-Посадова, сотрудничала в «Спутнике здоровья», взялась за переводы с немецкого романа «Крестьяне», труда Ф. Лютгенау «Естественная и социальная религия». Ее переводы высоко оценил Плеханов.

Полиции, усилившей за Верой Михайловной слежку, стало известно, что она предупреждала мужа, «чтобы он отнюдь не ехал в Россию, так как, по словам следователя, который ее допрашивал, Бонч-Бруевич подлежит привлечению к тому же делу, что и она». Когда «дело» о Величкиной было прекращено «за недоказанностью обвинения», она была выслана за границу к мужу.

¹ О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 23—24.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 480.

Теперь ей надо было беречь себя, хорошо питаться. Но как это сделать? Ведь все политэмигранты едва сводят концы с концами.

Главной для Бонч-Бруевича оставалась партийная работа. И когда Ленин попросил его подумать над реорганизацией всей техники Центрального Комитета партии — типографии, экспедиции, брошюровочной, паспортного бюро, кассы, он сразу же согласился.

В условленное время Владимир Дмитриевич был у Ленина.

— ...Мои обязанности? — спросил он.

— Это хорошо, когда люди говорят сначала об обязанностях, а потом, вероятно, о правах. — Владимир Ильич, хитро прищурившись, тихонько засмеялся. — Начало хорошее, оч-чень хорошее...

Вместе с членом ЦК Ленгником начали обсуждать план Бонч-Бруевича. Главным в нем была рациональная постановка всего дела, расширение и укрепление связей с Россией. Ленин стал подсчитывать, какие расходы следует сократить, какой минимальный штат сотрудников нужно держать, в каком количестве экземпляров печатать книги и брошюры. С ленинскими поправками план был утвержден. Бонч-Бруевичу поручалось принять все дела экспедиции партии.

Тем временем Владимир Дмитриевич «заболел» еще одним важным партийным делом. Все началось с того, что к нему домой как-то вечером зашел Лепешинский. По русскому обычаю, беседовали за чаем. Пантелеймон Николаевич, недавно бежавший из сибирской ссылки, рассказывал о своих приключениях, живописуя отдельные подробности, которые теперь выглядели смешными. Особенно смеялись, когда он вспомнил, как в поезде одна дама заподозрила его в воровстве и вызвала жандармов. То-то натерпелся страху, пока писался протокол, а ему пришлось срочно выдумывать свое место жительства, «сословие», «род занятий»!

Наконец Лепешинский заговорил о том, ради чего пришел:

— Владимир Дмитриевич, вы с Плехановым когда-то затевали весьма интересное дело, которое, к сожалению, потом заглохло. Я имею в виду вашу

попытку организовать Центральный русский музей с библиотекой и архивом. Вы не отказались еще от этой идеи? Было бы неплохо иметь партийную библиотеку. Товарищи приезжают из России, а им и газет негде почитать...

— Совершенно верно,— загораясь идеей, поддержал Лепешинского Бонч-Бруевич,— и не только библиотека нужна, но и архив партии!

— Ну уж сразу и архив! Давайте подумаем пока о библиотеке. Посоветуемся с нашими товарищами, Владимиром Ильичем...

— Я уже думал об этом, да вот до крайности занят реорганизацией экспедиции ЦК, брошпоровочной, там ведь тоже раскол между сотрудниками.

— Ну вот и хорошо, давайте думать вместе. Но если вы не возьметесь — больше никому...

После ухода Лепешинского Владимир Дмитриевич долго не мог успокоиться и все ходил по комнате. Вера Михайловна, наблюдая за ним, улыбалась — ну, загорелся Бонч!

Прежде всего нужно заручиться поддержкой ЦК партии, размышлял Бонч-Бруевич. А организацию партийной библиотеки следует начать с его, Бонч-Бруевича, личной библиотеки и того, что удастся получить у толстовца Бирюкова, жившего неподалеку от Женевы в собственном доме под названием «Вилла русс». У него осталось много документов от так и не созданного Центрального русского революционного музея. Еще в 1901 г. было организовано «Общество попечения о русском революционном музее в Женеве», но общеэмигрантская почва не благоприятствовала успеху.

Большевиков сагитировать будет нетрудно. Нужно только широко оповестить их о создании партийной библиотеки и архива. Для этого разослать как можно больше писем по издательствам, редакциям газет и журналов.

Партийный архив. Как он нужен! Сколько партийных документов хранится у частных лиц, попадает в руки охраны и полиции, сколько их гибнет! Если ЦК партии поддержит — надо немедленно связаться с местными комитетами РСДРП в России, пусть позаботятся о том, чтобы свои документы переправить сюда, в Женеву, в Центральный архив

партии. Если смогут, пусть пересылают литературу. В архив поступят документы съездов, центральных партийных учреждений, а также то, что удастся собрать по истории революционного движения в России. Все это позволит приезжающим товарищам серьезно изучать партийные документы о положении в партии, а не пользоваться слухами и сплетнями.

В этой библиотеке сосредоточатся также печатные издания зарубежных стран, документы различных партий, выдающихся деятелей революционного движения.

Воображение Владимира Дмитриевича рисовало уже солиднейшие библиотеку и архив РСДРП с огромными фондами, просторными и светлыми читальными залами — своеобразный русский... Британский музей! Здесь, в Женеве, будет центр теоретической подготовки русских революционеров!

Несмотря на поздний час, он начал составлять план первоочередных работ, список адресов, по которым в первую очередь следовало обратиться с просьбой о помощи «русскому Британскому музею» в Женеве.

Да, Бонч-Бруевич умел мечтать. У женевских большевиков эта его способность строить грандиозные планы называлась «бончить». Но слово это не значило праздно фантазировать. «Не нужно было только всерьез брать его иногда слишком фантастических и утопических узоров мысли, — писал его друг Лепешинский, — которыми он в своих мечтах, со свойственным ему темпераментом, окутывал, как бы флером, перспективы своей творческой работы. Но на известный, вполне достаточный процент реального осуществления его утопических планов всегда можно было рассчитывать»¹.

Итак, Владимир Дмитриевич начал мечтать о «русском Британском музее». Как же осуществлялась эта идея? Ведь денег на библиотеку не было. Эмигранты жили впроголодь, перебиваясь случайными заработками.

Через несколько дней на квартире Бонч-Бруевича собралась группа женевских большевиков. Влади-

---

¹ П. Лепешинский. На повороте. М., 1955, стр. 222.

мир Дмитриевич ознакомил товарищей с планом организации библиотеки. Они живо обсуждали его. Двух мнений не было — библиотека необходима.

— А ведь Центральный Комитет не сможет дать денег на эту затею, — испытывал Бонч-Бруевича Лядов.

— Нам, дорогой Мартын Николаевич, совершенно не нужно рассчитывать на материальную помощь ЦК. Мы должны, — обращаясь ко всем присутствовавшим, продолжал Владимир Дмитриевич, — развить это новое дело путем широчайшего оповещения русской публики как здесь, за границей, так и в России. Я уверен, что мы сможем получить немалые пожертвования. Даже здесь, в русской колонии, среди эмигрантов и студентов найдется немало таких, кто поможет нам книгами и деньгами.

— Владимир Дмитриевич воображает, как эмигрант в залатанных штанах несет в одной руке книги, а в другой — сантимы, которые копил про черный день, — шутил Лепешинский.

— Будем отдавать для своего детища все, что сможем, — отвечал Бонч-Бруевич и, указывая рукой на сложенные в углу книги, которые он уже отобрал для библиотеки, несколько патетически произнес:

— Вот здесь, отсюда давайте строить нашу центральную библиотеку и архив, которые должны, как мне кажется, быть при Центральном Комитете нашей партии...

Было решено, что к вечеру каждый из присутствовавших принесет на квартиру Бонч-Бруевича все, что сможет найти у себя из литературы и документов.

На следующий день, когда Лепешинский зашел к Владимиру Дмитриевичу, у него уже была готова инвентарная книга. Всего шесть страничек занял список собранной литературы. С ним и отправились на квартиру Ленина в небольшой двухэтажный домик в рабочем предместье Сешерон.

На первом этаже, где помещалась кухня, служившая одновременно и приемной, их встретила Надежда Константиновна.

— Здравствуйте, товарищи. Раздевайтесь, проходите, — приветливо говорила она.

Бонч-Бруевич, сняв пальто и шляпу, энергично протирал очки.

— Спасибо, Надежда Константиновна!

По лестнице спускался Владимир Ильич.

— С кем это, думаю, Надежда Константиновна разговаривает? Здравствуйте, товарищи. Как нынче погода? — спрашивал Владимир Ильич и, пожимая руку Бонч-Бруевичу, осведомился:

— Что Вера Михайловна?

— Спасибо, Владимир Ильич! Все хорошо.

— А вы давненько к нам не заглядывали, — обращаясь к Бонч-Бруевичу, снова заговорила Надежда Константиновна.

— Надюша, ты же знаешь, что Владимир Дмитриевич приходит только по неотложным делам или с новыми проектами. Подозреваю, что сейчас нам грозит последнее, — говорил Владимир Ильич, улыбаясь и поглядывая на смеявшегося Лепешинского. — Прошу, товарищи, навстречу, а то здесь дьявольски холодно.

— Владимир Ильич, — заговорил, немного волнуясь, Бонч-Бруевич, как только все сели, — к нам приезжает все больше наших товарищей из России. Многие — со слабой теоретической подготовкой. Суть разногласий также не всем из них ясна. Нужна литература, периодическая печать, как партийная, так и... Короче — совершенно необходима библиотека партии здесь, в Женеве.

Чуть передохнув и видя, что Владимир Ильич внимательно слушает, Бонч-Бруевич продолжал:

— Я думаю, пора позаботиться и о создании архива партии, существующей более пяти лет. Часть документов погибла, часть рассеяна, находится у отдельных товарищей...

Владимир Ильич повернул голову к Лепешинскому:

— Вы что думаете по этому поводу, Пантелеймон Николаевич?

— Я считаю, дело нужное. Мы вчера обсуждали эту затею и пришли к выводу, что библиотеку необходимо создавать. Что же касается предложения Владимира Дмитриевича об архиве, то трудно возражать. Хотелось бы знать ваше мнение, Владимир Ильич.

Ленин энергично прошелся несколько раз по комнате. Лепешинский и Бонч-Бруевич молча следили за ним.

— Прекрасно, товарищи! Ваша идея очень и очень интересна. Я считаю создание и библиотеки, и архива партии давно назревшим делом. Но позвольте-ка вас спросить, где мы возьмем книги? Как вы собираетесь покрывать расходы, если она будет создана? А ведь расходы будут немалые! И с чего вы вообще собираетесь начинать это дело?

Бонч-Бруевич положил на стол инвентарную книгу.

— Вот фонды библиотеки. С этого мы и начнем...

С загоревшимися глазами он стал излагать план создания нового партийного учреждения. Вытащив из кармана записную книжку, Владимир Дмитриевич назвал необходимое для библиотеки оборудование, цифры предполагавшихся расходов. Если дело поставить на широкую ногу, то партия, по его мнению, будет иметь бесценные книжные и архивные фонды, что-то вроде... Британского музея.

Пантелеймон Николаевич поглаживал бороду, стараясь спрятать улыбку.

— Ну уж так-таки и Британский музей,— улыбнулся Ленин.— Не до жиру, быть бы живу...

Он задал Бонч-Бруевичу ряд вопросов, сделал несколько замечаний по поводу расходов, посоветовал, к кому из товарищей в России следует обратиться за помощью, заметил, что ЦК, возможно, сможет заимообразно выделить небольшую сумму на нужды библиотеки и архива. Следуя примеру товарищей, они с Надеждой Константиновной отдадут в библиотеку часть своих книг и рукописей. В беседе с Лениным было решено создать «Группу инициаторов» для устройства нового партийного учреждения.

Уже через несколько дней в квартире Бонч-Бруевича стало тесно. Сюда несли книги, брошюры, рукописи, корреспонденции из России, прокламации, газеты. Ольминский вспоминал: «И мы понесли ему все, что захватили и получили из России, все, что так тщательно берегли»¹. Среди собранных книг, отме-

¹ О. Матюшина. Негасимые искры. Автобиографическая повесть. Л., 1960, стр. 27.

чал Михаил Степанович, попадались и редчайшие, ценные издания.

В конце января 1904 г. «Группа инициаторов» выпустила воззвание «Ко всем». В нем она обращалась к комитетам РСДРП, членам партии и частным лицам с просьбой пересылать в Женеву литературу и свои архивы. ЦК РСДРП в специальном листке поддержал прекрасный почин «Группы инициаторов», считая создание библиотеки и архива давно назревшим делом¹. Постановление ЦК и воззвание «Ко всем» были отпечатаны в партийной типографии в виде приложения к газете «Искра», а также отдельными листками и распространены по всем русским эмигрантским колониям Европы и Америки, по комитетам РСДРП и социалистических партий многих стран. Горячо откликнулись на призыв инициаторов создания библиотеки и архива русские студенты, польские, украинские и болгарские эмигранты.

Так было положено начало важному партийному делу.

Затянувшийся прием Бонч-Бруевичем партийной экспедиции очень беспокоил Ленина, и он в начале февраля 1904 г. посылает ему записку: «Дорогой Владимир Дмитриевич!.. Пожалуйста, заберите Вы себе вполне в руки экспедицию: по всему видно, что не идет дело у Л.² Как забрать, Вы уже там увидите. Но я все больше убеждаюсь, что пока Вы не заберете, не будет добра». И в постскрипуме добавляет: «Насчет типографии тоже на Вас надежда!»³

Выполняя это поручение Ленина, Бонч-Бруевич первым делом снял на свое имя просторное помещение на улице Коллин, 3. П. Н. Лепешинский, М. Н. Лядов, Ф. Ф. Ильин, А. И. Ильина, И. Х. Лалаянц помогли приспособить его под экспедицию и книжный склад. Владимир Дмитриевич разослал в книжные магазины Швейцарии, Германии, Франции, где были русские колонии эмигрантов, письма с просьбой взять для продажи партийную литературу, которую будет высылать экспедиция. После этого он привел в порядок документацию и финансовые счета. Обнаружив непомерные расходы на мень-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 163.

² М. Лейбович.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 353—354.

шевистскую «Искру» и ищякающие средства в партийной кассе, Бонч-Бруевич постарался убедить Плеханова в необходимости сократить расходы на газету.

С партийной типографией дело оказалось более сложным. Заведовал ею примиренец Виленский, наборщиками же были меньшевики. Но, несмотря на это, Бонч-Бруевичу все же удалось ускорить выход большевистских изданий, среди которых были «Письмо к товарищам о втором съезде РСДРП» Павловича (П. А. Красикова), а также «Комментарий к протоколам второго съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии», написанный Воровским и отредактированный Лениным.

Бонч-Бруевич знал: в эту весеннюю пору 1904 г. Ленин бессонными ночами пишет большую книгу — «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)». В ней вскрываются причины раскола на Втором съезде партии, обосновываются организационные принципы партии большевиков, являющейся политическим вождем пролетарских масс.

Ленин еще не закончил рукописи, а Бонч-Бруевич уже отправил в Россию и разослал за границей массу объявлений о скором выходе ленинской работы с краткой аннотацией. Теперь члены партии знали о книге и ждали ее.

У большевиков не было денег для оплаты набора, покупки бумаги. Владимир Дмитриевич сумел их достать. Мало кто знал — откуда и как. Но шпионам царской охраны стало известно, что Бонч-Бруевич «совершал поездки в центры русских революционеров во Франции, Англии и других странах и добывал материальные средства на дело пропаганды»¹. Он спешил выпустить книгу Ленина. «Когда работа Владимира Ильича набиралась в нашей партийной типографии, находившейся в руках меньшевиков, — писал позже Бонч-Бруевич, — я стал принимать меры на всякий случай к быстрому печатанию по отдельным листам этой книги и потом к такой же немедленной вывозке листов в брошюровочную, где листы тотчас же поступали в работу, дабы сделать так, чтобы при последнем листе книга сейчас же могла быть выпущена в свет»².

¹ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 82, ед. хр. 5, л. 109.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 332.

Партийной брошюровочной, которую Бонч-Бруевич организовал, уже овладели меньшевики, поэтому готовые листы книги Ленина переправлялись в частную швейцарскую брошюровочную. Сбиваясь с ног, Владимир Дмитриевич бегал между типографией, брошюровочной, экспедицией и торопил, торопил. Он опасался одного: если меньшевики узнают, что книга уже отпечатана, они приложат все силы, чтобы помешать ее распространению. Его предчувствия сбылись. В экспедицию явился заграничный представитель ЦК примиренец Носков и, не здороваясь, с беспокойством спросил Владимира Дмитриевича:

— Когда выйдет книга Ленина?

— Она уже вышла...— ответил Бонч-Бруевич, подавая Носкову готовый экземпляр.

— Как так? Ведь она только что печаталась?

— А теперь уже сброшюрована.

— Чем это вы заняты?— поинтересовался он, видя, как Лядов и Ильин быстро упаковывают книги.

— Подготовкой посылок для рассылки книг повсюду,— невозмутимо сказал Бонч-Бруевич.

— Нет, нет, это нельзя... Я должен еще ее прочесть. Нет, нет, рассылать нельзя... Я властью ЦК запрещаю рассылать,— все более раздражаясь, говорил Носков.

Все вокруг рассмеялись.

— Представитель ЦК в роли цензора партийной литературы...

— Вот так примиренец!

— Так как вы сделали официальное заявление от ЦК и требуете приостановить рассылку книги Ленина,— сказал Бонч-Бруевич,— я предлагаю вам немедленно подтвердить свои слова письменно...

— Это неподчинение ЦК!— вскипел примиренец.— Мы посмотрим, исключим!..

— Если у вас есть такое право,— перебил его Бонч-Бруевич.— Я буду ждать вашего письменного уведомления. А пока рассылку книги не только не останавливаю, а, наоборот, ускорю.

Носков, как ошпаренный, выскочил из экспедиции¹.

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 332—333.

Выход ленинского произведения произвел на меньшевиков впечатление разорвавшейся бомбы. Негодовал Плеханов. Изощрялся в клевете на Ленина Троцкий. Зато большевики встретили книгу с большим удовлетворением. В. Липшиц писал, что она «оказалась тем оружием в руках наших товарищей-большевиков, которым они должны были крыть меньшевиков»¹. Партийная экспедиция широко разослала книгу по русским заграничным колониям и по России. Полиция находила ее при арестах и обысках в Петербурге, Москве, Киеве, Риге, Саратове, Туле, Орле, Уфе, Перми, Костроме и других городах.

К лету 1904 г. в квартире Бонч-Бруевича стало невообразимо тесно от книг, брошюр, журналов, газет, бандеролей, посылок, полученных для библиотеки и архива партии. Возникла нужда в специальном помещении. Однако в доме, где жил Бонч-Бруевич, подходящих для библиотеки комнат не было. Управляющий домами по улице Каруж господин Грассе предложил снять две комнаты на первом этаже соседнего дома. Через несколько дней здесь стало сразу весело и шумно. Большевики пилили, строга́ли, делали скамейки, табуретки, полки, держатели для газет. Им охотно помогала эмигрантская и студенческая молодежь. Члены «Группы инициаторов» — Лепешинский, Лядов, Ольминский, Ильин и другие — целые дни проводили здесь. Работы было много. Перевозили книги, регистрировали, нумеровали, составляли каталоги, подшивали газеты.

Бонч-Бруевич был большей частью в бегах — доставал инструменты, доски, гвозди и другие материалы. Мелкие предприниматели, ремесленники хорошо его знали и доверяли ему. А при безденежье только это и спасало. С финансовыми затруднениями помог справиться ЦК партии, одолжив «Группе инициаторов» 300 франков. На них были куплены шкафы для хранения рукописей, архивных документов и редких книг, стулья.

«Группа инициаторов» избрала комитет библиотеки, а его секретарем — Бонч-Бруевича. Он составил «Положение о Библиотеке и архиве при

---

¹ Е. Зазерский, А. Любарский. Ленин. Эмиграция и Россия. Документальное повествование. М., 1975, стр. 125.

ЦК РСДРП», которое Ленин, как член ЦК, одобрил и подписал.

Наконец «Центральная русская библиотека» была открыта. Для русской колонии это явилось важным событием, а для ее учредителей — праздником. Посетители библиотеки попадали в большой читальный зал, где стояли шесть длинных деревянных столов со скамьями, за каждым из которых могло разместиться более 20 человек. Справа от входа в аккуратных ящиках находился каталог. На специальных держателях у стен висели многочисленные подшивки газет на русском и иностранных языках. Здесь же стояли книжные стеллажи и шкафы. Между ними узкий проход вел в соседнюю комнату, где помещался архив. В ней находилось несколько столов для научной работы. Здесь стал часто бывать Ленин. К его приходу работники библиотеки и архива готовили свежие газеты, новинки легальной и нелегальной литературы, книги, заказанные им. В этой комнате работали и приезжавшие ненадолго из России большевики, которые по конспиративным соображениям не могли заниматься в общем читальном зале.

Главной заботой Владимира Дмитриевича стало пополнение фондов библиотеки и архива. «Мы думаем, что наша библиотека — в зародыше свободный русский «Британский музей», — писал он в редакцию «Самарской газеты». — Необходимо на должную высоту поставить русский отдел... Высылайте все, что можете... Соберите по знакомым друзьям старые журналы, сборники, книги всякие и беллетристику...»¹

«В Женеве открыта публичная библиотека и читальня... — извещал Бонч-Бруевич редакцию издательства М. и С. Сабашниковых. — У нас, к сожалению, нет средств, чтобы выписывать все нам нужное. Мы просим всех помочь нам, кто чем может. Обращаемся и к Вам с просьбой пожертвовать нам все ваши издания, распространить сведения о нашей библиотеке среди ваших друзей и знакомых и, если можно, выслать нам все то, что вы можете: старые журналы, статистические издания, целые года газет и пр.»².

¹ «Вопросы истории», 1969, № 5, стр. 208.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 481.

Таких писем — многие десятки. На конвертах — адреса издательств «Знание», руководимого А. М. Горьким, «Буревестник», «Скорпион», «Общественная польза», частных издательств О. Н. Поповой, М. О. Вольфа и многих других. Еще больше писем было отправлено в редакции газет и журналов.

Бонч-Бруевич считал, что в библиотеке должна быть представлена русская классика, произведения революционных демократов.

«Нам бы хотелось,— сообщал он в августе 1904 г. С. А. Толстой,— собрать все издания Л. Н. Толстого как «полное собрание» разных изданий, также и отдельные томики, выпуски, народные издания и пр. и пр. Все это мы тщательно перепишем, а когда в России будет свобода, тогда вместе со всей библиотекой перевезем в одну из столиц...»¹ С подобной же просьбой он обращался к дочери Герцена Наталье Александровне, к писателям, поэтам, владельцам книжных магазинов.

Владимир Дмитриевич заботился и об отделе книг по статистике, нужных Ленину. «Выхлопочите нам все городские и думские издания,— писал он С. Л. Толстому.— Будем Вам невыразимо благодарны. Нам нужна всякая статистика (конечно, и земская)... Пожалуйста, устройте нам высылку «Известий городской думы»»².

Прошло немного времени, и в Женеву пошли целые транспорты книг, посылки, скромные бандероли, письма с вложениями. Много литературы было получено из России. Откликнулись и некоторые заграничные издательства. А женевский издатель социал-демократической литературы Г. А. Куклин пожертвовал дубликаты книг и журналов из своей обширной библиотеки.

Лето 1904 г. в Швейцарии выдалось сухим и жарким. Обмелела и притихла Арва. Женева днем будто вымирала. Русская колония в летние месяцы разительно редела. Студенты уезжали на каникулы в Россию. Эмигранты разъезжались на заработки или отдыхали на озере либо в горах. Пустели большевистская столовая Лепешинских и столовая Стучев-

¹ Государственный музей Л. Н. Толстого. Фонд С. А. Толстой.

² Там же, фонд С. Л. Толстого.

ского, где питались меньшевики. Даже здесь сказался раскол в партии.

Усталый, тяжело переживавший ожесточенную внутрипартийную борьбу и интриганские проделки меньшевиков, Ленин тоже решил хоть немного отдохнуть. Вместе с Надеждой Константиновной, надев рюкзаки, отправились в горы. «Мы... выбирали всегда самые дикие тропинки,— любила вспоминать Крупская это путешествие,— забирались в самую глушь...»¹ Однако и во время отдыха Ленин не мог не думать о делах. Перед самым путешествием он условился с Бонч-Бруевичем об адресах, по которым получал от него из Женевы сведения о партийных делах, газеты и журналы.

«Дорогой Владимир Дмитриевич! Спасибо за Ваше письмо от 23.7.04 о делах. Отвечаю по порядку»,— писал Владимир Ильич². И тут же давал советы, подбадривал. Знал, как трудно приходится в Женеве агентам Центрального Комитета партии — Лепешинскому, Лядову, Бонч-Бруевичу, на которых держалась вся практическая работа заграничного отдела ЦК.

А тем временем откровенные примиренцы в ЦК приняли так называемую «июльскую декларацию», означавшую полную капитуляцию их перед меньшевиками. «Апостолы примиренчества», как позднее назовет их Воровский, лишали Ленина прав заграничного представителя Центрального Комитета партии и запретили печатать его произведения без разрешения Коллегии ЦК. Кроме этого, они поручили Носкову «реорганизацию постановки технического дела за границей», что должно было окончательно вырвать почву из-под ног у большевиков. Наступил самый тяжелый период внутрипартийной борьбы.

Лядову пришлось сдать меньшевикам партийную кассу. У большевиков оставались экспедиция партии и паспортное бюро, которое держал в своих руках Ф. Ф. Ильин.

Меньшевикам и примиренцам жалко было терять энергичного заведующего партийной экспедицией. Носков в письме к Владимиру Дмитриевичу выражал надежду, что его «во многих отношениях успешная и вполне оцененная ЦК деятельность» будет про-

¹ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1968, стр. 91.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 365.

должаться¹. Бонч-Бруевича это пока устраивало. У него были свои планы.

В начале августа Владимир Ильич и Надежда Константиновна поселились на берегу небольшого живописного озера Лак де Бре в деревушке Пюиду. Здесь отдыхали А. А. Богданов с женой, Первухины, Ольминский, Эссен. Сюда приезжали Бонч-Бруевич, Лядов. Обсуждали события партийной жизни, намечали планы дальнейшей работы. Владимир Дмитриевич получил от Ленина задание подготовить конспиративное собрание большевиков.

За Арвой, в рабочем предместье Женевы, Бонч-Бруевич нашел дешевую гостиницу с рестораном. Здесь была отдельная комната с окнами в сад, в которой могло без труда разместиться человек тридцать. Конспиративность собрания была совсем не лишней: агенты русской охраны следили особенно тщательно за большевиками.

Теплым августовским утром в гостинице собрались В. И. Ленин, Н. К. Крупская, П. Н. Лепешинский, О. Б. Лепешинская, В. Д. Бонч-Бруевич, А. А. Богданов, С. И. Гусев, П. А. Красиков, М. Н. Лядов, Л. А. Фотиева, В. М. Величкина и другие — всего 19 человек².

Председателем избрали Бонч-Бруевича, для ведения записей — Лепешинского.

В небольшом докладе Ленин обрисовал положение дел в партии и сделал заключение, что дальше терпеть его было бы преступлением.

— Исполняя настойчивое желание многих активных членов партии, — продолжал Владимир Ильич, — я ознакомлю вас с проектом обращения, которое поможет нашим комитетам разобраться в том, что делается на самом деле в партии и ее центральных учреждениях...

Впервые о необходимости обращения к партии Владимир Дмитриевич услышал от Ленина месяца три назад. Тогда, он это хорошо запомнил, Владимир

---

¹ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 1, д. 245, л. 1.

² Позднее к решениям совещания присоединилось еще три большевика, и оно вошло в историю как «Совещание 22-х большевиков».

Ильич, Надежда Константиновна, Красиков, Лепешинский, Ильин вызвались вместе с ним провести Веру Михайловну, находившуюся с трехмесячной дочкой в пансионе. Поздно вечером возвращались домой. Крепко взявшись за руки, они шли тропинкой через крутые подъемы и спуски старого парка, залитого лунным светом. Владимир Ильич тогда и высказал мысль, что пора рвать с меньшевиками до конца, необходимо выступить против них, но нужно только выждать наиболее благоприятный момент. Теперь этот момент настал.

Ленин взял со стола исписанные листки бумаги и прочел:

— К партии.

Товарищи! Тяжелый кризис партийной жизни все затягивается, ему не видно конца... Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах.

А между тем исторический момент предъявляет к партии такие громадные требования, как никогда раньше. Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия... Практический выход из кризиса мы видим в немедленном созыве третьего партийного съезда. Он один может выяснить положение, разрешить конфликты, ввести в рамки борьбу. Без него можно ожидать только разложения партии.

Все возражения, выставляемые против созыва съезда, мы считаем безусловно несостоятельными...¹

«Содержание этого документа,— вспоминал Бонч-Бруевич,— весьма соответствовало настроению большинства присутствовавших, так как оно выражало заветные мысли каждого из нас, много-много раз передуманные и обсужденные на различных наших тесных групповых собраниях»². Все согласны были с необходимостью перехода центрального органа партии в руки большевиков. Владимир Дмитриевич тут же предложил взяться за подготовку газеты, составить смету расходов на первые номера, перечень

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 13, 17.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 347.

адресов... Но Ленин быстро охладил его пыл — нет денег, не собраны литературные силы, а попытаться издавать брошюры, листки — над этим стоит подумать. Эта идея всех заинтересовала, так как необходимо было найти средство пропаганды и обличения раскольников. Первую брошюру взялся написать Богданов.

Шумно и весело возвращались с совещания. Все сознавали, что период депрессии, вызванной дезорганизацией партийной работы меньшевиками и примиренцами, закончился. Впереди — борьба за новый съезд партии.

Начать издание листков, брошюр. А где достать денег, где печатать? Оптимистичнее всех был настроен Бонч-Бруевич. Он шутил, что и родиться-то ему довелось под типографским станком и не ему ли, сыну издателя, организовать новое издательское дело?

Ленин, передавая Бонч-Бруевичу рукопись обращения «К партии», попросил как можно быстрее переправить его копию в Ригу. Владимир Дмитриевич незамедлительно выполнил эту просьбу. Рижский комитет РСДРП отпечатал обращение в подпольной типографии. 200 экземпляров его были нелегально посланы в разные города России и размножены на гектографах. Петербургский, Московский, Рижский, Бакинский, Тифлисский, Имеретинско-Мингрельский, Николаевский, Одесский, Екатеринославский комитеты партии решительно поддержали Ленина.

Как-то вскоре после совещания к Ленину пришел Богданов. В разговоре о том, кого привлечь к работе над брошюрами, он заявил:

— У нас есть один литератор.

— Кто? — с недоумением спросил Владимир Ильич.

— Михаил Степанович Александров¹.

Он рассказал Ленину о статьях Александрова (Ольминского) в журнале «Правда», о его ссылке в Сибирь и участии в «Восточном обозрении».

Еще в марте 1904 г. Ольминский появился в Женеве и пришел в экспедицию партии. Он с готовностью взялся за самую скучную, но необходимую ра-

¹ См. О. Лежава, Н. Нелидов, М. С. Ольминский. Жизнь и деятельность. М., 1973, стр. 82.

боту — инвентаризацию книжного склада. Бонч-Бруевич вспоминал: «Мы все ближе и ближе знакомились с ним и были совершенно очарованы этим прекрасным человеком, товарищем и революционером, имеющим серьезные, выстраданные мнения по вопросам не только нашей теории, но и практики и этики обывденной жизни революционеров... Он сделался нашим другом и нашим товарищем, завсегда-таем наших кружков, собраний, интимных бесед и конспиративных соображений и планов»¹.

Теперь в лице Ольминского партия приобрела страстного публициста Галерку. Вместе с Богдановым, выступившим под псевдонимом Рядовой, во второй половине августа Ольминский подготовил сборник статей «Наши недоразумения». В нем правдиво освещалось положение в партии и ее центральных учреждениях после съезда. Ленин отредактировал материалы сборника и передал Бонч-Бруевичу для издания. Однако, чтобы оплатить счета типографии, авторам пришлось пожертвовать своими скудными сбережениями.

Владимир Дмитриевич торопил заведующего типографией, наборщиков с изданием сборника, опасаясь, что меньшевистские цензоры дознаются о нем и задержат его выпуск. Так оно и случилось. Не помогли протесты большевиков и письма Ленина рабочим типографии.

Трудности усугублялись безденежьем. В конце августа 1904 г. Ленин пишет членам комитетов большинства и всем активным сторонникам большинства в России: «Пожалуйста, немедленно приступите к сбору и отсылке всех и всяческих корреспонденций по нашим адресам с надписью: для Ленина. Крайне нужны также деньги. События обостряются. Меньшинство явно готовит переворот по сделке с частью ЦК. Мы ждем всего худшего...»²

Тем временем Бонч-Бруевич разрабатывает свой план добывания средств. Зная об успехе пьесы «На дне» в театрах Западной Европы, он решает выпустить открытки с портретами артистов Московского Художественного театра в гриме и костюмах горь-

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 303—304.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 372.

ковских героев. Его предупреждали: риск большой, тираж может не разойтись. Однако Бонч-Бруевич осуществил свой план, уговорив владельца французской типографии Зелнера отпечатать открытки в кредит. Один конверт с ними стоил 2 рубля, или 5 швейцарских франков. Несмотря на высокую цену открыток, их охотно покупали не только русские эмигранты в Швейцарии. Почти половину тиража Владимир Дмитриевич разослал по книжным магазинам Парижа, Берлина, Лондона, Нью-Йорка. В партийную кассу начали поступать деньги.

Бонч-Бруевич заключил договор с наборщиками кооперативной типографии. Рабочие с готовностью согласились сотрудничать в большевистском издательстве, но просили помочь шрифтом — его у них было мало. Часть шрифта, правда полустертого, Владимир Дмитриевич занял в типографии Бунда. Еще часть ему одолжил владелец маленькой типографии Кузьма Ляхоцкий. Зелнер дал в кредит значительное количество бумаги.

Местным комитетам РСДРП, группам содействия, книжным магазинам Бонч-Бруевич снова посылает письма, в которых сообщает об организации издательства большевиков, договаривается о распространении его литературы, просит содействия и помощи.

Но самого издательства еще не было. Вместе с брошюрой Рядового и Галерки в партийной типографии застряло и объявление о новом издательстве. Носков прислал письмо с отказом печатать его.

А Ленин торопил — к изданию была готова уже другая брошюра — «Долой бонапартизм!» Галерки, которую Владимир Ильич закончил редактировать. Он писал Бонч-Бруевичу:

«Дорогой Владимир Дмитриевич! Получил Ваше письмо и спешу ответить... Пожалуйста, примите все и всяческие меры для ускорения выхода

- 1) брошюры Рядового и Галерки,
- 2) Вашего заявления с документами,
- 3) брошюры Галерки, посланной сегодня...

Налажено ли дело с типографией кооперативной? Спешите»¹.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 369—370.

Полученную от Владимира Ильича рукопись Галерки Бонч-Бруевич передал в кооперативную типографию и сам помогал экстренно ее выпустить.

В Женеву приехал Воровский, больной, исхудавший. Едва оправившись от болезни, он садится писать статьи, помогает Бонч-Бруевичу готовить восьмой и девятый номера журнала «Рассвет», выполняет его хозяйственные поручения.

8 сентября 1904 г. Воровский извещал Одесский комитет РСДРП: «Сегодня должна выйти одна полемическая брошюра... которой начинается издательство большинства. Фирму взял Бонч-Бруевич. Издательство предполагается поставить очень широко, а потому необходима и материальная и моральная поддержка России»¹.

На четвертой странице обложки брошюры Галерки «Долой бонапартизм!» Владимир Дмитриевич поместил следующее заявление: «Предпринимая издательство социал-демократической партийной литературы, в особенности посвященной защите принципиальной позиции большинства второго партийного съезда, приглашаю всех сочувствующих к материальной и литературной поддержке этого начинания».

Крупская, Воровский и другие большевики сообщили товарищам в России о рождении самостоятельного большевистского издательства. Экспедиция приступила к рассылке брошюры «Долой бонапартизм!».

Носков разрешил наконец выдать из партийной типографии брошюру «Наши недоразумения» без обложки и последней страницы с объявлением Бонч-Бруевича. Произошло это уже в сентябре, когда меньшевики и примиренцы убедились, что большевистское издательство все равно действует. Но они смирились не сразу. Из Совета партии последовал запрос — имеет ли Бонч-Бруевич согласие ЦК или поручение какой-нибудь партийной организации на издание литературы. Посоветовавшись с Лениным, Владимир Дмитриевич не без ехидства просил Совет партии указать ему пункт устава партии, на основании которого тот задает подобный вопрос.

---

¹ «Переписка В. И. Ленина и руководимых им заграничных партийных организаций с социал-демократическими организациями Украины (1901—1905 гг.). Сборник документов и материалов». Киев, 1964, стр. 445.

Отпечатать обложку и последнюю страницу брошюры «Наши недоразумения» было делом одного-двух дней. По рекомендации Ленина Бонч-Бруевич поместил на ее последней странице не только объявление об издательстве, но и письменное запрещение Носкова печатать брошюры в партийной типографии, а также ленинские комментарии по поводу этого запрещения.

Выпустив вторую брошюру, Владимир Дмитриевич пошел к Ленину с предложением назвать новое издательство его именем. Владимир Ильич наотрез отказался.

Бонч-Бруевич настаивал до тех пор, пока Ленин наконец не сказал:

— Ну хорошо. Печатайте вот так...— и быстро написал на клочке бумаги:

«Издание Влад. Бонч-Бруевича и Н. Ленина».

Владимир Дмитриевич попытался вычеркнуть свою фамилию, но Ленин пристально, строго посмотрел на него и коротко сказал:

— Это делать нельзя...¹

В двадцатых числах сентября 1904 г. в большевистском издательстве вышла третья брошюра. К печати готовились новый памфлет Ольминского, брошюры Воровского, Малинина (Шахова). Надежда Константиновна по поручению Ленина сообщала в Россию: «Литературные силы есть, готового материала масса. Вообще настроение теперь у всех нас бодрое, масса планов, старик тоже принялся за работу, переписка с Россией и заграницей оживилась, и теперь, надеюсь, скоро публика начнет группироваться»².

При постоянном контроле Ленина издательство развивалось, хотя ему пришлось пережить немало трудных дней. Местные комитеты РСДРП один за другим принимали резолюции о его поддержке, требовали от ЦК присылки литературы.

Преданность Бонч-Бруевича Ленину, его организаторский талант вызывали ненависть у противников. «Для меньшевиков В. Д. Бонч-Бруевич был объектом самых яростных и самых «веселых»

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 335.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 384.

(а проще хулиганских) насмешек,— вспоминал Лепешинский.— Уж если улюлюкали, если сочиняли стихи на «Бонча Центрального», если злословили с большим усердием, чем обычно,— то это как раз и означает, что Владимир Дмитриевич не был серенькой, незаметной фигурой... И действительно, роль его в большевистском лагере была не маленькой»¹.

Чтобы дискредитировать в партийных кругах Бонч-Бруевича, а вместе с ним и Ленина, меньшевики осенью 1904 г. пустили провокационную сплетню о... связях Бонч-Бруевича с японским правительством. В действительности же Владимир Дмитриевич организовал снабжение революционной литературой пленных русских солдат в Японии, число которых росло с каждым месяцем русско-японской войны. Экспедиция направляла книги и брошюры в Нью-Йорк, откуда они пересылались в Японию американским комитетом помощи русским пленным. Журнал «Рассвет» посылался японским социал-демократам также для русских солдат и матросов. Работа была поставлена с размахом и давала положительные результаты. Четверть века спустя Бонч-Бруевич получил письмо от бывшего матроса Л. В. Жака, сообщившего, что русские пленные получали из Женевы «большое количество нелегальной социалистической литературы, которая... принесла колоссальную пользу для пропаганды среди военнопленных и для самопросвещения»².

Школа политического просвещения, которую прошли русские пленные в Японии, дала свои плоды. Ленин позже отмечал, что «в 1905 году пленные, вернувшиеся из Японии, стали лучшими борцами за свободу»³. В этом есть и частица труда большевиков из партийной экспедиции.

Друзья сначала шутили над Владимиром Дмитриевичем по поводу того, что меньшевики обвиняли его в панибратских отношениях с японским прави-

¹ П. Н. Лепешинский. На повороте, стр. 222.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 330. В 1956 г. в альманахе «Приамурье» опубликовал воспоминания другой бывший военнопленный — Г. С. Новиков-Дарурский. Он писал о большом количестве изданий, полученных пленными из Швейцарии, о благотворном влиянии на них этой литературы.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 66.

тельством. Но потом шутить перестали — вопрос этот вошел в повестку дня одного из заседаний Совета партии, и Бонч-Бруевичу было передано постановление ЦК о «безусловном прекращении высылки партийной литературы токийскому правительству...»¹. Газета «Вперед» писала по этому поводу: «Быстрота и натиск, которые обнаружил ЦК в своем «примиренском» походе против большинства, помещали членам этого учреждения заметить разницу между японскими социал-демократами и токийским правительством»².

В связи с тем что экспедиция партии широко рассылала литературу «Издательства социал-демократической литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина», меньшевики потребовали от ее заведующего незамедлительно сдать дела. Бонч-Бруевич протестовал, тянул время и только после постановления Совета партии вынужден был передать экспедицию Носкову. Однако, предвидя такой поворот событий, он на свое имя арендовал помещение экспедиции, и меньшевикам пришлось освободить его. Ему удалось отвоевать у них часть литературы общетеоретического характера. У него оставались также адреса заказчиков. И наконец, ничто не могло укротить энергию Бонч-Бруевича. В шестизэтажном доме на улице Каруж вскоре заработала большевистская экспедиция.

Последовательная борьба большевиков против развала партийной работы меньшевиками давала уже ощутимые результаты. Брошюры, листки издательства, выпущенные тиражом более 40 тысяч экземпляров, завоевывали популярность у рабочих. Ленин писал, что без издательства «самозащита большинства была, разумеется, совершенно невозможна»³.

Вечерами большевики собирались на квартире Ленина и Крупской или в кафе Ландольт. Гусев пел романсы и арии из опер, Красиков играл на скрипке. Стройно и грустно звучали «Дубинушка», «Славное море, священный Байкал», «Назови мне такую обитель», «По пыльной дороге», «Замучен тяжелой не-

¹ Ленинский сборник XV, стр. 125.

² «Вперед», 14 (1) января 1905 г.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 104.

волей». Владимир Ильич любил такие импровизированные вечера-концерты. Лепешинский вспоминал, что, когда Гусев «красиво отчеканивал «нас не в цер-кви вен-ча-ли», вся наша семейно-большевистская аудитория слушала его затаив дыхание, а Владимир Ильич, откинувшись на спинку дивана и охватив руками колено, весь уходил при этом внутрь самого себя и, видимо, переживал какие-то глубокие, одному ему ведомые настроения»¹.

Хотя большевики по-прежнему остро нуждались в средствах, обстоятельства требовали незамедлительной подготовки большевистской газеты. «В этом органе теперь вся суть,— писал Ленин товарищам в Россию,— без него мы идем к верной, бесславной смерти»². Только с ее помощью можно было сплотить партийное большинство в России, подготовить съезд.

Для издания газеты большевики раздобыли взаимно небольшую сумму денег. Кроме того, Воровский отдал свой гонорар, полученный им от какого-то журнала, Ольминский — золотые часы с цепочкой. Бонч-Бруевич тоже поделился своими сбережениями. Но собранных денег хватало только на один номер газеты. Правда, оставалась надежда на изобретательность Владимира Дмитриевича. И действительно, он разработал подробнейший план выпуска газеты на чисто коммерческих началах. Бонч-Бруевич предлагал широко распространить объявление о предстоящем выходе газеты, во многих городах разных стран открыть прием подписки, разослав для этого подписные книжки. Но Лядов, заведовавший большевистской кассой, отказался дать денег на эту, по его словам, «американскую рекламу».

Бонч-Бруевич отправился к Ленину и возвратился торжествующий.

— Ильич на все согласен, вы должны дать деньги.

— Не может быть! — поразился Лядов и тоже поспешил к Ленину.

Владимир Ильич хитро улыбался.

— Что вы, с ума сошли? Ведь вы кассир, вы и отвечаете. Бонч пришел ко мне, бончил, бончил целых полчаса, так сладко и картинно рассказывал, а

¹ П. Н. Лепешинский. На повороте, стр. 110.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 414.

у меня работа спешная. Я ему поддакиваю, лишь бы поскорей душу на покаяние отпустил. — А вы не давайте ни копейки. Куда нам бухгалтерию и рекламу заводить, когда денег нет. Вы — хозяин, и без вас я ничего разрешить не могу¹.

Такой поворот дела ничуть не обескуражил Владимира Дмитриевича. Он договорился с наборщиками кооперативной типографии о том, что половину набора они сделают в долг. С большим трудом добился в швейцарской типографии кредита на шрифт.

Особенно много мытарств пришлось испытать Бонч-Бруевичу из-за бумаги для газеты. Необходима была тонкая, английская папиросная бумага. Напечатанную на ней газету удобнее было пересылать в Россию. Первое время поиски не увенчались успехом. Такая бумага в Женеве была только в распоряжении меньшевистской «Искры». Тогда Владимир Дмитриевич отправился к владельцу французской типографии Зелнеру, в которой печаталась «Искра». Продать тонкую бумагу Зелнер не мог, так как она принадлежала меньшевикам. Однако после долгих уговоров он согласился отпечатать на ней первый номер большевистской газеты.

29 ноября 1904 г. на квартире Бонч-Бруевича собралась группа женевских большевиков. «Собрание наше было в высшей степени оживленное, радостное», — вспоминал Владимир Дмитриевич. Единогласно приняли решение об основании периодического органа и утвердили его название — «Вперед». Бонч-Бруевичу поручалась вся хозяйственная и административная работа, связанная с выпуском газеты. Он печатает отдельным листком ленинское «Письмо к товарищам (К выходу органа партийного большинства)» и широко его распространяет за границей и в России. Сторонники Ленина в партии с нетерпением ожидали выхода новой газеты.

Меньшевики спрашивали у Бонч-Бруевича:

— Правда ли, что вы получили двести тысяч франков на издание газеты?

— Немного меньше, — стараясь быть серьезным, отвечал он.

¹ М. Лядов. Из жизни партии в 1903—1907 годах (Воспоминания). М., 1956, стр. 68.

22 декабря 1904 г. первый номер большевистской газеты «Вперед» вышел в свет. «Настроение прекрасное, и работоспособность у всех... высокая,— писал по этому поводу Ленин Богданову.— Мы уверены, что дело пойдет хорошо, лишь бы не обанкротиться»¹.

При выпуске газеты не обходилось и без приключений. Наборщик кооперативной типографии Владимир вспоминал, как однажды они с Бонч-Бруевичем перевозили на ручной тележке набор одного из номеров газеты из кооперативной типографии, где она только набиралась, во французскую, где газета печаталась. Они вдвоем покатали тележку по улицам Женевы, не заметив, что на одной из наборных досок выскочила планка и шрифт начал высыпаться. Пока довели до французской типографии, больше половины набора четвертой страницы не стало.

Обнаружив пропажу, Владимир Дмитриевич потерял дар речи: уж столько трудностей приходилось переживать при подготовке каждого номера газеты, и вот — новая. В кооперативной типографии лишнего шрифта не было. Оставалось одно — идти по улице и собирать каждую букву. Но собрать весь шрифт так и не удалось. В конце концов часть шрифта где-то заняли. Бонч-Бруевич не отходил теперь ни на шаг от наборщиков и печатников, пока номер газеты не был готов².

Много хлопот было у Владимира Дмитриевича на пороге нового, 1905 г. Но они не тяготили его. На душе было радостно от того, что меньшевикам не удалось выбить почву из-под ног Ленина и его сторонников! Связи с Россией укреплялись, готовился новый съезд партии. И «Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич... — вспоминала Надежда Константиновна, — непрерывно сиял, строил разные грандиозные планы, возился с типографией»³.

Немало сил и времени отдавал Владимир Дмитриевич и другому своему детищу. Веря в осуществление плана создания «русского Британского музея», он заботился о пополнении его фондов. За отдельные месяцы 1904—1905 гг. в библиотеку посту-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 5.

² См. «Летопись революции», 1923, № 5, стр. 44—45.

³ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 104.

пало до 700—900 книг и около 100 документов. При этом из партийной кассы не тратилось ни копейки. Успех достигался только благодаря тому, что Бонч-Бруевич неустанно напоминал о нуждах библиотеки различным редакциям, организациям или отдельным лицам.

Библиотека и архив превращались в крупное научное учреждение. Весной 1905 г. его фонды насчитывали около 5 тысяч книг и до 2 тысяч документов¹. Среди них были труды Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Лафарга, Геда и других деятелей международного рабочего движения. Из Лондона от дочери Герцена был получен десяти томник произведений ее отца. Стараниями Бонч-Бруевича библиотека обогатилась редчайшими изданиями — комплектом «Полярной звезды», журналами А. И. Герцена «Колокол», «Набат» П. Н. Ткачева, «Община», прокламациями народовольцев, литературой социалистических партий разных стран. Большие партии книг и прокламаций поступили от большевиков из Парижа и Лондона. А некоторые издательства в России взяли за правило отсылать книги в женевскую библиотеку большевиков прямо из типографии. По просьбе Владимира Дмитриевича знакомые из Нью-Йорка прислали много всевозможных изданий по статистике. От С. Л. Толстого пришло несколько посылок с земскими изданиями.

Бонч-Бруевичу, как секретарю комитета библиотеки, приходилось заниматься ее финансовыми делами, составлять бюллетени, информировавшие партийную общественность о новых поступлениях. По поручению Ленина Владимир Дмитриевич на еженедельных собраниях знакомил большевиков с поступившими из России партийными документами. На них решались вопросы, не требовавшие конспирации.

Однажды в библиотеке Бонч-Бруевич подошел к Владимиру Ильичу с двумя подшивками «Искры», которую до осени 1903 г. редактировал Ленин, и попросил его назвать авторов статей в газете. Ведь большая часть их не была подписана.

---

¹ «Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 г. Протоколы». М., 1959, стр. 533—534.

— Это нелегкая задача,— беря подшивку, сказал Владимир Ильич.— Все же, давайте попробуем.

Перелистывая газету, он стал писать фамилии авторов под статьями. Бонч-Бруевич ставил фамилии на втором экземпляре газеты.

Так на глазах собравшихся вокруг большевиков создавался документ, значение которого было по достоинству оценено лишь после победы Октябрьской революции, когда Истпарт готовил комплект газеты «Искра» к переизданию и начал выпускать ленинские сочинения.

Наладив работу большевистской экспедиции, издательства, организовав выпуск газеты «Вперед», Бонч-Бруевич почувствовал неодолимую потребность поехать в Россию, чтобы там непосредственно среди рабочих повести агитацию за созыв Третьего съезда партии.

НЕЛЕГАЛЬНЫМ В РОССИИ

6 января 1905 г. — последний день перед отъездом — пролетел незаметно. Только к вечеру Владимир Дмитриевич закончил дела, связанные с экспедицией, издательством, газетой «Вперед».

Главным «багажом» отъезжавшего на подпольную работу в Россию были явки, пароли, адреса, шифры. Ими Владимира Дмитриевича снабдила Надежда Константиновна, державшая в своих руках переписку с Россией. Условились — его псевдоним в корреспонденциях — «дядя Том».

Когда стемнело, Бонч-Бруевич отправился в парикмахерскую на окраину Женевы и, оставив там свою окладистую бороду, вышел с элегантною эспаньолкой, сразу изменившей его лицо.

Дома Владимира Дмитриевича уже ожидал Ленин, зашедший поговорить и проститься. Бонч-Бруевич должен был объехать несколько крупнейших социал-демократических организаций в России и провести агитацию за созыв Третьего съезда партии, непременно добиваясь выборов делегатов. Договорились, что Владимир Дмитриевич проверит исполнение поручений Ленина другими агитаторами, будет информировать его о положении в местных организациях, создавать группы содействия газете «Вперед», искать рабочих корреспондентов, организует денежные пожертвования на газету.

Владимира Ильича интересовало все до мелочей — тепло ли одет отъезжающий, сколько у него с собой денег, по каким адресам он будет писать из России. Ленин просил Владимира Дмитриевича быть осторожным, зря не рисковать, дал несколько советов по конспирации.

Ранним утром, простившись с Верой Михайловной, поцеловав дочурку, безмятежно разметающуюся в постельке, Владимир Дмитриевич первым же поездом уехал из Женевы. Стараясь ничего не перепутать, не забыть, снова и снова повторял он про себя пароли, явки, адреса, шифры. Впереди ждала неиз-

вестность. Это волновало. Позади — чистенькая, спокойная, деловая и опостылевшая Женева, бесконечные хозяйственные дела и более или менее устроенный быт, от чего теперь придется надолго отказаться...

Вскоре он был уже в Берлине. Здесь О. А. Пятницкий, заведовавший доставкой литературы в Россию, предупредил Бонч-Бруевича — граница «занята», надо ждать. Но утром 10 января он прибежал на квартиру, где остановился Владимир Дмитриевич.

— В России революция! Массы на улицах... Вот, читайте...

Бонч-Бруевич жадно схватил газету.

«Санкт-Петербург. 22 января¹ к 10 часам около 15 тысяч рабочих вышли из мастерских и направились к центру города, но были остановлены преградившими им дорогу двумя казачьими сотнями... В 2 часа огромная толпа устремила к Зимнему дворцу. Ее встретили залпами, в результате чего оказалось 150 убитых и много раненых».

Начало революции? Надо спешить. Пятницкий согласился — медлить нельзя. Самый быстрый путь через границу — с помощью контрабандистов. Хотя крайне рискованно... Но Владимир Дмитриевич уже загорелся этой идеей — как угодно, но только скорее в Россию!

Днем вышли экстренные выпуски газет с сообщениями из Петербурга: «От 1000 до 1500 убитых...», «2 часа 50 минут ночи. Стрельба продолжается. На Васильевском острове свет костров, разведенных ставечниками, освещает баррикады».

Ночью контрабандисты провели Бонч-Бруевича глухой лесной тропинкой через границу. Перекладные, ночевки на постоялых дворах и в убогих лачугах польских крестьян — все как во сне. Жил он одной мыслью — скоро родина, которую не видел уже 10 лет. Отсыпался в вагоне поезда, шедшего в Ригу. Среди пассажиров только и разговоров о событиях в Петербурге.

Эхо расстрела мирного шествия к царю разнеслось по стране. Клич «Долой самодержавие!», раздавшийся на улицах столицы, подхватили сотни тысяч

---

¹ 9 января по старому стилю.

рабочих в других городах. «Рабочий класс,—писал Ленин в газете «Вперед»,—получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни»¹. Революционная волна захватила не только города, но и деревни.

Две недели Бонч-Бруевич прожил нелегально в Риге. В его корреспонденциях в Женеву отразилось нарастание народного гнева, накал первых жарких схваток рабочих с полицией и войсками.

«Лишь только до Риги донеслись вести о страшных кровопролитиях, происшедших на улицах Петербурга, как социал-демократические революционные организации нашего города решили поддержать петербургский пролетариат...»

Они организовали массовые демонстрации с красными знаменами, лозунгами «Долой самодержавие!», революционными песнями. Рабочие отнимали у городских револьверы и шашки. Казаки и солдаты отказывались стрелять по демонстрантам.

13 января власти послали против демонстрации унтер-офицерский батальон. Началась кровавая расправа. «Толпа бросилась бежать. Залпы сыпались ей в спину, и под перекрестным огнем в несколько минут были убиты наповал семьдесят три человека (из них два студента, несколько женщин и подростков, остальные рабочие) и двести ранены, среди них много женщин»².

Схватки продолжались. Бонч-Бруевич — их участник и очевидец. Одну за другой он шлет в газету яркие, волнующие корреспонденции. Читатель будто присутствует при жестокой расправе над демонстрантами, слышит выстрелы, крики, проклятия, стоны, видит, как сжимаются кулаки у рабочих.

Владимир Дмитриевич писал и о работе местного комитета РСДРП, состоявшего из большевиков. Здесь не было нужды в агитации за созыв съезда. Но свежей информации о положении в партийных центрах, новым документам члены комитета были рады.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 201—202.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 67.

Снова стучали колеса поезда, и под эту неумолчную песню дороги хорошо думалось.

Народ приходит в движение. Правда, разрозненно, стихийно. Российская социал-демократия слаба, очень мешает нерешительность меньшевиков, их дезорганизация партийной работы.

Настроение пассажиров после Риги уже заметно изменилось. Массовые расстрелы, аресты, обыски, кордоны, патрули, вездесущие шпики сделали свое дело. Не слышно откровенных разговоров...

Столица поразила Бонч-Бруевича огромным количеством войск, жандармов, полиции. Город походил на военный лагерь. Редкие прохожие спешили укрыться в домах, и только цокот копыт казачьих патрулей отдавался громким эхом в пустых заснеженных улицах.

Хотя Петербургский комитет РСДРП, так же как и Рижский, занимал большевистскую позицию, Бонч-Бруевич задержался в столице надолго. «Я решил остаться в Петербурге,—вспоминал Владимир Дмитриевич,—чтобы познакомиться с настроением рабочих, приглядеться к местной работе, найти связи для постоянного получения материалов по специальному заданию Владимира Ильича»¹. Он выступал с докладами в рабочих кружках различных районов города. Его часто можно было встретить среди бастующих рабочих Путиловского и других заводов. Он нашел среди них желавших корреспондировать в газету «Вперед», дал им адреса для связи с редакцией. «Из Питера начали посылать нам протоколы районных рабочих собраний,—писал в конце февраля Ленин в Россию.—Пример, достойный подражания»².

Гостеприимная семья инженера Циммермана, к которому у Бонч-Бруевича была явка, помогла ему организовать «группу содействия РСДРП». Ее члены способствовали появлению нескольких таких же групп в разных районах города. Конспирации ради они были названы «осетрами», «сомами», «щуками», «карасями». Эти группы помогали деньгами, устраивали платные концерты, лекции, вечера, а выручен-

¹ Влад. Бонч-Бруевич. Нелегальная поездка в Россию. М., 1930, стр. 86.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 289.

ные деньги высылали большевикам за границу или передавали Петербургскому комитету партии. С их помощью Бонч-Бруевич начал получать документы из земств, министерств, полиции, различные материалы, резолюции официальных и неофициальных собраний, отчеты.

Среди этих документов попадались и секретные. Для партии, руководившей борьбой пролетариата, они были особенно ценны. Например, в секретной записке директора департамента полиции Лопухина комитету министров признавалась неэффективность «Положения об усиленной охране» в борьбе с революционным движением. В ней предлагалось разжигать национальную, расовую вражду, организовать «черные сотни», сплотив для защиты трона все реакционные элементы, превращать борьбу полиции с кружками в борьбу одной части народа против другой. Копию этого важного документа Владимир Дмитриевич срочно отправил в Женеву. Вскоре он был издан с предисловием Ленина, чтобы народ знал о новых методах борьбы царского правительства с революционным движением.

С большими трудностями удалось достать и отправить в Швейцарию книгу «Основы полицейской службы», напечатанную по распоряжению столичного градоначальника Клейгельса. Она должна была заинтересовать Владимира Ильича, изучавшего вопросы подготовки и проведения вооруженного восстания. И как же был поражен Бонч-Бруевич, когда в «Почтовом ящике» девятого номера газеты «Вперед» он прочел: «Дяде Тому. Наказание Клейгельса не дошло, повторите!» Величайшего труда и риска стоило получить второй экземпляр книги, который благополучно дошел до адресата.

Посылавшиеся Бонч-Бруевичем в Женеву документы и материалы использовались редакцией газеты «Вперед» или пополняли фонды партийного архива.

Уйдя с головой в подпольную работу, Владимир Дмитриевич видел, как остро стоит проблема организации вооруженного отпора палачам. Чем вооружать рабочих? Револьверы против конницы неэффективны, винтовки достать трудно. Выход подсказал опыт изучения революционного движения. Вла-

дмир Дмитриевич написал статью, в которой предлагал наладить производство самодельных бомб, и рассказывал об их устройстве. Такие бомбы с успехом применяли македонцы в борьбе против турецких завоевателей. Рукопись отослал в Женеву. Правда, как выяснилось позже, она не дошла. Но копии ее быстро распространились среди рабочих столицы. Первые же стычки пролетариев, вооруженных «македонками», с казаками показали большую действенность этого оружия.

Проинформировав Ленина о работе в Петербурге, Бонч-Бруевич с паспортом на имя инженера А. Г. Циммермана покинул столицу.

Вот и Тверь. В этом городе Бонч-Бруевичу еще быть не доводилось. Он шел по незнакомым улицам, щурясь от яркого солнца. Снег потемнел, талая вода чернела в первых лужах: на дворе был уже март.

На глухой окраине с трудом нашел нужный дом. На стук вышел курчавый парень лет двадцати пяти. Он ответил на пароль и пригласил гостя в комнату. Назвавшись Валентином, членом местного комитета РСДРП, хозяин пояснил, что комитет состоит из нескольких интеллигентов и рабочих. Из разговора выяснилось, что новый знакомый Бонч-Бруевича придерживался примиренческого направления и о большевиках говорил с большим раздражением, чем о меньшевиках. Его ужасно возмущало поправление авторитетов. Как только Владимир Дмитриевич пытался заговорить о принципиальных вопросах, вызвавших раскол в партии, он сразу же вскакивал с места, ворошил волосы и требовал:

— Но, позвольте! Засулич ушла — это раз. Аксельрод ушел — это два, Мартов не пошел — это три, Плеханов был с вами, да весь вышел — это четыре... Ну скажите, о чем же тут говорить?

Вечером под видом гостей в доме какого-то врача собрался актив социал-демократической организации.

Бонч-Бруевич попросил товарищей высказать свое отношение к внутрипартийным разногласиям. Валентин начал длинно и нудно разглагольствовать о том, что живущим и работающим в России социал-демократам вряд ли интересны эмигрантские дразги. Приезжий зря подвергал себя опасности и риску...

Кое-кто из интеллигентов поддакивал ему, улыбался, согласно кивал головой. Только шесть-семь рабочих сидели молча. Наконец самый молодой из них не выдержал:

— То, что говорил наш товарищ, не соответствует настроению рабочих. Мы, наоборот, хотим знать причины разногласий. Я от лица всех рабочих комитета и от наших товарищей на периферии предлагаю приехавшему товарищу рассказать нам самым подробным образом все, что он только знает о разногласиях.

Проголосовали. Большинство поддержало предложение рабочего.

Бонч-Бруевич обрисовал положение в партии после Второго съезда, тактику меньшевиков и примиренцев, показал принципиальный характер разногласий и необходимость созыва нового съезда. Кроме этого, он передал присутствовавшим два последних номера газеты «Вперед» и брошюры Ленина «Почему я вышел из редакции «Искры»?» и П. Орловского «Совет против партии». Заканчивая доклад, Владимир Дмитриевич прочитал решения конференций местных комитетов, решительно высказавшихся за немедленный созыв Третьего съезда партии, и предложил товарищам из комитета послать от организации делегата на съезд.

Разгорелись жаркие споры. Бонч-Бруевичу пришлось еще несколько раз выступать, прибегая к помощи документов. Было ясно, что комитет занимает неопределенную позицию, с которой не согласна рабочая масса.

Заседание затянулось. Решили собраться еще раз через два дня. Бонч-Бруевич условился с рабочими о встрече.

На следующий вечер в маленьком домике железнодорожника его ждали человек пятнадцать. Среди них Владимир Дмитриевич почувствовал себя привычно и свободно. С первых же минут их знакомства завязалась оживленная беседа. Рабочих заинтересовали партийные документы из Женевы и особенно газета «Вперед». Бонч-Бруевича слушали с большим вниманием, просили прочитать номера газеты полностью, спрашивали о Ленине, Плеханове, о делах в других комитетах и организациях.

Поздней ночью в сопровождении двух рабочих Владимир Дмитриевич возвратился на конспиративную квартиру.

В новом собрании партийного актива участвовали не только рабочие-большевики, но и открытые меньшевики. Видно, Валентин времени даром не терял. Один из сторонников новой «Искры» чуть не целый час ораторствовал, вызывая аплодисменты и улыбки своих сторонников. Досталось от него и Ленину, и Лепешинскому, и Бонч-Бруевичу. Выступавший помоев не жалел. Едва он утомился, встал молодой русоволосый рабочий.

— Может, я нескладно скажу,— начал он,— но заявляю, что такие речи нам, рабочим, ничего не дают. Да что там, они просто с толку сбивают... Мы хотим дружной работы. Вы, господа хорошие, только грязью обливаете Ленина и тех, кто с ним. А кто меньше говорит, а больше делает теперь? Кто готовит съезд партии, чтобы решить, как нам дальше быть и как руководить революцией? Они.

Бонч-Бруевич сказал в заключение:

— Достойный ответ товарища рабочего показывает всю мерзость меньшевистских выпадов, которые мешают настоящей революционной работе. Призываю рабочих и тех, кто их поддерживает, к единству. Чтобы изжить все наши разногласия, мы, большевики, постановили как можно скорее созвать Третий партийный съезд, и наш организационный комитет, от лица которого я выступаю, предлагает Тверскому комитету нашей партии немедленно избрать своего представителя на съезд с правом решающего голоса. Я спрашиваю вас, товарищи рабочие, желаете ли вы, чтобы был организован этот съезд?

— Желаем! Желаем! — дружно загудели рабочие и часть интеллигентов.

— Но позвольте! — возопил Валентин. — А что скажет нам ЦК? Совет партии? Так нельзя. Это самоуправство!

Однако рабочие твердо настояли на своем — завтра комитет должен выбрать делегата. Иначе рабочие создадут свою группу, как это сделали в других организациях, и пошлют делегата от себя.

Вместе с рабочими Бонч-Бруевич ушел с собрания. Около самого дома их догнал Валентин. Он, видимо

уже успел все обдумать и решил переменить позицию.

— Наши меньшевички прямо на стену полезли,— захихикал он.— Это я нарочно их созвал, чтобы они лицо свое обнаружили.

— Мы их лицо и так хорошо знаем,— отозвался один из рабочих.

— Ну что ж? Беда какая! Вот теперь с ними считаться не будут.

— Ты уже за съезд? Ловок малый,— засмеялся кто-то из рабочих.— Смотри, завтра не подгадь...

И действительно, на заседании комитета Валентин был прямо неузнаваем. Он голосовал вместе с рабочими, которые выбрали своего представителя на съезд партии.

«Бодро я шел домой, чувствуя, что и здесь, в провинции, жизнь бьет ключом,— вспоминал Бонч-Бруевич,— что рабочие здесь несомненно наши и что мы, большевики, стоим на верном пути, единственно необходимом, как сама жизнь, для широчайших масс боевого пролетариата»¹.

Прощай, Тверь!

...Поезд подходил к Москве. Здесь Бонч-Бруевич родился, провел юность, получил революционное крещение. Здесь жили его родные, друзья. Правда, встречи с ним ждали не только они. Владимир Дмитриевич не забывал, что он числился в списке привлеченных к дознанию по делу московского «Рабочего союза». Дело о нем было приостановлено «впредь до его явки или задержания».

На платформе московского вокзала не протолкаться — радостные встречи, объятия. Только его никто не встречал. Как хотелось поехать сейчас домой на Мясницкую, обнять старушку мать, отца. Живы ли? Но сделать этого не мог: у него важные задания. Нельзя рисковать.

Проезжая на извозчике по улицам Москвы, Бонч-Бруевич всматривался в улицы, дома, прохожих, как в лица дорогих людей после долгой разлуки. Все было так знакомо!

Доехал до Охотного ряда — здесь в толпе среди множества лавок легче всего сбить со следа шпика,

---

¹ Влад. Бонч-Бруевич. Нелегальная поездка в Россию, стр. 122—132.

если увяжется. Только убедившись, что «хвоста» нет, отправился в Хамовники, к графу Сергею Львовичу Толстому, сыну писателя.

Несколько лет назад в Лондоне у Чертковых зашел разговор о революционерах. Владимир Дмитриевич спросил тогда в шутку Сергея Львовича:

— Вот приеду в Москву нелегальным, небось не захотите такого гостя? Не примете?

Граф внимательно посмотрел на него и ответил:

— Я не принимаю ваших слов всерьез, но беру с вас слово: если будете нелегальным в Москве, заедете ко мне и будете жить у меня...

Тепло встретив гостя, Сергей Львович за завтраком рассказал о событиях в Москве после 9 января, обещал помочь достать различные официальные материалы для отсылки в Женеву. Владимиру Дмитриевичу была приготовлена комната.

Навестил Бонч-Бруевич и Коншина-младшего, одного из первых участников транспортировки «Искры». Дом его отца-заводчика в случае необходимости мог стать надежным убежищем от полицейских ищеек. Теперь можно было спокойно заниматься партийными делами.

Москва в это время была одним из центров борьбы за съезд. «В настоящее время,— сообщал Московский комитет партии Ленину,— в связи с III съездом и острым обсуждением тактических вопросов, раскол висит в воздухе... Пока меньшинство здесь слабо»¹.

Первый доклад Владимир Дмитриевич сделал в литературной группе Московского комитета партии на квартире большевика П. Г. Дауге. Его с интересом слушали. «Как приятно было увидеть посланца от Ильича, почувствовать через него близкую связь с ним и с нашим заграничным центром!» — вспоминал член этой группы С. И. Мицкевич². По его же свидетельству, Бонч-Бруевич быстро наладил получение в Москве газеты «Вперед», и за время его пребывания в городе большевики могли регулярно ее читать.

---

¹ «Очерки истории Московской организации КПСС. 1883—1965 гг.». М., 1966, стр. 59.

² С. И. Мицкевич. Революционная Москва. 1888—1905. М., 1940, стр. 331.

Однажды товарищи из Московского комитета партии попросили Бонч-Бруевича выступить с докладом в узком кругу партийных работников, среди которых должны были быть меньшевики и примиренцы. В условленное время Владимир Дмитриевич был на месте, но собрания не начинали — кого-то ждали. Наконец пришел высокий, статный, хорошо одетый мужчина средних лет, с круглой бородкой.

— Что, приехали громить нас? — обратился он к Бонч-Бруевичу. — А как там Ильич живет?

Владимир Дмитриевич был неприятно удивлен такой откровенностью и явной неконспиративностью. Заметив его недоумение, незнакомец сказал тихо:

— Ничего, здесь все свои...

Извинившись перед присутствовавшими за то, что не знает, насколько они осведомлены о сущности раскола в партии, Бонч-Бруевич коротко рассказал его историю, объяснил, почему большевикам вместе с Лениным пришлось уйти из редакции «Искры» и как они организовали свое издательство и газету. Наконец, процитировав все партийные документы последнего времени, он сделал заключение, что кризис в партии можно изжить только путем созыва нового съезда.

Наступила пауза.

— Черт побери, — воскликнул товарищ, которого ждали, — и ловко же обставил все Ильич! Если все это так, а ведь нам дают документы, — и он показал их целую пачку, которую во время доклада взял у Владимира Дмитриевича и просмотрел, — то нам, пожалуй, придется ехать на съезд.

Он тут же начал задавать докладчику вопросы: съезд это будет или конференция? Могут ли выбрать на съезд меньшевиков? Что будет, если меньшевики откажутся?..

Бонч-Бруевич обстоятельно ответил на вопросы.

— Но вы утверждаете, — снова заговорил этот товарищ, — что теперь ЦК наполнен меньшевиками: вот это, батенька, неверно. ЦК остался, в сущности, таким же, как и был. Это вами запущено ради агитации, чего не надо делать...

В комнате установилась напряженная тишина. Все внимательно смотрели на Бонч-Бруевича, стараясь не пропустить того, что будет им сейчас сказано.

А он расстегнул суконную куртку, распорол в одном месте искусно подшитую подкладку и достал полученную накануне из Женевы брошюру Ленина «Заявления и документы о разрыве центральных учреждений с партией». Полистал ее, нашел нужную страницу и поднял голову. Все следили за каждым его движением.

Выдержав паузу, Бонч-Бруевич сказал:

— Я докладывал вам одну истинную правду и в этом пункте не привел документов только потому, что факт присутствия меньшевиков в ЦК партии считал общеизвестным...

Он прочитал несколько документов о незаконной кооптации меньшевиков примиренцами из ЦК без согласия других его членов, находившихся в России. Несмотря на протест Ленина, меньшевики и примиренцы из Совета партии признали законность этой акции.

Когда несколько улеглось оживление среди слушавших, снова заговорил незнакомец:

— Ведь вот скажи, пожалуйста, приезжают они от Ильича, насквозь набитые документами. Полез куда-то под рубаху, вытащил целую книжку. А потом, смотришь, из сапога что-нибудь вытащит — и все документы, письма. Правда, опубликованные без разрешения автора, но все-таки документы...

На него тотчас же набросились — откуда он знает, что без разрешения автора? Значит, он слышал про эти документы? Почему не говорил?

А тот только качал головой да посмеивался:

— Ну и Ильич!

Снова посыпались вопросы, и Бонч-Бруевич рассказал о загранице, Питере, Твери.

— Так это вы были в Твери!.. Мы имеем здесь сведения... Что же это вы, батенька, погром там устроили? — смеясь, спрашивал все тот же товарищ. — Рабочие там после вас половину членов выгнали из комитета...

Выступили еще несколько человек. Один из них начал было обвинять большевиков в дезорганизации партийной работы, в неподчинении центральным органам. Его перебил товарищ с круглой бородкой:

— Вы говорите — Засулич, Мартов, Плеханов, Ленин. Дело не в личностях. Вы смотрите, какой

хитрый наш докладчик. Ведь он ни одного имени не произнес. У него все: редактор, член Совета, член ЦО, член ЦК — должности. Вот этим-то они, большевики, и берут.

Обращаясь ко всем, он продолжал:

— Рабочие и слушать не хотят о личностях, им давай дело, факты. Вот он таким докладом любую организацию возьмет. Сколько успеет объехать, столько организаций на съезде и будет. Эх, Ильич, какая сила в нем!.. И все они у него такие, школа такая...

Потом пили чай, не прекращая оживленной беседы. Владимир Дмитриевич чувствовал, что выступления его и незнакомца увеличили здесь число сторонников большевиков. Товарищ с бородкой расспрашивал о Женеве, просил передать Ленину поклон от Никитича.

Никитич? Вот он какой, Никитич! О работе его в России Бонч-Бруевич много слышал от Владимира Ильича.

— Что же, придется ехать на съезд, — сказал Никитич, прощаясь. — Надо помогать Старику¹.

Так Владимир Дмитриевич впервые встретился с Л. Б. Красиным. На собрании он должен был выступить по поручению меньшевистского ЦК партии. Но теперь ясно — примиренцы скоро недосчитаются его в своих рядах. Время подтвердило это.

В письмах Бонч-Бруевич информировал Ленина: «В Москве было собрание организаторов, и из 13 — одиннадцать голосовало за «Вперед». Победа полная, так что меньшинство повесило нос и понемногу уезжает отсюда»².

Бонч-Бруевич, как всегда, в гуще партийной работы, в курсе политических событий. Выступал с докладами в кружках и группах, постоянно общался с рабочими. От товарищей по партии и через организованные им группы содействия РСДРП получил и отправил в Женеву большое количество различных документов, рукописей, резолюций и даже стихов.

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 368—372.

² ОРФ ИИ АН СССР, сектор «Ц», Р. XI, оп. 1, ед. хр. 119, л. 7.

Так, благодаря Владимиру Дмитриевичу в газете «Вперед» появились стихотворения «Знамя свободы», «На события 9 января». В корреспонденциях для газеты Бонч-Бруевич сообщал о большом политическом подъеме среди московских рабочих, их дружном выступлении против предпринимателей: «Пролетариат ринулся вперед, ринулся гигантским шагом, скорее инстинктивно чувствуя, чем сознавая, что его судьба — у него и только у него самого в руках». Пролетарское движение, отмечал автор, увлекает в революцию полупролетарские и мелкобуржуазные массы, что красноречиво говорит о его размахе и силе. Направить, организовать могучий поток — задача социал-демократов. «Социал-демократы, дружнее за работу!»¹ — призывал Бонч-Бруевич.

Особенно пристально следил он за стачкой железнодорожников, писал в Женеву об организации московскими большевиками «Союза железнодорожных служащих Московского узла», о прокламациях, выпущенных по этому поводу, выражал надежду, что этот почин будет примером для всех железнодорожников России. Выполняя указание Ленина, Бонч-Бруевич организовал группу рабочих корреспондентов.

«Так он прожил у меня... около месяца, не возбуждая ничьих подозрений и вопросов: случай исключительный для Москвы того времени»², — писал о Бонч-Бруевиче С. И. Мицкевич, которого Владимир Дмитриевич знал еще по московскому «Рабочему союзу».

Но как ни избегал Бонч-Бруевич встреч со знакомыми, случай свел-таки их. Как-то проезжая на извозчике по Сухаревской площади, он увидел купца Прянишникова, в издательстве которого когда-то редактировал книги. Купец его тоже заметил. Владимир Дмитриевич едва не раскланялся с ним, но быстро отвернулся и приказал извозчику гнать.

Эта встреча ускорила отъезд Бонч-Бруевича из Москвы.

Он отправился на несколько дней в Петербург, познакомился с членом Организационного комитета по

¹ «Вперед», 15 (2) марта 1905 г.

² С. И. Мицкевич. Революционная Москва. 1888—1905, стр. 331.

созыву съезда С. И. Гусевым. От него получил записку из Женевы. Владимир Ильич одобрял энергичную деятельность Бонч-Бруевича и благодарил его за большое число корреспонденций и материалов для газеты.

«Дорогой Владимир Ильич,—писал тот в ответ,—сейчас только получил Вашу небольшую записочку, которая меня несказанно обрадовала. Так было радостно получить весточку от Вас,—ведь я так сжился со всеми Вами... Через несколько минут я уезжаю в далекое — более или менее — путешествие, которое меня захватывает с головой. Надеюсь прислать Вам с пути мои впечатления о многом, что просто не успел записать».

По его письмам, корреспонденциям Ленин, редакция «Вперед» могли составить ясную картину о положении на местах, настроениях рабочего, крестьянина, солдата. Его корреспонденции были проникнуты твердой уверенностью в правоте большевизма.

«Я непоколебимо верю, что мы победим во всех смыслах и блестяще победим!

Скорей бы, скорей состоялось то, что должно состояться.

Ваш Дядя Том»¹.

Это письмо перехватила полиция. Ей хорошо был известен почерк Бонч-Бруевича, и установить принадлежность ему письма не составило труда. Пограничной охране и жандармам было сообщено: «В Департаменте полиции получены сведения, что Бонч-Бруевич прибыл в Россию, разъезжает по России и собирается в скором времени выезжать снова за границу. Необходимо установить наблюдение и в случае обнаружения предписывается обыскать, арестовать и телеграфировать»². На границе ждали только его появления. А Бонч-Бруевич в это время направлялся к югу.

Тула. Она поразила его своей провинциальностью, длинными грязными улицами, по обеим сторонам которых с небольшими интервалами стояли кабаки да трактиры.

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 489.

² ОРФ ИИ АН СССР, сектор «Ц», Р. XI, оп. 1, ед. хр. 129, л. 25.

В двухэтажном каменном домике он отыскал нужную дверь и постучал. Его встретила женщина лет сорока пяти, невысокого роста, с открытым и добрым лицом, обрамленным густыми каштановыми волосами, чуть тронутыми сединой. Она внимательно и строго смотрела на гостя.

Они четко обменялись паролями, и Бонч-Бруевич почувствовал себя в обществе опытного конспиратора. Он знал, что Тетенька — Прасковья Францевна Куделли, высланная из Петербурга, ведет большую партийную работу.

Вечером, после того как гость успел отдохнуть, собрались члены партийного комитета. Из шести человек четверо были рабочими. В беседе выяснилось — товарищи неплохо осведомлены о положении в партии и полностью поддерживают созыв съезда. Владимир Дмитриевич передал им просьбу Ленина поспешить с выборами делегата, поделился литературой, полученной из Женевы, рассказал о партийных делах в столице, Москве, выборах делегатов в Риге и Твери. Товарищи из комитета рассказали о трудностях в своей работе.

Рабочих в Туле было много, около 80 тысяч. Однако часть их была связана еще с сельским хозяйством, имела собственные домики, огороды и трудно поддавалась агитации. У некоторых рабочих были даже собственные мастерские на дому. У комитета же отсутствовали средства, литература. Интеллигенты в Туле не имели заработка — в городе не было ни земства, ни газеты. Однако, несмотря на эти трудности, почва для большевистской работы в Туле была благоприятна.

Далеко за полночь в квартире Куделли закончилось заседание комитета.

Утром Бонч-Бруевич засел за письма. Прежде всего — в редакцию газеты «Вперед», Ленину. Начав писать, он в левом углу листа привычно вывел условный знак «аа», затем — номер — 31 и дату — 8 марта 1905 г. Редакция будет знать, что письмо послано на 20 дней позже. «В Туле дела обстоят очень хорошо, — сообщал Владимир Дмитриевич. — Все это благодаря почти исключительно Тетеньке»¹. Он под-

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 493.

робно написал о состоянии партийной работы, наменном делегате на съезд, о необходимости помогать средствами таким комитетам, которые самостоятельно не могут увеличить свой бюджет. Это ведь не Питер, не Москва, где товарищи имеют пожертвования, большие сборы от лекций, продажи литературы...

Поздним вечером Бонч-Бруевич уже сел в вагон второго класса, устроившись на верхней полке подале от любопытных глаз. Утром он будет в Курске. Под мерное покачивание вагона и перестук колес, засыпая, вспомнил подозрительно надоедливого извозчика, который попался ему около конспиративной квартиры, предлагал отвезти «за дешево» и почему-то ехал следом. Пришлось свернуть в первый же темный переулок и окольным путем пробираться к вокзалу. Неужели охранка напала на его след?

Через два дня Бонч-Бруевич отправил корреспонденцию из Курска: «Здесьшний комитет очень обрадовался моему приезду... Они еще не знали, что имеют право представительства на съезде. ...По организационным и тактическим вопросам, насколько выяснилось, они стоят на точке зрения «Вперед», и только неосведомленность не позволила им считать себя большевиками»¹. Далее Владимир Дмитриевич сообщал, что в Курске, как и в Туле, не хватает литературы, и просил редакцию срочно выслать туда последние номера газеты и брошюру Орловского «Совет против партии».

Задерживаться Бонч-Бруевичу в городе не было необходимости, и он двинулся дальше.

Не было еще двенадцати часов дня, когда поезд, в котором ехал Бонч-Бруевич, подходил к перрону Харьковского вокзала. Среди встречавших замелькали физиономии жандармов и шпиков. Быстро замешавшись в толпе, Владимир Дмитриевич сдал вещи на хранение и вместе с рабочими-путейцами через служебные ворота вышел на большую привокзальную площадь. Здесь стоял шум, суетились пассажиры, извозчики, артельщики.

Выбравшись из толчеи, он пошел по длинной мощеной улице в город.

¹ «Из истории Курского края. Сборник документов и материалов». Воронеж, 1965, стр. 343.

По-весеннему светило солнце, из водосточных труб текла талая вода, возбужденно чирикали воробы, затеявая потасовку прямо под ногами у прохожих. Громко кричали торговки, предлагая моченые яблоки, бублики, пирожки. Приятно было снова, после невзрачной и грязной Тулы, пройти по оживленному большому городу. Вот наконец и дом, куда ему дали явку...

На следующий день в двухэтажном кирпичном особняке местного радикала Бонч-Бруевич познакомился с членами харьковской группы «Вперед».

Худощавый человек с пронизательными серыми глазами и руками кузнеца — Артем рассказал, что группа была создана в январе и названа в знак солидарности с большевистской газетой. Влияние группы среди харьковских рабочих быстро растет. С 29 января по 17 февраля бастовали почти все крупные заводы. Правда, не одновременно. На заводах паровозостроительном, «Гельферих-Саде» организованы сильные кружки рабочих.

Владимир Дмитриевич предложил в ближайшее время собрать партийный актив, чтобы добиться выборов делегата на съезд. Он помнил, как при последней беседе, взяв его за лацкан пиджака, Ленин сказал по конспиративной привычке шепотом: «Гигантски важно налечь на Харьков и Ростов. Нужно обязательно добиться, чтобы от них были делегаты».

Харьковские большевики кооптировали Бонч-Бруевича в группу «Вперед» и по его просьбе поручили возглавить социал-демократические кружки паровозостроительного завода. Владимир Дмитриевич знал: только с помощью рабочих можно заставить меньшевиков провести выборы делегатов на съезд.

Через несколько дней состоялось заседание Харьковского комитета РСДРП. Среди его членов было четверо рабочих, и это обнадежило Владимира Дмитриевича. Выступив с докладом, он призвал комитет присоединиться к решению большинства комитетов России и послать делегата с совещательным голосом на съезд. Однако большинство членов комитета, состоявшее из интеллигентов, возражали, спорили и выбирать делегата не торопились. Это была первая неудача. Положение Бонч-Бруевича осложнялось

тем, что в Харькове он не успел еще получить из Женевы последних номеров газеты «Вперед» и другой литературы.

В социал-демократических кружках паровозостроительного завода Владимир Дмитриевич внимательно изучал, как ведется пропаганда и агитация среди рабочих, выступал с докладами об уставе и программе РСДРП, ее тактике в начавшейся революции. «Работы здесь масса,—удовлетворенно сообщал он друзьям в Женеву,—и очень хорошей». Вероятно, именно Бонч-Бруевича имел в виду начальник харьковского охранного отделения, когда доносил директору департамента полиции о собрании рабочих паровозостроительного и других заводов, на котором «говорили речь известные пропагандисты местной социал-демократической организации и неизвестный от группы большинства».

Как-то, готовясь к очередному докладу в рабочем кружке, Бонч-Бруевич решил зайти к гостеприимным хозяевам квартиры, на которой собирались руководители группы «Вперед». В беседе за чаем хозяин похвалился — на днях он получил из-за границы подарок к пасхе. Но вот беда — не знает от кого. Он провел гостя в кабинет и указал на уже развешанные по стенам копии картин Беклина. Внимательно осмотрев их, Владимир Дмитриевич попросил таз с теплой водой, затем освободил картины от рамок, обрезал по краям паспарту и положил одну из них... в воду. Через минут пятнадцать, когда картина достаточно пропиталась водой, Бонч-Бруевич на глазах изумленного хозяина стал легко отделять от нее страницы газеты «Вперед» и раскладывать их на полу и стульях. Такая же метаморфоза произошла и с другими картинами, в результате которой на свет появились листы большевистских брошюр.

Так работал «малый транспорт», которым завела Вера Михайловна. Чемоданы с двойным дном отслужили свое — полиция быстро научилась их узнавать. И Величкина вместе со швейцарским переплетчиком нашла новый остроумный способ транспортирования революционной литературы. Был изобретен специальный клей, прочно соединявший листы тонкой бумаги и быстро растворявшийся в теплой воде. Несколько листов бумаги с текстом, сма-

занные этим клеем, превращались в картон, картон — в паспарту для картин, в футляры и всевозможные безделушки. Все это отправлялось в Россию по надежным адресам.

Когда страницы газеты и брошюр высохли, Владимир Дмитриевич с пришедшими товарищами из комитета начал жадно читать последнее слово партии. А вечером с одним из комитетчиков он уже спешил на окраину города, где его ждали рабочие. Бонч-Бруевич рассказал им о положении в организациях, которые он объехал.

Разговор перешел к местным делам.

— Почему, как вы думаете, члены комитета не торопятся выбирать своих представителей на съезд? — спросил Владимир Дмитриевич. — Ведь вообще они согласны на это...

— Согласны-то согласны, да никак не решат, кого послать. Хотят своего выбрать, вот и тянут, — ответили рабочие. — Ничего, завтра мы на заводах «Сименс и Гальске» ребят повидаем и нажмем на комитет...

Рабочие спрашивали: как возражать примиренцам, как и чем можно поддержать волнение крестьян в губернии, стоит ли ходить на официальные собрания и рефераты, устраиваемые либеральной интеллигенцией.

Вместе решили — настаивать на безотлагательных выборах делегата на съезд. А во время рабочих демонстраций к своим лозунгам присоединять требования крестьян. Рабочие согласились с Бонч-Бруевичем в том, что необходимо участвовать в официальных собраниях, выставляя своих ораторов.

Хозяин квартиры оставлял приезжего гостя ночевать. Но Бонч-Бруевич отказался. Не хотел подвергать опасности семью рабочего.

Утром засел за письма в Женеву. Потом подготовил две бандероли с прокламациями и листками, выпущенными группой «Вперед», комитетом РСДРП. Одну из них он адресовал Величкиной, а другую — в Валуйки Воронежской губернии Василию Суслову, который пошлет бандероль в Швейцарию. Корреспонденцию Бонч-Бруевич опустил в почтовые ящики в разных местах города.

Но этой предосторожности оказалось мало. На следующий день начальник почтово-телеграфного

округа представил в канцелярию харьковского губернатора обе бандероли. Полетели запросы в Петербург. Оттуда сообщили, кого следует искать.

Молчание Бонч-Бруевича сильно встревожило его друзей в Женеве. В письме харьковским большевикам Крупская спрашивала: «Получили ли наши 2 письма о дяде Томе? Кстати, почему он замолчал? За него сильно беспокоятся»¹.

Владимир Дмитриевич сразу же заметил за собой слежку. От «хвостов» он умел отделяваться быстро, но обнаружил — наблюдали и за его конспиративной квартирой. А тут еще он узнал, что комитет распространяет сплетню среди рабочих, будто дядя Том агитирует за выборы его делегатом съезда. К меньшевистским сплетням он уже привык, но эта его возмутила.

Застав на явочной квартире двух членов комитета, он заявил им:

— Я только что услышал, что комитет распускает недостойную сплетню обо мне... Так как это прямая неправда, то я прежде всего выражаю вам официально протест. Во-вторых, как представитель оргбюро Комитета большинства, предлагаю сегодня же выбрать на съезд двух представителей либо дать мотивированную резолюцию с отказом выбирать... Я прошу все это проделать немедленно, так как за мной следят, и дать мне явки в Ростове.

Толстенский интеллигентный комитетчик, ошеломленный таким натиском, пролепетал, что рабочие действительно хотят выставить кандидатуру приезжего.

Для Бонч-Бруевича это было новостью.

— Ну что ж, я заявлю рабочим, что отказываюсь от такой чести, а на съезд я бы предложил кандидатуру Авилова и кого-нибудь из рабочих. Решайте быстрее...

Вечером Владимир Дмитриевич увиделся с несколькими знакомыми рабочими, которые обещали регулярно писать в Женеву о харьковских делах.

Возвращаясь домой, Владимир Дмитриевич заметил, что у ворот дома маячило несколько подозри-

---

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, д. 370, л. 1.

тельных типов, а один из них увязался за ним во двор. Нужно было как можно быстрее выбираться из этой ловушки, пока она не захлопнулась. С ним оставались партийные документы. Вынести их было крайне рискованно — вполне возможно, что его арестуют при выходе из дома. Но уж слишком жалко было их уничтожать.

Раздался стук в дверь. Вошел рабочий из комитета.

— Ну и шпииков около тебя, — тихо сказал он. — Уезжай скорее отсюда.

Он рассказал, что выборы на съезд состоялись. Авилова посылает делегатом группа «Вперед». Второй мандат комитет решил передать Липкину, который сейчас за границей... Рабочий сообщил Бонч-Бруевичу явки в Ростове и вызвался купить билет на поезд. Он ушел, унося с собой в подкладке пальто партийную литературу.

Собравшись в дорогу, Владимир Дмитриевич объяснил хозяйке, что получил телеграмму от жены и должен немедленно уехать. Он просил ее оставить за ним комнату и внес плату за месяц вперед.

В проходном дворе шпиики тотчас же бросились за ним. В переулке он заметил еще несколько человек, поджидавших его. Дойдя до перекрестка, Владимир Дмитриевич увидел, к своему счастью, свободного извозчика. Он мигом вскочил в коляску и велел как можно скорее ехать на вокзал. Целковый все решил. Кони рванули, мелькнули оторопевшие физиономии шпииков, пролетка понеслась.

В дверях вокзала он встретился с рабочим, который, сунув ему билет, моментально исчез.

Через некоторое время за окном вагона замелькали последние дома Харькова. На одной из ближайших станций Бонч-Бруевич на всякий случай пересел в другой поезд и благополучно приехал в Ростов.

Встреча с местным комитетом РСДРП обнадежила — он принял резолюцию о посылке делегата на съезд.

Окрыленный удачей, Владимир Дмитриевич поспешил в Москву. Ехал через Рязань, подальше от Харькова. С дороги отправил информацию в Женеву о положении партийных дел в Ростове.

В Москве Бонч-Бруевич дождался окончания работы Третьего съезда и указаний избранного им ЦК партии. Съезд ответил на самые жгучие вопросы революции — о вооруженном восстании, временном революционном правительстве, об отношении к крестьянскому движению.

До отъезда за границу оставалось выполнить последнее задание Ленина. Владимир Ильич просил Бонч-Бруевича поговорить с Горьким об издании за границей его произведений и книг демократических писателей, входивших в группу «Знание». «Владимир Ильич высказал мнение... — писал Бонч-Бруевич, — что если удастся поставить это дело издания хорошо, то от него будет большой прок для партии, помимо того, что это дело само по себе имеет также и общекультурное значение»¹. Бонч-Бруевич знал, что писатели также заинтересованы в выпуске в свет на русском языке их произведений за границей. Но из-за отсутствия литературной конвенции между Россией и европейскими странами русские книги там часто переводились на иностранные языки без согласия авторов и произвольно сокращались. Участвуя же в совместном с большевиками издательстве, писатели могли не только принести пользу партии, но и защитить свои авторские права.

Бонч-Бруевич снова в дороге. Поезд следовал в Крым. В вагоне второго класса Владимир Дмитриевич быстро подружился с мальчиком и девочкой, ехавшими с родителями в Симеиз. Пассажиры умилялись, глядя, как заботливый дядюшка все время хлопотал вокруг детей, на длительных остановках выводил их гулять по перрону, покупал баранки, конфеты. Жандармам и сыщикам не могло прийти в голову, что этот господин с детьми является революционером-профессионалом, выполняющим важное партийное поручение.

В Симферополе, расставшись с милым семейством, Владимир Дмитриевич поспешил в Ялту. Там после заключения в Петропавловской крепости за протест против расправы над мирным шествием к царю отдыхал Горький. Отыскать дом, где жил писатель, оказалось нелегким делом. Фамилия домо-

---

¹ О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 35.

владельца ничего не говорила встречным. Отчаявшись, Бонч-Бруевич назвал фамилию Горького, и ему сразу рассказали, как его найти.

Встретившись с писателем, Владимир Дмитриевич сказал, что приехал договориться о возможности организации за границей издательства с участием Горького. Алексей Максимович оживился, начал высказывать свои предложения. Он посоветовал встретиться с заведующим издательством «Знание» Константином Петровичем Пятницким, у которого имелся подробный план издания книг за границей. Разговор постепенно перешел к последним политическим событиям. Жена Горького — Мария Федоровна Андреева — пригласила их на балкон пить чай.

Темная бархатная южная ночь, крупные яркие звезды, неугомонные цикады — все было ново и необычно для Бонч-Бруевича. Как в далеком прошлом остались постоянная опасность, тревоги и волнения. Долго длилась беседа.

Рано утром Владимир Дмитриевич незаметно вышел из дому и, убедившись, что за ним никто не следит, направился к почтовой станции.

Покидая Ялту, он мысленно возвращался к беседе с Горьким, в котором увидел «человека искреннего, убежденного, растущего, как русский богатырь, не по дням, а по часам, все более вставшего в социал-демократическую среду и кровно заинтересованного в успехах рабочего движения. Здесь он был неутомим в расспросах, желая знать решительно все... Глубоко понимал он психологию рабочего человека, объясняя все движения и проявления его сознания, его воли с такой нежной любовью, что ясно было, что именно он будет тем художником слова, который в своих произведениях отразит кипучую жизнь рабочих кварталов»¹.

В Петербурге Бонч-Бруевич с письмом от Горького сразу пошел к К. П. Пятницкому. Познакомившись с детально разработанным проектом издания книг за границей, Владимир Дмитриевич выразил надежду, что женевские товарищи согласятся с этой инициативой издательства «Знание».

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания, стр. 110.

Итак, все ответственные ленинские задания Бонч-Бруевичем были выполнены. До свидания, Россия! Теперь уже — до скорого свидания! Революция набирает силу.

Пограничная станция Вержболово. Несколько часов проверки паспортов, таможенного досмотра под пристальными взглядами жандармов и шпииков. Все это стоило огромного нервного напряжения и невероятной выдержки. Владимиру Дмитриевичу подумалось почему-то, что конспиратор должен быть отличным актером — все время нужно играть, выдавать себя за другого и никогда не ошибаться. Вот и он — инженер Циммерман, едущий за границу на лечение, и все для него здесь странно, ново. Он всему удивляется, не жалеет мелкой монеты, терпеливо ждет окончания досмотра.

Но вот проплыли наконец за окном пограничные столбы Российской империи. С подножек прыгнула пограничная стража, потом — шпиики. Впереди была Германия.

Как медленно тянется швейцарский поезд! Наконец снова утренняя солнечная Женева, будто и не уезжал отсюда. Вот и мост через Рону, величественная средневековая башня Молар. Еще немного — и улица Каруж, массивный дом с врезанной в камень цифрой 98.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ДЕЛА БОЛЬШЕВИКОВ

Трудно было оставаться в тихой Женеве, когда в России нарастала революция. Но партийные дела требовали этого. Вернувшись из нелегальной поездки на родину, Бонч-Бруевич ознакомил Ленина с планом организации издательства за границей, разработанным Пятницким. Владимир Ильич остался им не совсем доволен. Его автор плохо знал заграничную партийную технику, потребности в марксистской литературе, условия ее реализации.

Поэтому в мае 1905 г. Бонч-Бруевич в «Докладной записке Центральному Комитету РСДРП» изложил свой план издательской деятельности. В нем предусматривалось все — от структуры издательского центра и его юридических отношений с авторами и партией до затрат на оборудование для типографии, экспедиции и конторы, на приобретение столов и стульев и «непредвиденных расходов». Бонч-Бруевич предлагал выпускать не только произведения Горького и беллетристов, группировавшихся вокруг издательства «Знание», но и брошюры большевиков-публицистов о современном революционном движении, а также переводы трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, П. Лафарга, Ж. Гедэ, Ф. Лассалья. «При современном положении России,— отмечал Владимир Дмитриевич,— когда всемирный интерес к жизни нашей страны достиг значительного напряжения, создание такой двойной диффузии между европейскими и русской социалистическими литературами крайне желательно, необходимо...»¹ Книги, вышедшие в свет на русском языке, предполагалось переводить на немецкий, французский, английский и итальянский. Издательство намеревалось помогать своим авторам публиковаться в иностранной периодической печати, а также добиваться постановки их пьес в театрах. Бонч-Бруевич предложил назвать но-

---

¹ О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 36.

вое издательство «Демос», что подчеркивало бы его демократический характер.

ЦК РСДРП утвердил план. В редакционно-издательскую коллегию вошли приехавший из России представитель писателей И. П. Ладыжников, В. Д. Бонч-Бруевич, Р. П. Аврамов и Е. Д. Стасова. Контроль за деятельностью издательства ЦК поручил Ленину.

Уже в начале августа в партийную типографию была сдана первая рукопись — «О кавказских событиях» М. Горького. Были готовы к набору также его драма «Дети солнца» и рассказ С. Скитальца «Полевой суд». Однако партийная типография была перегружена заказами ЦК РСДРП. Поэтому Владимир Дмитриевич обратился за помощью к немецкому социал-демократу Дитцу, у которого в Штутгарте были большое издательство и типография. Дитц согласился издавать брошюры «Демоса», при этом сообщил, что часть литературы он будет оставлять у себя в счет платы за ее выпуск. В Штутгарт и отправили готовые к набору рукописи. Бонч-Бруевич расширил связи и с группами содействия РСДРП за границей, русскими библиотеками, клубами, столовыми, разослал им множество писем, в которых интересовался спросом на литературу в той или иной стране и условиями ее распространения. Если речь шла о курортной местности, то Владимир Дмитриевич спрашивал о времени «прилива» курортников, их национальности, адресах книжных магазинов и киосков, редакций местных газет.

Соотечественники несказанно удивлялись тому, что, не успев осмотреться после приезда на курорт, они начинали получать социал-демократические издания.

Пока печатались рукописи, Владимир Дмитриевич в начале октября уехал из Женевы с намерением побывать в Париже, Лондоне, Берлине, поискать там переводчиков и создать филиалы «Демоса».

В Париже за перевод драмы «Дети солнца» на французский язык взялась А. М. Аничкова, жена Анатоля Франса, кроме того, она обещала помочь в издании ее. Представителями «Демоса» во Франции Бонч-Бруевич оставил супругов Филатовых, входивших в местную группу содействия РСДРП.

В Англии заботу об интересах издательства принял на себя К. М. Тахтарев, бывший член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Сотрудник Лондонской публичной библиотеки Ч. Райт согласился переводить книги «Демоса».

Поездка складывалась удачно. Но 20 октября Бонч-Бруевич неожиданно получил письмо от Ленина:

«Уважаемый товарищ! Дело с Шольцем приняло такой оборот, что становится очевидной возможность крупного убытка для партии по вине заведующего типографии.

Кроме того, исполнение в партийной типографии заказов «Демоса» равным образом сопряжено с ущербом для партии ввиду неправильной постановки дела.

Ввиду этого... я *настоятельно* прошу Вас... отказаться от поездки в Берлин и *немедленно* выехать в Женеву для улажения дел, порученных Вам Ц. К.-том.

*Н. Ленин*¹.

Это письмо встревожило Владимира Дмитриевича. Уезжая, он все хозяйственные дела оставил в полном порядке.

Через сутки Бонч-Бруевич был уже в Женеве. Оказалось, что набор пьесы Горького в партийной типографии задержался из-за недостатка шрифта и не был в срок передан для печатания в частную типографию. Ее владелец Шольц потребовал возмещения убытков.

Бонч-Бруевичу удалось быстро достать денег. Он заплатил Шольцу и тем уладил дело, грозившее большими неприятностями.

В ноябре в партийной типографии из печати вышла брошюра «О кавказских событиях» М. Горького, написанная по поводу армяно-татарской резни, спровоцированной царским правительством. В те же дни из Штутгарта были получены готовые издания драмы «Дети солнца» и рассказа Скитальца «Полевой суд». Экспедиция начала их рассылку.

Уже первые книги «Демоса» привлекли внимание передовых деятелей европейской культуры и демо-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 94.

кратических писателей в России. Издательство стало получать новые рукописи и быстро набирать силу, приобретать популярность. Но его судьбой распорядилась революция.

Осенью 1905 г. рабочее движение в России достигло небывалого размаха. В октябре разразилась всеобщая политическая стачка. Стали фабрики, заводы, почтово-телеграфные учреждения. 17 октября перепуганный царь вынужден был издать манифест о «даровании» народу гражданской свободы, неприкосновенности личности, свободы совести, собраний и союзов. За Государственной думой были признаны законодательные права. Это была первая победа революции.

В начале ноября Ленин, а за ним и Крупская уехали в Россию. Проводив их, Владимир Дмитриевич вместе с Е. Д. Стасовой и Р. П. Аврамовым начал сворачивать всю заграничную технику — приемную ЦК, издательство, экспедицию, типографию, библиотеку и архив.

Большого труда стоило упаковать около 10 тысяч книг, толстые подшивки более ста различных газет и журналов на всех основных языках мира, ценнейшие документы по истории партии и революционного движения в России. Одну часть библиотеки отправили в Россию, другую — в Швецию. Наиболее редкие книги передали Куклину.

Не стало и издательства «Демос». С согласия Горького Ладыжников перенес его в Берлин под названием «Сценическое и книжное издательство русских авторов. И. Ладыжников».

В двадцатых числах ноября Бонч-Бруевич неожиданно получил телеграмму из Петербурга. Ему надлежало срочно выехать в Париж. Там его ждал какой-то груз, который необходимо было переправить в Россию.

Прощай, Женева! Теперь его ничто не будет связывать с нею. Конец опостылевшей эмиграции! Вера Михайловна с Лелей уже на родине. Позади напряженная работа, масса дел.

Кроме забот о «Демосе», очень ответственной была административная и хозяйственная работа, связанная с выпуском газеты «Пролетарий». Бонч-Бруевич входил в ее редакцию, писал для нее статьи

и корреспонденции. В то же время состоял в коллегии сотрудников при ЦО, которая вела всю литературную работу заграничного издательства ЦК РСДРП. По поручению Центрального Комитета партии готовил к публикации протоколы Третьего съезда партии и выпускал их в свет. При такой занятости Владимир Дмитриевич ухитрялся находить время для подготовки к переизданию сборников «Избранные произведения русской поэзии» и «Родные песни». Кроме этого он по совету Ленина написал и отправил в Петербург несколько статей и заметок для первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь».

В Париже товарищи сказали Бонч-Бруевичу, что надо перевезти в Россию взрывчатые вещества для Военной организации партии. Долго ломали голову над способом их транспортировки. Пугали дальняя дорога и таможенный досмотр на границе. Но выход был найден. Сшили специальный жилет со множеством карманов. Положили в них картонные патроны со взрывчаткой. Владимиру Дмитриевичу показалось мало — бог силой не обидел. Тогда сделали еще широкий пояс с кармашками. Наполнили и его опасным грузом. Получилось полтора пуда веса.

Надев эти доспехи на Владимира Дмитриевича и старательно зашив кармашки, товарищи заботливо предупредили его:

— Смотрите не упадите — взорветесь!

Напутствуемый добрыми пожеланиями, Бонч-Бруевич отправился в Петербург кружным путем — через Данию, Швецию и Финляндию. Бессонные ночи — ложиться было нельзя — сменялись беспокойными днями. Сперва его организм не особенно реагировал на тяжесть и почти постоянное бодрствование. К тому же, пока шили панцирь и пояс, Бонч-Бруевич отсыпался «в запас». Но уже через трое суток стали ныть спина и шея. В поезде надо было сидеть, не прикасаясь к спинке вагонной скамьи, чтобы избегать толчков. То и дело приходилось выходить на площадку вагона: едкий запах динамита, усиливавшийся в теплом помещении, мог привлечь внимание шпионов.

Однажды в стокгольмской гостинице, изнемогая от усталости, Владимир Дмитриевич рискнул немно-

го поспать и стал боком осторожно укладываться на постель. Вдруг в жилете что-то лопнуло и... два патрона со взрывчаткой скользнули по ноге. Бонч-Бруевич оцепенел. К счастью, патроны упали на мягкий коврик у кровати. Ему с трудом удалось вернуть их на место и кое-как зашить прореху. После этого Владимир Дмитриевич не пытался ложиться.

Но вот наконец и Петербург. В меблированных комнатах «Париж» Бонч-Бруевич разыскал Воровского. Вацлав Вацлавович хотел обнять гостя, но тот попятился.

— Не подходите, опасно!

— Привезли?

— Да.

— Много?

Владимир Дмитриевич показал жилет и пояс.

— Надо идти скорее разгружаться — боевики очень ждут.

Но так как гость проголодался, Воровский угостил его чаем, а заодно рассказал о последних событиях в Петербурге. Газета «Новая жизнь» доживает последние дни. Реакция наступает. Владимир Ильич на нелегальном положении. Арестован Петербургский Совет, а вместе с ним и Вера Михайловна. Лелю приютили товарищи.

Воровский и Бонч-Бруевич оделись и пошли в редакцию «Новой жизни». В одной из комнат за столом сидел Ленин и что-то писал. Увидев Бонч-Бруевича, он поднялся ему навстречу:

— А, Владимир Дмитриевич! С благополучным прибытием! Как доехали? Сколько удалось привезти?

— Спасибо, доехал хорошо. Привез почти полтора пуда...

— Где же вы оставили свой груз?

— Он его с собой носит, Владимир Ильич,— засмеялся Воровский.— Весь начинен, точно бомба...

Владимир Дмитриевич во второй раз продемонстрировал свой панцирь.

— Отлично!.. Присаживайтесь... Все дела в Женеве закончили, как условились?

Бонч-Бруевич рассказал о работе ликвидационной комиссии ЦК партии, не преминул сообщить Владимиру Ильичу, что выполнил его поручение —

русский шрифт сдал за небольшую плату на хранение. Кто знает, может, еще пригодится... Перед отъездом выпустил и разослал последний номер «Пролетария».

Ленин спросил, знает ли Бонч-Бруевич, что Вера Михайловна арестована, и посоветовал начать хлопоты о ее освобождении, поинтересовался, чем Владимир Дмитриевич думает заняться, но вдруг прервал расспросы:

— Ведь вы начинены взрывчаткой! И, наверно, чертовски устали!

— Ему давно пора разоблачиться и не покушаться на наши жизни,— пошутил Воровский.

Владимир Ильич по конспиративной привычке шепотом сказал Воровскому явку боевиков, куда следовало доставить взрывчатку, а Бонч-Бруевичу на прощание посоветовал хорошенько отдохнуть, а уж потом думать о делах.

Вместе с Воровским пришли на явку. Молчаливый немолодой рабочий провел их в какой-то темный подвал и там, осторожно размотав пояс и сняв жилетку, освободил Бонч-Бруевича от груза.

Объявленные царем гражданские свободы и неприкосновенность личности Бонч-Бруевич быстро испытал на себе. Не прошло и двух недель как он прописался в Петербурге, к нему на квартиру нагрянули с обыском полицейские. Они перевернули все вверх дном, но ничего «предосудительного» не нашли. Перетрусивший хозяин дома предложил квартиранту искать другое жилье.

В январе 1906 г. хранитель рукописного отделения Академии наук В. И. Срезневский сообщил Бонч-Бруевичу о получении большого количества литературы из Женевы. Это была часть библиотеки и архива РСДРП. Несколько дней Владимир Дмитриевич вместе со Срезневским, закрывшись в хранилище Академии наук, разбирали партийную литературу, пряча ее за старопечатные книги и папки с рукописями. Нелегальный фонд документов разрастался. Начал он создаваться еще тогда, когда Бонч-Бруевич присылал сюда оригиналы рукописей сектантов и материалы, собранные во время нелегальной поездки в Россию. Особую ценность среди полученной литературы представляли первые издания

работ Ленина. Благополучно дошел и комплект «Искры» с его пометками.

В Петербурге Владимир Дмитриевич начал внимательно присматриваться к работе издательств, редакций газет, журналов, книжных магазинов. Горький привлек его к сотрудничеству в издательстве «Знание». Заинтересовавшись сборником «Избранных произведений русской поэзии», он предложил Бонч-Бруевичу значительно расширить его и издать еще раз.

После подавления Декабрьского вооруженного восстания революция постепенно пошла на убыль. Но рабочие отступали с боями.

К началу 1906 г. большевикам удалось создать партийные отделы в частных легальных издательствах, но своего издательства у них еще не было. Не было и партийного распространительского книжного центра. Нужны были средства, а главное, человек, способный организовать и вести нелегкое издательское дело¹.

В первых числах января к Бонч-Бруевичу зашел в гости Ленин. Говорили о партийных делах. Владимира Ильича особенно беспокоило положение с партийной печатью. «Новую жизнь» месяц назад власти «прихлопнули». А в массах — огромный спрос на социал-демократическую литературу, печать. Этим воспользовались частные издательства. Однако было ясно, что с усилением реакции они не будут рисковать своим положением ради издания партийных брошюр и пойдут на попятную. Поэтому большевикам необходимо свое партийное издательство. Начать же решено было с выпуска дешевого журнала для масс. Но где его издавать? На какие средства? Долго думали, прикидывали, намечали.

На следующее утро Бонч-Бруевич начал действовать, отправившись по редакциям издательств и газет. Его интересовали стоимость типографских работ, бумаги, процедура получения разрешения градоначальника на издание журнала, порядок прохождения литературы через цензуру и т. п. Л. Б. Красин познакомил его с издателем социал-демократической литературы И. Я. Львовым, который согла-

---

¹ См. О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 41.

сился под своим легальным именем открыть типографию. Но на это нужны были деньги. У Красина, заведовавшего большевистской партийной кассой, как всегда, их было немного. «Я не хотел ни копейки брать в кассе ЦК на организацию этого нового дела,— вспоминал Владимир Дмитриевич,— и попытался достать нужные средства из частного источника, от лиц, сочувствовавших деятельности нашей партии».

Одной из первых, к кому Бонч-Бруевич обратился за денежной помощью, была владелица меблированного дома О. А. Мухина, не раз оказывавшая содействие большевикам. Он рассказал ей о плане издания нового иллюстрированного журнала для масс, его распространении в России, Западной Европе и Америке, при этом нарисовал такую захватывающую картину, что Мухина без колебаний согласилась дать на выпуск журнала 5 тысяч рублей. Дело с организацией журнала можно было считать решенным. Львов взялся хлопотать о разрешении открыть «свое» дело. Для Бонч-Бруевича это занятие было бы бесперспективным. Хотя он благодаря дарованным «свободам» и «не мог быть привлечен к ответственности за свою предыдущую «преступную деятельность»», как говорилось в документах департамента полиции, но состоял там на особом учете. Львов же был вне подозрений. И вскоре на Литейном проспекте начала работать партийная типография.

С помощью инженера Циммермана получили разрешение на издание журнала «Наша мысль». По решению ЦК партии в его редакцию вошли М. С. Ольминский, В. В. Воровский, Н. Ф. Насимович, И. П. Гольденберг (Мешковский) и другие. Ответственным секретарем журнала на правах одного из редакторов был назначен Бонч-Бруевич. В подготовке номеров активно участвовали А. И. Ульянова-Елизарова и освобожденная из-под ареста В. М. Велличкина.

21 января 1906 г. мальчишки-газетчики на Невском и в рабочих кварталах кричали:

— Покупайте журнал социал-демократов «Наша мысль»! Стихотворения и рассказы! О политике, революции и рабочих! Только восемь копеек! Покупайте «Нашу мысль»!

И торговля шла бойко. В рабочих кварталах журнал раскупался нарасхват.

Первый двойной номер еженедельника был отпечатан огромным по тому времени тиражом — 50 тысяч экземпляров. Адресовался он прежде всего рабочим и содержал не только стихотворения и рассказы, но и публицистические статьи Ольминского, Воровского и Румянцева.

Стараясь делать все с размахом, Бонч-Бруевич послал по России, а также в страны Западной Европы и Америки большое число объявлений о новом журнале. «Объявления просим широко распространить среди американских поселенцев, читающих по-русски», — писал он в Канаду. Вскоре редакция стала получать денежные переводы на подписку из Румынии, Болгарии, Франции, Швейцарии, Канады и США.

Оживленно было в редакции журнала, помещавшейся на Литейном проспекте в двух тесных комнатках. Часто здесь можно было видеть рабочих, приносивших корреспонденции. Постоянным поводом для шуток было то, что редакция и типография находились рядом с домом обер-прокурора святейшего синода. Но такое соседство доставляло и неприятности. Охранке все время мерещилась угроза покушения на Победоносцева.

Помещение типографии с точки зрения конспирации было неудобным. У него был выход почти под окнами столпа православной церкви. Начали подыскивать новое помещение. Однако оно не понадобилось... Главное управление по делам печати 20 февраля попросило санкт-петербургского градоначальника приостановить выпуск журнала «Наша мысль».

Бонч-Бруевичу едва удалось, да и то не полностью, распространить пятый номер со злободневными статьями о революции, материалом о восстании на Красной Пресне в Москве, рассказами Чирикова и Гусева-Оренбургского.

Редакция журнала через подставного издателя подала градоначальнику прошение о разрешении издавать журнал «Библиотека наших читателей». Но с ответом власти не спешили.

Накануне Четвертого съезда РСДРП в партии широко обсуждались тактические платформы больше-

виков и меньшевиков. Среди большевиков тогда широко распространена была брошюра Ленина «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». Напечатали ее под маркой издательства «Наша мысль» в партийной типографии. В начале апреля вышла вторая брошюра Ленина — «Победа кадетов и задачи рабочей партии». Она была роздана делегатам съезда перед их отъездом в Стокгольм. Бонч-Бруевич не спешил представлять в цензуру обязательные экземпляры брошюр, поэтому, когда власти запретили ленинские работы, они уже читались по всей России. Под маркой «Наша мысль» была выпущена также брошюра Воровского «Кадетская партия и Государственная дума». В связи с запрещением журнала пришлось прекратить и издание книг. Однако во время наступления реакции выпуск партийной литературы становился делом чрезвычайной важности.

У Бонч-Бруевича уже был готов план организации «обширного книгоиздательства и книгораспространительского партийного центра». Сначала, считал он, нужен центральный книжный склад с филиалами не только в Петербурге, но и в других городах, который позволит концентрировать всю выходящую из печати марксистскую литературу и снабжать ею организации РСДРП. Издательство же станет выпускать агитационно-пропагандистскую литературу. 2 тысячи рублей были, так как удалось найти состоятельного человека, сочувствовавшего партии. Обо всем этом Бонч-Бруевич рассказал Ленину, заметив, что, по его мнению, открывать книжный магазин и издательство можно не только с деньгами, но и без них.

— Идите сейчас же к Никитичу, посоветуйтесь с ним, — сказал Владимир Ильич, — передайте ему мое не только полное согласие, но категорическое желание, чтобы такое издательство было. Хотя вы и говорите, что вам не нужны деньги, и я знаю, что вы как-нибудь справитесь, но полагаю, без денег вы будете очень сильно мучиться, а потому, если только наша касса позволит, пускай Никитич вам поможет, чтобы у вас оставалось больше времени на прямую организационную, творческую в этой области работу¹.

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 391.

Бонч-Бруевич никогда не откладывал дела в долгий ящик и тут же отправился к Красину. Леонид Борисович пообещал для начала выдать из кассы Центрального Комитета 3 тысячи рублей и добавил, что брошюры, которые придется рассылать и раздавать бесплатно через партийную организацию, он будет оплачивать. Большого и желать было нельзя!

В несколько дней подыскивали помещение для издательства на Караванной улице. Совсем рядом — Невский проспект, где всегда масса народу, и нелегальному нетрудно скрыться среди прохожих. Правда, как и на Литейном, здесь был один выход. Зато сдавался весь первый этаж из нескольких комнат и дворник дома сочувствовал социал-демократам, хотя обычно дворники состояли на службе у охранного отделения. Все это и решило выбор.

В пустых гулких комнатах дружно застучали топоры, завизжали пилы, зашаркали рубанки. Бонч-Бруевич показывал, где нужно сделать полки, перегородки, где будет приемная, кабинеты редакторов, оптовый склад, магазин. А сотрудники в это время уже перевозили на ломовых извозчиках книги и брошюры, которые удалось получить на комиссию в издательствах «Марксист» и «Утро».

Книжный склад и магазин были открыты 15 мая 1906 г.

Одновременно Бонч-Бруевич выполнял и другое партийное задание не меньшей важности — организовывал выпуск газеты «Волна». Красин на это дело смог дать из партийной кассы только около 500 рублей. Владимир Дмитриевич добавил из своих сбережений столько же. И вот 26 апреля вышел ее первый номер. В те дни многие редакторы еще не вернулись с Четвертого (Объединительного) съезда партии. Поэтому, как вспоминал Владимир Дмитриевич, ему приходилось самому выпускать газету «и ежедневно возвращаться домой в 4—5 часов утра, так как дожидался, когда выйдет газета и когда мы ее распространим»¹.

Бонч-Бруевич делал все возможное, чтобы газета не задерживалась в типографии. Поэтому ее выхода уже ждали в конторе рабочие с крупных фабрик и

¹ Ленинградский партийный архив (далее ЛПА), ф. 4000. оп. 5, св. 594, ед. хр. 3209, л. 36.

заводов. Часть тиража охотно брала для продажи артель газетчиков. Остальное рассылалось работниками издательства в крупные города и глухую провинцию.

Это была неравная дуэль с полицией, охранкой и цензурой. Выигрывал тот, кто первым разгадывал маневр противника. В официальном отношении департамента полиции главному управлению по делам печати сообщалось, что первый и второй номера газеты полностью распространены, так как при наложении ареста в типографии, где они печатались, ни одного экземпляра не оказалось¹.

Дружная редакция, состоявшая из опытных партийных публицистов — Луначарского, Ольминского, Воровского, Скворцова-Степанова, Крупской, Лядова и других, после съезда сняла с Бонч-Бруевича заботу о содержании газеты. Ему были поручены административные и финансовые дела. Руководителем и душой крепкого коллектива редакции был Ленин.

«Волна» выходила под негласным надзором полиции, испытывала всю тяжесть цензурных гонений. За месяц против нее было возбуждено 14 судебных преследований. По решению судебной палаты 24 мая газета была закрыта. Но, несмотря на это, большевики продолжали до осени издавать газету, меняя ее название.

Весной 1906 г. состоялись переговоры руководителей издательств «Наша мысль», «Утро», «Марксист» о слиянии их в книгоиздательство «Вперед». Заведовавший издательством «Утро» большевик И. Р. Белопольский вспоминал, что это было вызвано усилением цензурных преследований. «В связи с создавшимся положением было решено, не дожидаясь вызова следователя, ликвидировать контору издательства «Утро», а все издания, средства и документы передать Центральному книжному складу партии, которым заведовал В. Д. Бонч-Бруевич»².

В конце мая администрация издательства «Вперед» сообщила Петербургскому комитету РСДРП, что она ставит перед собой задачи концентрировать социал-демократическую литературу, чтобы распространять ее по всей России и за границей, а также из-

¹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 140, л. 57.

² «Вопросы истории», 1955, № 12, стр. 44.

давать произведения социал-демократического направления, как переводные, так и оригинальные.

«Мы стали заключать договоры с другими издательствами,—вспоминал Владимир Дмитриевич.—Таким образом мы стянули книги из издательства Никольской, «Молот» и «Буревестник», целый ряд из киевских издательств, харьковских, некоторых провинциальных...»¹ Бонч-Бруевич договорился о коммиссионной продаже литературы с издательствами «Библиотека марксиста», «Колокол», С. Скимунта, М. А. Малых. Склад вскоре был завален книгами, так что пришлось снять еще несколько помещений в том же доме.

«Веселое это было время! — вспоминал Владимир Дмитриевич.—Огромными возами, целым транспортом развозили мы книги на все вокзалы, пропитывая рабочие массы той литературой, которую мы считали нужным распространять».

До предела напряженным был каждый день сотрудников книжного склада, которые быстро готовили к отправке литературу, пока ее не конфисковала полиция. Ими умело руководил Бонч-Бруевич. Перед началом работы он собирал своих помощников и каждому давал задание. Так было и в то утро, когда из типографии сообщили, что отпечатана брошюра под названием «Красная сотня».

— Товарищи,—обратился к сотрудникам Владимир Дмитриевич.—Мы должны немедленно разослать весь тираж — сорок тысяч экземпляров — нашим товарищам в провинции и земским библиотекам.—Вы, Раиса Викторовна, с девушками готовьте упаковку,—сказал он заведующей розничным отделом Архангельской.—А вы, Порфирыч,—повернулся он к кассиру,—пишите накладные... Приложим все силы к этому совершенно важному партийному делу. Дружнее за работу!

Одну из сотрудниц Владимир Дмитриевич послал еще раз проверить, хорошо ли спрятана нелегальная литература.

Когда рабочие привезли брошюры, все помогали разгружать подводы. На складе закипела работа — литература упаковывалась в тюки, ящики, бандеро-

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 392.

ли, надписывались адреса. Энергичный, веселый Бонч-Бруевич, подбадривая других, носил готовые посылки на подводы, которые тут же отъезжали, направляясь на железнодорожную станцию, почтаamt, чтобы вскоре снова вернуться за срочным грузом.

К обеду все валились с ног от усталости. Но приходилось торопиться — ждали обыска.

Работа подходила к концу, когда от ворот передали — полиция!

— Убирайте упаковку, бечевку! Быстрее! Прячьте дубликаты накладных, — распоряжался Бонч-Бруевич. — Девушки, остаток брошюр — в стопку на видное место!

— Но увидят...

— Быстрее, никаких разговоров! Предупредите товарищей, пришедших по партийным делам, — пусть немедленно уходят из редакции и магазина через второй подъезд.

Бухгалтер Ногин засунул дубликаты накладных в толстую книгу и понес в дальний конец помещения. Одна из девушек складывала на длинном столе, заваленном книгами, аккуратную стопку брошюр.

А на крыльце уже звякали шпоры.

Владимир Дмитриевич поспешил к дверям. Знакомый пристав козырнул:

— Честь имею кланяться! По распоряжению градоначальника я обязан произвести у вас обыск.

— Пожалуйста.

— Приступайте, — повернулся пристав к помощнику. — А вы, господин управляющий, скажите, заказывали типографу Лурье брошюру некоего М. М. под названием «Красная сотня»?

— Да, заказывал...

— Сколько?

— Пятьсот экземпляров. Но мы ждем решения главного управления по делам печати и к рассылке не приступали...

— Где они?

— Прошу вас сюда... Вот, пожалуйста.

— Пересчитать, составить протокол!

— Слушаюсь! — звякнул шпорами помощник пристава.

— А мы, господин управляющий, пройдемте-с в ваш кабинет.

Там состоялась процедура, повторявшаяся регулярно, — пристав получил взятку. Тщательный обыск был опасен: на складе находилось слишком много нелегальной литературы.

Потом забегал в кабинет помощник пристава за своей долей. Каков поп, таков и приход.

— Обыск закончить!.. Господин управляющий, на полученную вами брошюру «Красная сотня», которой в наличности оказалось четыреста семьдесят шесть экземпляров, накладывается арест. Завтра отправьте их в управление по делам печати. Все остальное у вас в порядке. Честь имею!

Городовые повалили к выходу.

Сотрудники прислушивались к удалявшимся шагам. Потом дружно рассмеялись. Из 40 тысяч экземпляров брошюры арестовано 476. Остальные — разосланы.

Бонч-Бруевич, протирая очки, сказал:

— После обеда, друзья, немного отдохните. Часам к четырем-пяти в типографии Брауде, вероятно, закончат печатать брошюру Ленина «Социал-демократия и избирательные соглашения». Я знаю, что вы совершенно устали. Но напрягите все силы. Необходимо разослать все до завтра, ибо брошюру собираются конфисковать еще в типографии...

Бонч-Бруевичу не раз приходилось выполнять такие поручения, которые, казалось, были совсем не свойственны ни его роду занятий, ни складу характера. Но это только казалось.

В марте 1906 г. стало известно, что член Военной организации большевик А. В. Попов арестован и находится в доме предварительного заключения на Шпалерной. Ему грозил военно-полевой суд. Будучи знаком с Бонч-Бруевичем, он сумел переслать ему записку, в которой просил помочь бежать. Владимир Дмитриевич взялся подготовить побег боевика. Попову были переданы несколько пилок, искусно спрятанных в свином окороке, и записка, в которой указывалось время, наиболее удобное для побега.

В назначенный час к окружному суду, здание которого примыкало к дому предварительного заключения, на белом рысаке подъехал известный адвокат. Конь горячился, не стоял на месте, и едва адвокат был из легких санок, он понесся вдоль тюрьмы.

В это время по стене с помощью связанных простыней спустился Попов и быстро прыгнул в санки.

Успешное освобождение Попова воодушевило его организаторов. Через некоторое время из петербургской пересыльной тюрьмы бежали шесть руководителей боевых дружин. Подготовкой этой операции руководил Бонч-Бруевич.

Мужество, находчивость и выдержка нужны были Владимиру Дмитриевичу и его сотрудникам не только при выполнении особо опасных дел, но и в их повседневной работе. Ведь им ежедневно приходилось бороться с цензурой, полицией, охранкой. «Тут, в издательстве «Вперед», — вспоминала О. К. Матюшина, — было словно на войне: ни на минутку нельзя заеваться, почти на глазах у полиции приходилось вывозить свежие брошюры из типографии, на ходу упаковывать их, рассылать тюками и бандеролями, разносить и передавать товарищам. Бонч всегда был в самых опасных местах»¹. Ему чуть ли не каждый день приходилось придумывать остроумные ходы и маневры, чтобы обмануть цензуру, полицию, спасти большевистскую литературу от конфискации и широко ее распространить.

Так, брошюры печатались часто значительно большим тиражом, чем указывалось. Например, брошюра С. Минина «Письма к пролетарию» была отпечатана тиражом 10 тысяч экземпляров в одной типографии, а ее обложка с указанием тиража в 2 тысячи экземпляров — в другой. 2 тысячи брошюр смиренно ожидали разрешения цензуры, а в это время остальные 8 тысяч направлялись во все концы империи. Столичные власти и цензура всполошились только тогда, когда из провинции начали поступать телеграммы о появлении там «Писем к пролетарию».

Охранка, полиция, главное управление по делам печати «следили чертовски, — писал Бонч-Бруевич, — и распространять литературу легальным и полуполегалым путем становилось все трудней и трудней». Приходилось прибегать к испытанным подпольным методам.

Изобретательность Владимира Дмитриевича была неистощимой. Листовки и мелкие брошюры обыч-

---

¹ «Звезда», 1966, № 11, стр. 108.

но не записывались в книгу заказов типографии. Чтобы еще больше сбить с толку блюстителей порядка, книжку иной раз выпускали с разными обложками или на титульном листе и на обложке одной и той же книги указывали различные издательства, вымышленные места издания. В типографии заказчик фигурировал под псевдонимом и сообщал несуществующий адрес. Если брошюра или книга попадала в руки полиции, против заказчика возбуждалось судебное дело. Но это была погоня за призраками¹.

Само издательство «Вперед» по документам принадлежало мещанину города Слуцка А. Е. Долгину, который выдал доверенность на ведение всего дела В. Д. Бонч-Бруевичу. Книжный склад и магазин были записаны на другое лицо — С. А. Гербут-Гейбович. При посещении издательства полицией Бонч-Бруевич показывал копию нотариальной бумаги, по которой Долгин передавал все издания «Вперед» владельце склада, заранее оговорив свою полную ответственность за их содержание. Долгин не боялся ответственности, ибо его самого... не существовало. Это был фальшивый паспорт И. Р. Белопольского. Так большевики сбивали с толку полицию и охранку.

В канцеляриях градоначальника, главного управления по делам печати, департамента полиции, прокурора Петербургского окружного суда росло число протоколов расследований, постановлений, отношений по поводу выпускавшейся и распространявшейся издательством «Вперед» запрещенной цензурой литературы. А Бонч-Бруевич продолжал выполнять задания ЦК партии. Особенно «крамольные» брошюры он печатал под марками вымышленных издательств «Борьба классов», «Наш голос», «Новая дума», «Новая волна», а рассылал их под торговыми марками черносотенного магазина «Новое время» и кондитерской фабрики Абрикосова. За год с небольшим существования издательства было выпущено более 50 названий и только 27 из них — под своей маркой².

Несмотря на то что книги и брошюры издательства «Вперед» почти всегда запрещались, Бонч-Бруевич обычно успевал их распространить. Например,

¹ См. О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 49.

² См. там же, стр. 48.

на ленинский «Доклад об Объединительном съезде РСДРП» был наложен арест как на книгу «явно бунтовщического характера». Когда же полиция явилась в типографию, брошюры в ней уже не было. Все ее экземпляры были якобы сданы заказчику Багрееву, жившему в Москве. В петербургских магазинах и на складах нашли только 1 экземпляр да 13 экземпляров отобрали у газетчика. А 50 тысяч экземпляров книги Ленина разошлись в течение одного дня и читались во всех концах России¹.

Часть подлежавшей конфискации литературы, которую издательству не удавалось распространить, поступала на тайные склады, которые арендовались подставными лицами якобы для хранения мануфактуры и других товаров. Один такой склад находился на Васильевском острове в кооперативном книжном магазине учителей. Даже после закрытия издательства «Вперед» отсюда продолжала тайно рассылаться его литература. Другой склад находился у старой народоволки В. И. Иксуль. Третий — в амбарах на Забалканском проспекте.

В организации издания и распространения партийной и другой нелегальной литературы большая заслуга была сотрудников издательства — П. П. Ногина, О. К. Матюшиной, А. Н. Первухина, Р. Архангельской, М. Юрова и других. Находясь постоянно под угрозой ареста и судебной расправы, получая гроши, они трудились самоотверженно и самозабвенно.

«Вскоре более или менее спокойные дни, когда охранка обыскивала «Вперед» один раз в месяц, сменились постоянной тревогой, — вспоминала Матюшина. — Раз в неделю, а то и чаще, запирали двери магазина. Около него стоял... городской, никого не пропуская. А в магазине и на складе начинался обыск».

22 ноября, подходя к издательству, Бонч-Бруевич увидел, что двор полон городских, шпиков, дворников соседних домов. Когда он вошел в помещение, его глазам предстала картина полного разгрома. Полицейские снимали с полок книги, выкрикивали их названия, число экземпляров и бросали в большую

¹ См. О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 45—46.

кучу на полу посреди склада. Больно было видеть такое обращение с книгами... Список нелегальной литературы рос, но сыщики почему-то не оставляли себе по экземпляру книг как вещественное доказательство... Если этот список не подписать, подумал Бонч-Бруевич, для суда он не будет иметь ровно никакого значения!

Обыск затягивался. Наконец помощник пристава сел писать длинный протокол. Была уже полночь, когда жандармский ротмистр куда-то позвонил и объявил, что Бонч-Бруевич и Ногин, по распоряжению начальника охранного отделения, арестованы. «Мы крепко пожали руки всем служащим,— вспоминал Владимир Дмитриевич,— я расцеловался с Михаилом Степановичем Ольминским, пожал руку Павлу Павловичу Ногину, все спешно оделись и вышли из помещения нашего книгоиздательства и склада, где так много и так хорошо поработали мы на благо нашей партии.

Я просил служащих остаться и посмотреть, как запечатывают книжный склад»¹.

На следующий день начальник петербургского охранного отделения полковник Герасимов в секретном докладе министру внутренних дел Столыпину сообщил о результатах обыска в книгоиздательстве «Вперед» и о его закрытии.

Несколько недель просидел Бонч-Бруевич в одиночной камере Выборгской тюрьмы, не получая никаких известий с воли. Тем временем Вера Михайловна с помощью академика А. А. Шахматова и известного психиатра А. В. Тимофеева, кому Бонч-Бруевич был хорошо известен как ученый, добилась передачи дела книгоиздательства «Вперед» из охраны к судебным властям. После этого уже проще было добиться освобождения Бонч-Бруевича и Ногина под залог до судебного процесса.

Выпущенный на свободу заведующий издательством времени даром не терял. Он добился разрешения протопить печи в книжном складе. С помещения издательства на несколько дней были сняты печати. Этого времени вполне хватило, чтобы тайно вынести оттуда запрещенную литературу и важные докумен-

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 424.

ты. Любопытно в связи с этим следующее извещение «Книжного вестника» за 1907 г.: «При запечатании в конце ноября книгоиздательства и книжного склада «Вперед» полицией, производившей обыск, был составлен протокол об аресте 150 пудов нелегальной литературы. На прошении управляющего магазином (Бонч-Бруевича.— Г. Д.) о скорейшем открытии магазина прокурор судебной палаты запросил охранное отделение о высылке 150 пудов конфискованной литературы судебному следователю, на что получил ответ, что этих 150 пудов в охранном отделении не имеется, между тем «нелегальные» книги в магазине, при обыске, были отобраны»¹. Было 150 пудов и... не стало! После этого список нелегальной литературы, составленный при обыске, не имел уже никакой цены. Правда, у судебных властей накопилось много материалов о конфискации в разных городах изданий с маркой издательства «Вперед». Но за это должен был нести ответственность его владелец «случайный мещанин А. Е. Долгин». А пока охранка и полиция продолжали его разыскивать, Бонч-Бруевич получил разрешение открыть книжный склад и магазин, чтобы продать литературу, разрешенную властями.

«История нашего центрального книжного склада «Вперед» была бы не полна,— писал Владимир Дмитриевич,— если бы мы, хотя бы вкратце, не познакомили наших читателей с нелегальной газетой «Казарма», редакция большинства номеров которой находилась у нас, где постоянно собирались ее сотрудники и распространители»².

Газета сыграла большую роль в революционном движении солдат и матросов. Ищейки охранки и полиции сбивались с ног, разыскивая ее редакцию и типографию. Часто отсюда, из издательства, статьи отправлялись в Выборг, где газета набиралась. Матрицы ее совершали обратный конспиративный путь в партийную типографию. Из нее газета поступала на книжный склад «Вперед» и в течение нескольких часов рассылалась по конспиративным адресам, разбиралась партийными работниками.

¹ О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 129—130.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 450.

Бонч-Бруевич состоял некоторое время членом редакции, писал прокламации и статьи. Так, он был автором воззвания «К солдатам», в котором популярно рассказал о причинах первой русской революции и призывал солдат повернуть оружие против общего врага. В статье Бонч-Бруевича «Организуйтесь!» раскрывалось значение тайной революционной солдатской организации, давались советы, как ее создать в роте, эскадроне, батарее и т. д. Газета «Казарма» издавалась до марта 1907 г.

Заканчивался 1906 год. Для Бонч-Бруевича он был годом напряженной легальной и нелегальной работы. Ему приходилось заниматься не только издательскими делами. Работал он секретарем Песковского районного комитета партии, участвовал в финансовой комиссии Петербургского комитета РСДРП, в организации нелегальной типографии на Песках. В то же время он оставался ученым. Заботясь об истории партии, революции, собрал огромное количество запрещенной цензурой марксистской литературы, газет, прокламаций, воззваний, материалов о сектантских движениях. Этот большой нелегальный фонд Владимир Дмитриевич продолжал хранить в наиболее безопасном в то время месте — рукописном отделении библиотеки Академии наук. Владимир Дмитриевич вспоминал, что Ленин «к этому предприятию отнесся в высшей степени сочувственно» и просил Надежду Константиновну при переписке с местными организациями «обязательно указывать, чтобы все нелегальные издания, выходившие повсюду, направлялись бы в двух экземплярах, в заказных пакетах, в адрес рукописного отделения библиотеки Академии наук. Он сам отобрал все, что у него было под руками, и передал мне, как свой вклад в этот отдел»¹. Позже, снова находясь в эмиграции, Ленин присылал для него различные издания.

Бонч-Бруевичу удалось собрать в этом отделе немало и других ценных документов и изданий. Сюда поступили весь архив латышских социал-демократов, комплект газеты «Казарма» и часть архива ее редакции. Нелегальный фонд счастливо сохранился до Октябрьской социалистической революции.

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 455.

В 1907 г. реакция усилилась. Издательские дела уже нельзя было вести с прежним размахом. Владимир Дмитриевич предпринял отчаянные попытки организовать выпуск дешевого и популярного библиографического еженедельника для рабочих «Что читать?». Но сделать это не удалось.

Летом по постановлению особого совещания при градоначальнике книжный магазин, склад и издательство «Вперед» были закрыты окончательно. Бонч-Бруевич и бухгалтер Ногин снова оказались в тюрьме. Им по-прежнему ставилось в вину распространение запрещенной литературы.

Но история большевистского издательства на этом не заканчивалась. Его брошюры продолжали распространяться в России, и только через много лет охранке и полиции становилось известно их происхождение. Так, только в августе 1912 г. Петербургская судебная палата постановила уничтожить брошюру Н. Ленина «Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии?», выпущенную издательством «Вперед» в 1906 г. Такое же решение было принято в октябре того же года о ленинской брошюре «Социал-демократия и избирательные соглашения». А ведь еще в начале 1907 г. арестованные экземпляры ее были «уничтожены посредством разрывания на мелкие части» комиссией главного управления по делам печати. Работники издательства «Вперед», опубликовав в сборниках и отдельными брошюрами более 30 работ Ленина и широко распространив их в России, сделали их, по существу, неуничтожимыми.

Литературу издательства, уцелевшую на тайных складах, с успехом использовали впоследствии столичные большевики. Бывший работник книгоиздательства И. Рябков вспоминал, что он по поручению редакции «Правды» распространял эту литературу зимой 1914/15 г. Требования на нее моментально возросли¹. Часть книг из другого склада по предложению Бонч-Бруевича Петербургский комитет распространял в 1917 г.

Литература большевистского издательства «Вперед» еще долгие годы будила революционную мысль в массах.

---

¹ См. «Октябрь», 1928, № 5, стр. 171.

„МЫ НАДЕЕМСЯ НА ВАС...“

Процесс Бонч-Бруевича и Ногина по делу издательства «Вперед» тянулся более трех лет. Подсудимые со своими друзьями на воле так запутали полицию и судебные власти, что серьезных обвинений им в конце концов предъявить не могли. Дело было оставлено за «случким мещанином А. Е. Долгиным».

Выпущенный из тюрьмы осенью 1907 г. Владимир Дмитриевич находился под надзором полиции. Охранка вскоре заметила, что он по-прежнему поддерживает отношения «с лицами, принадлежащими к местной организации РСДРП». В его квартире участились обыски. «Но за безрезультатностью обыска дело о нем не возбуждали», — говорилось в одном из полицейских документов. Бонч-Бруевич был превосходный конспиратор.

Наступали еще более трудные времена. Царизм овладел положением и переходил в решительное наступление. Революцию сменила мрачная столыпинская реакция. Снова, уже во второй раз, готовился уезжать в эмиграцию Ленин. Его дальнейшее пребывание в России становилось невозможным.

Во второй половине ноября Бонч-Бруевич с Ольминским поехали к Ленину в Куоккала. Владимир Ильич был рад гостям. Когда зашел разговор об издательских делах, он настойчиво советовал Бонч-Бруевичу не прекращать попыток выпускать книги, во что бы то ни стало организовать хотя бы небольшое легальное издательство.

— Издавайте пока просветительную, детскую литературу, материалы по сектантству, но издательство отстаивайте, — говорил Владимир Ильич. — Пусть цензоры считают его сугубо научным. А когда времена изменятся — а они изменятся обязательно, — начнете выпускать социал-демократическую литературу.

— Но как создать такое издательство? — спросил Ольминский. — Ведь денег нет.

— Да, действительно! — воскликнул Владимир Ильич и добродушно рассмеялся.

— Ничего, Михаил Степанович,— ответил Бонч-Бруевич,— в Женеве мы организовали издание газеты «Вперед» и выпускали брошюры в еще более трудных обстоятельствах.

— До сих пор представить себе не могу, как могло существовать издательство,— признался Ольминский.— Со своей стороны я предлагаю вам как основной капитал вот это.— Он вынул из кармана единственную драгоценность — золотые часы, подарок брата.— В трудную минуту можно заложить в ломбарде.

Все рассмеялись — часы закладывались уже не раз.

— Основной капитал у нас есть,— ответил Бонч-Бруевич.— Мысль о легальном издательстве Владимир Ильич уже высказывал еще месяца два назад, и мы подробно обсудили это дело с Верой Михайловной. Она и пожертвовала на издательство 10 рублей золотом¹.

Владимир Дмитриевич начал обстоятельно рассказывать, с чего он думает начинать дело. Ленин и Ольминский задавали ему вопросы, делились своими соображениями. Еще не существовавшее издательство решили назвать «Жизнь и знание». Такое название должно было подчеркивать, с одной стороны, актуальность книг, а с другой — их просветительный характер.

Прошел год. Реакция продолжала свирепствовать. «У нас...— писал Бонч-Бруевич Ленину в октябре 1908 г.,— книжный кризис наступил такой, что даже прошлый год и тот вдвое лучше нынешнего. Большие фирмы, как, напр., «Общественная польза», накануне полного краха. Книг новых почти совсем не выходит, а старые продаются очень вяло... Журналы закрываются»².

Но, несмотря на такое положение, Бонч-Бруевич понемногу осуществляет свой план. Ленину становится известно, что Владимир Дмитриевич «издает

---

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., 1969, стр. 56—57.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 499.

в долг, через кое-кого», но все же издает! И он рассчитывает на его содействие при выпуске книги «Материализм и эмпириокритицизм», работа над которой подходила к концу.

А начинал Бонч-Бруевич с нового выпуска «Избранных произведений русской поэзии», что не требовало больших материальных затрат. В третье, «вновь пересмотренное и значительно дополненное» издание сборника вошли стихотворения более 200 авторов — от А. С. Пушкина, К. Ф. Рыльева, А. И. Одоевского до М. Горького и И. Бунина. Владимир Дмитриевич по опыту знал, что сборник наверняка будет запрещен цензурой. Поэтому он отпечатал 10 тысяч экземпляров, 7 тысяч припрятал, а 1800 быстро разослал по предварительным заявкам и в провинцию. Оставшуюся часть тиража отдал на «съедение» цензуре. Опасения Владимира Дмитриевича оказались не напрасными. Цензура быстро наложила на книгу арест. Против издателя возбуждалось судебное дело.

Вообще 1908 год был богат для Бонч-Бруевича судебными процессами. Не закончилось еще следствие по делу издательства «Вперед», как началось судебное разбирательство по делу сборника «Избранные произведения русской поэзии». А тут следователь по особо важным делам вернул на дознание дело журнала «Наша мысль». «Таким образом,— вспоминал Владимир Дмитриевич,— у меня скапливалось три серьезных литературных процесса, где я обвинялся по всевозможным статьям и более всего «за призыв к бунтовщическим деяниям в целях ниспровержения установленного политического порядка»»¹.

Быстрее всего решалось дело о сборнике — он ведь «не получил распространения». Главное управление по делам печати уведомило градоначальника, что с его стороны «не встречается препятствий к выпуску в свет означенной книги просителя при непременном условии исключения из нее инкриминированных стихотворений и обозначения на обложке «издание четвертое»...»². Бонч-Бруевич изъясил из сборника кое-какие стихотворения и выпустил его четвертым изданием. Через некоторое время он договорился с К. П. Пятницким о пятом издании сбор-

¹ «Звенья», т. VIII, стр. 685.

² ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 1442, л. 8.

ника под маркой «Знания». У спрятанных 7 тысяч экземпляров заменили обложку, составитель написал предисловие, и новый тираж очень быстро разошелся. Было получено более двух с половиной тысяч рублей.

Реакция вынуждала вести дела осторожно. В середине 1908 г. Бонч-Бруевич подготовил к печати новые выпуски «Материалов к истории и изучению сектантства и раскола». Цензура к таким академическим трудам не питала особой вражды. А издательству они приносили деньги. Горький писал о «Материалах» Пятницкому: «Книги эти кажутся мне своевременными...»¹

Из Женевы пришло письмо от Крупской с сообщением, что книга Владимира Ильича «Материализм и эмпириокритицизм» закончена. Бонч-Бруевич сразу же начал искать способ ее издания. «Приветствую Владимира Ильича,— отвечал он 3 ноября 1908 г. Надежде Константиновне.— Хлопочу устроить его философскую книгу. Потом примусь за устройство «аграрного вопроса»»². Сначала он вел переговоры с горьковским «Знанием», но безуспешно. И это не удивительно. Работа Ленина была направлена против махистов и «богостроителей», а Горький в то время разделял богостроительские идеи.

Беспокоясь за судьбу рукописи, Ленин пишет 26 ноября А. И. Ульяновой-Елизаровой в Москву: «...немедленно надо издавать через Бонча. Другого издателя, видимо, не добыть... Если нет издателя, посылай прямо и тотчас Бончу: пусть только никому не дает читать и бережет сугубо от провала! Напиши ему об этом»³.

Однако издательство «Жизнь и знание» выпустить книгу было еще не в состоянии. Поэтому Владимир Дмитриевич продолжал искать издателя. 15 ноября Анна Ильинична сообщала Владимиру Ильичу: «Бонч предлагал написать в «Звено», где он знаком, просила его сделать это — без письма же идти не имеет смысла»⁴. В результате переговоров

¹ ИМЛИ. Архив А. М. Горького. ПГ-рл. 36-1-42, л. 1.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. II, стр. 501.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 261.

⁴ См. «Вопросы истории КПСС», 1969, № 5, стр. 46.

Скворцова-Степанова и Бонч-Бруевича с владельцем московского издательства «Звено» Л. Крумбюгелем последний согласился напечатать книгу Ленина. Так совместными усилиями соратников Владимира Ильича проблема была решена. «Материализм и эмпириокритицизм» вышел в свет в мае 1909 г.

Хлопоты Бонч-Бруевича об издании ленинского «Аграрного вопроса в России к концу XIX века» успехом не увенчались — свирепствовала цензура.

В реакционные годы, когда вся прогрессивная печать в России была подавлена, большевики для укрепления связей с массами использовали такие легальные организации, как Государственная дума, профсоюзы, просветительные общества.

В этой работе нашел свое место и Бонч-Бруевич. Вместе с Верой Михайловной он часто приходил в рабочий клуб общества «Наука», где по вечерам и в воскресенье днем читались просветительные лекции, организовывались экскурсии в музеи. Здесь выступали П. Ф. Куделли, Л. Р. Менжинская, В. М. Величина и другие большевики 1-го Городского района на Песках. Они использовали малейшую возможность для пропаганды революционных идей. Общество открыло вечерние «классы для неграмотных». Неугоминая Вера Михайловна организовала медицинский кружок из знакомых врачей, которые бесплатно лечили членов общества и их семьи. Много сил отдавал «Науке» и Владимир Дмитриевич. «...По вечерам я часто в клубе, в песковском, который нам удалось поставить на ноги,— писал он в марте 1909 г. уехавшему в Баку Ольминскому.— Там я занимаюсь библиотекой. Устроили мы прекрасную библиотеку, и вспомнились мне «берега мутной Арвы»...»¹ Бонч-Бруевич вел также занятия в кружках, читал лекции, помогая рабочим понять существо столыпинщины, подводил их к выводу о неизбежности нового революционного подъема в России.

Позже полиция поняла опасность рабочих клубов. В докладе начальника петербургского охранного отделения в марте 1910 г. отмечалось: «Вся текущая партийная работа местной организации РСДРП гнез-

---

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 131, л. 29 об.

дится в клубах и просветительных обществах...»¹ Власти стали их быстро закрывать. Не избежало этой участи и общество «Наука». Но в нем получили образование и политическую подготовку многие большевики, ставшие впоследствии активистами столичной партийной организации.

Кроме занятий в рабочем клубе у Бонч-Бруевича была еще одна область легальной деятельности. По заданию ЦК большевиков он консультировал социал-демократическую фракцию Государственной думы по вопросам религии, помогал депутатам-большевикам подготавливать выступления. Это он написал проект речи, которую в апреле 1909 г. произнес с трибуны Таврического дворца депутат П. И. Сурков при обсуждении сметы расходов синода.

— Наше принципиальное отношение к смете святейшего синода известно членам Государственной думы. Мы неоднократно заявляли — повторяем это и теперь, — что относимся к ней совершенно отрицательно. Отделение церкви от государства и школы от церкви — вот наш постоянный взгляд на систему отношений между государством и церковью... Ни одной копейки из общенародного кошелька на поддержание культа и его служителей!.. Мы хорошо знаем — и история всех веков и всех народов вполне подтверждает это, — что, по удачному выражению Маркса, всякая религия есть опиум для народа, которым правящие классы всегда с удовольствием отравляют народное сознание и парализуют деятельную народную волю...

Накануне депутаты социал-демократической фракции, обсуждая проект речи Суркова, много спорили о том, нужна ли принципиальная критика религии и заявление об атеизме социал-демократов. Меньшевик Чхеидзе настаивал на необходимости умолчать об атеизме членов партии, чтобы не отпугнуть от РСДРП верующих рабочих и крестьян. Депутаты из рабочих не соглашались с этим мнением. Возмущаясь оппортунистической точкой зрения Чхеидзе, Бонч-Бруевич заявил о своей солидарности с рабочими депутатами и предложил утвердить проект речи в ее принципиальной части.

¹ «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. I. 1883 — октябрь 1917 гг. Л., 1962, стр. 292.

В отчете о прениях, опубликованном газетой «Пролетарий», сообщалось, что «в конце концов место, где фракция заявила себя определенно атеистической, было выброшено, но оценка религии, как опиума для народа, была сохранена, так что отношение фракции к религии, как таковой, оставлено с категорической ясностью»¹.

Ленин заинтересовался этим выступлением Суркова. В статье «Об отношении рабочей партии к религии» он отмечал, что речь депутата и прения «подняли чрезвычайно важный и злободневный как раз в настоящее время вопрос». «Заявив с думской трибуны, что религия есть опиум народа, наша фракция поступила вполне правильно и создала, таким образом, прецедент, который должен послужить основой для всех выступлений русских с.-д. по вопросу о религии»². Речь депутата Суркова Ленин назвал превосходной и заметил, что распространение ее есть прямая обязанность всех партийных организаций.

Реакция оказалась не в состоянии подавить революционное движение. В 1910 г. снова вспыхнули политические стачки и демонстрации рабочих, поддержанные студентами. «Пролетариат начал,—писал Ленин.—Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции»³. В это время все острее чувствовалась необходимость в легальной партийной газете. Решение об издании в Петербурге такой газеты как органа социал-демократической фракции Государственной думы ЦК партии принял еще в 1909 г. Но только осенью 1910 г. во время VIII Международного социалистического конгресса в Копенгагене состоялось совещание Ленина, Плеханова, Полетаева и Покровского, на котором были сделаны практические шаги к изданию газеты и достигнута договоренность о сотрудничестве в этом деле с меньшевиками-партийцами.

По решению ЦК партии в редакцию газеты вошли: от большевиков — В. Д. Бонч-Бруевич и Н. Г. Полетаев, от меньшевиков-партийцев —

¹ М. И. Шахнович. Ленин и проблемы атеизма. М.—Л., 1961, стр. 54.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 425.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 75.

Н. И. Иорданский, от социал-демократической фракции Думы — И. П. Покровский. Официальным редактором-издателем согласился быть приехавший из Парижа К. С. Еремеев. Для него сняли комнату во дворе дома по Ивановской улице, чтобы он принимал здесь подписку, рукописи, следил за подготовкой материалов в номер. Бонч-Бруевич рассчитал — присланных из-за границы 3 тысяч рублей хватит примерно на десять номеров. Договорился печатать газету в типографии Березина здесь же, на Ивановской.

Всю административную работу взял на себя Полетаев — он пользовался депутатской неприкосновенностью. Бонч-Бруевич принялся ему помогать.

Наиболее «благонадежного» Еремеева делегировали в канцелярию градоначальства за разрешением на издание еженедельной газеты, снабдив дюжиной всевозможных названий. Там у него этот запас названий быстро иссяк. Инспектор градоначальства твердил:

— «Заря», «Восход», «Рассвет» — занято-с.

«Да, — подумал Еремеев, — придумай-ка тут. Надо, чтобы и название было приличное, да и себя не выдать. «Пролетарий», «Рабочий» — нельзя».

А инспектор точно угадал его мысли и говорит:

— Да вы что-нибудь новенькое предложите, а все эти слова о рабочих и крестьянах, все, все-с занято-с. Как есть все...

Еремеев был уже близок к отчаянию, но вдруг взглянул в окно на вечернее небо. — «Звезда, звезда!» — воскликнул он.

— «Звезда»? Оригинально... И, представьте себе, свободно... — ответил инспектор¹.

Так получила название новая легальная газета большевиков.

Владимир Ильич внимательно следил за ее подготовкой. «Мы надеемся на Вас», — писал он Бонч-Бруевичу². «Пора, чертовски пора, браться скорее за газету и за журнальчик», — торопил его в другом письме³. «Спешить надо с у з у б о», — подчеркивал в третьем⁴.

¹ См. «Огонек», 1927, № 19, стр. 1—2.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 279.

³ Там же.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 9.

Но быстро наладить выпуск газеты мешали давление на редакцию меньшевистского большинства социал-демократической фракции Думы и, как следствие этого, разногласия в редакции между большевиками и меньшевиками-партийцами.

Как редактор газеты от большевиков, Бонч-Бруевич обо всем информировал Ленина, но прочной связи сначала никак не удавалось установить. Уже после революции стало известно, что письма Бонч-Бруевича и Ленина друг к другу «густо оседали» в департаменте полиции.

И разнородный состав редакции, и отсутствие прочной связи с Лениным не могли не отразиться на газете «Звезда», первый номер которой вышел 16 декабря 1910 г. «Тускла, по-моему», — разочарованно писал Владимир Ильич Горькому¹. Но постепенно связь редакции с границей крепла, газета из номера в номер становилась все ярче и политически острее.

А делать ее было нелегко. Мешали колебания Полетаева, Покровского. Этим пользовались ликвидаторы, добиваясь включения в редакцию своих сторонников. Ленин еще в ноябре предупреждал Бонч-Бруевича о «необходимости не допускать и духу господ Потресовых и прочей швали из «Нашей Зари»...»². В письмах к Полетаеву Владимир Ильич резко осудил его колебания. Политические позиции Бонч-Бруевича не вызывали сомнений у Ленина, писавшего: «Ну, впрочем, вы-то сами дадите отпор»³.

И действительно, Владимир Дмитриевич давал отпор ликвидаторам и плехановцам, пытавшимся использовать газету для пропаганды меньшевистских идей. Он вспоминал, что в результате целого ряда «дружеских бесед» с Покровским и другими членами фракции меньшевики были вынуждены оставить попытки подчинить своему влиянию «Звезду».

Чтобы выпускать легальную большевистскую газету, редакторы должны были проявлять невероятную гибкость, умение обходить цензуру, использовать «эзоповский» язык, а порою и «эзоповскую» форму подачи материала.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 13.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 279.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 9.

Недолго пришлось Бонч-Бруевичу участвовать в выпуске «Звезды». 9 февраля 1911 г. полиция произвела обыск в редакции, типографии и у него на квартире. Владимир Дмитриевич был арестован и посажен в тюрьму.

У охраны и полиции оказались сведения о нем не только как о редакторе и издателе «Звезды», активном работнике социал-демократической фракции Государственной думы, но и как «главном представителе ЦК партии по издательским делам в России»¹. Все это доставляло беспокойство властям, и Бонч-Бруевич периодически арестовывался. Каждый раз он был готов к этому. «Я заранее условился с товарищами, что, в случае ареста, применю испытанное средство категорического всеобщего отрицания, так как уверенно знал, что документов жандармы захватить не могли, ибо корректуры и рукописи я тщательно сжигал сам после выпуска каждого номера газеты,— стало быть, оставались только шпионские показания»². А показания шпионов не могли служить доказательством на суде.

Два месяца в каменном мешке. Два месяца бездействия? Нет, это не для Бонч-Бруевича. Жажда деятельности никогда не оставляла его. Он решил, что если камера и не лучшее место для научной работы, то заниматься здесь ею все-таки можно. Академик А. А. Шахматов добился для него разрешения работать в камере. Сюда были присланы необходимая литература, фотоснимки с рукописей.

Охранники удивлялись, наблюдая через глазок двери за необычным заключенным. Вся светлая половина пола его камеры, койка, столик, железный табурет были устланы бумагами. А сам он, устроившись на корточках, что-то писал.

Каждое лето Бонч-Бруевич ездил по командировке Академии наук на Кубань и в Закавказье — центры сектантских движений — и возвращался с богатейшим этнографическим и рукописным материалом.

В тюрьме он получил записку от жены с сообщением об окончании печатания четвертого выпуска «Материалов к истории и изучению сектантства и раскола». «Книга твоя встречена полным востор-

¹ О, Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 61.

² «Огонек», 1927, № 19, стр. 2.

гом,— писала Вера Михайловна,— ты сделал огромную работу. Шахматов говорит, что достаточно твоих четырех томов, чтобы убедиться, что у тебя не было никакой другой деятельности».

Теперь Владимир Дмитриевич готовил к изданию пятый выпуск своих «Материалов». В нем он задумал опубликовать сочинения украинского философа-просветителя Г. С. Сковороды. Через год первый том их увидит свет. Цензура, привыкнув к солидным академичным «Материалам», пропустит его.

В начале апреля Бонч-Бруевич покинул «казенный дом». Помогло ходатайство Академии наук и отсутствие улик. Он сразу же появился в редакции «Звезды», где встретил озабоченного Полетаева, на котором полностью лежал выпуск газеты. Депутаты Думы были на каникулах, а сотрудники газеты — в отпуске.

Бонч-Бруевич стал помогать Полетаеву издавать «Звезду». «Ко мне захаживал Полетаев,— вспоминал Владимир Дмитриевич,— и когда выяснялось, что материала мало, то я тут же писал ему статьи и фельетоны и... перепечатав на машинке, рукописи уничтожал, а статьи пускал в набор, подписывая их самыми разнообразными фамилиями». Однако из-за убытков и частых конфискаций выпуск «Звезды» пришлось приостановить, продолжив его лишь осенью, во время нараставшего революционного движения. Часто помогал сотрудникам редакции соратник Ленина по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» В. А. Шелгунов. Материалы присылали Д. Бедный, М. С. Ольминский, Ф. Ф. Раскольников. Напечатал в газете несколько «Сказок об Италии» М. Горький. «Очень и очень рад, что Вы помогаете «Звезде»,— писал ему Владимир Ильич.— Трудно нам с ней чертовски — и внутренние и внешние и финансовые трудности необъятны — а все же пока тянем»¹. Редакция значительно улучшила содержание газеты, усилила ее влияние на рабочих. Вести о важнейших политических событиях газета разносила по всей России и объединяла на своих столбцах голоса рабочих отдельных фабрик и заводов в один мощный голос пролетариата.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 47.

В «Звезде» росло публицистическое мастерство Бонч-Бруевича. Так, в конце октября была напечатана его статья «Мы требуем пересмотра», посвященная осужденным на каторгу депутатам социал-демократической фракции II Думы. Ее злободневность, политическая острота характеристик классовых врагов пролетариата и призыв к рабочему классу «сказать свое мощное слово» очень понравились Ленину. В свою статью «О социал-демократической фракции II Думы. Изложение всего дела» он включил отрывки из статьи «Мы требуем пересмотра».

К четырехлетней годовщине приговора депутатам, исполнявшейся 22 ноября 1911 г., Владимир Дмитриевич опубликовал новые статьи. Они вызвали беспокойство властей. Тридцатый номер «Звезды» от 20 ноября с четырьмя его статьями был конфискован. Однако «...№ 30 газеты «Звезда», — доносили жандармы, — оставшийся неконфискованным в количестве около 20 тысяч экземпляров, настолько быстро разошелся, что редакция газеты, воспользовавшись тем, что гранки этого номера в типографии не были разобраны, отпечатала вторично большое количество экземпляров и распродала их на следующий день».

Бонч-Бруевич писал о положении рабочего класса и усиливавшемся рабочем движении, деятельности социал-демократической фракции в Думе, о проблемах просвещения, борьбе с голодом. Характерной особенностью этих статей является их острая публицистичность, глубокий анализ фактов.

Как только 22 апреля 1912 г. в Петербурге вышел первый номер ежедневной рабочей газеты «Правда», Бонч-Бруевич стал одним из ее сотрудников. Участвовал он также в марксистском теоретическом журнале «Просвещение», для которого написал статью «Стоимость культа». В ней показано, какие огромные средства расходовались на содержание синода, церковнослужителей, преподавание закона божьего в учебных заведениях, содержание духовных училищ и семинарий. Эту статью, напечатанную во втором и третьем номерах журнала, большевики широко использовали в своей пропаганде.

В 1913 г. в качестве корреспондента «Правды» («За правду»), «Киевской мысли», харьковской газеты «Утро» Бонч-Бруевич присутствовал на много-

численных процессах над инакомыслящими, жертвами черносотенных погромов в Киеве, Змиеве, Уфе, Владимире и других городах. Выступления Владимира Дмитриевича в печати всегда носили яркую политическую окраску, будили общественное сознание. В них раскрывались причины национального угнетения, тяжелые условия жизни крестьянства. Главное в его статьях, как отмечал один из рецензентов,— это «постановка общих вопросов, поднятых подобными процессами: положение национальных меньшинств в царской России, отношение к великодержавному шовинизму и антисемитизму, роль официальной церкви во внутренней политике государства и другие»¹.

Царской политике разжигания национальной розни Бонч-Бруевич противопоставлял пролетарское требование национального равноправия, дружбы народов и свободы совести. «Пусть голос пролетариата слышится по всей стране,— говорилось в одной из его статей,— пусть его требование национального равноправия, пусть его протест против бесправия будет услышан везде, где живут и страдают миллионы российских граждан». Автора, осмелившегося выступить с таким призывом, спас псевдоним. Номер газеты «За правду» с этой статьей был конфискован.

Сотрудничая в периодической печати, Бонч-Бруевич продолжал и свою издательскую деятельность. После «Избранных произведений русской поэзии» и «Материалов к истории и изучению сектантства и раскола» Бонч-Бруевич печатал «Детскую библиотеку» и «Библиотеку для юношества». Однако, помня совет Ленина, он не прекращал издания и общественно-политической литературы. Так, в 1910 г. «Жизнь и знание» выпустило в свет книгу М. С. Александрова (Ольминского) «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России», а на следующий год — книгу члена социал-демократической фракции III Государственной думы И. П. Покровского «Государственный бюджет России за последние десять лет (1901—1910)».

Подъем революции в стране требовал расширения издательского дела. Ощущалась острая необходимость в книгораспространительском центре.

---

¹ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 238, ед. хр. 1, л. 49.

В октябре 1913 г. Бонч-Бруевич добился разрешения градоначальства на открытие магазина и книжного склада издательства «Жизнь и знание». После этого не прошло и недели, как пустые полки в подвале дома 38 на Фонтанке были заставлены новенькими книгами разных издательств. Их владельцы хорошо знали Бонч-Бруевича и передавали ему книги для комиссионной продажи. Среди них были работы Ф. Энгельса, К. Каутского, П. Лафарга и других авторов. Такая литература считалась «крамольной», и книжные магазины отказывались ею торговать. В магазин «были приглашены, по возможности, прежние сотрудники,— вспоминала Матюшина,— и остался какой-то «впередовский» стиль работы. Вести издательское дело без средств было невероятно трудно. И может быть, только оптимизм Бонч-Бруевича, его уверенность вдохновляли всех»¹.

В первые же месяцы работы магазин дал около тысячи рублей дохода².

После этого можно было думать и о расширении издательства, хотя средств на крупные издания не было. Бонч-Бруевич предложил Горькому выпустить его сочинения в «Жизни и знании». Писатель согласился. Вскоре пришло письмо из Москвы от М. Ф. Андреевой с просьбой к Владимиру Дмитриевичу приехать к ней. В Москве Бонч-Бруевич быстро согласовал с Андреевой условия договора с писателем и получил тексты сочинений Горького. Помог и доктор Е. Ф. Шапшал — большевик, отец которого владел табачной фабрикой. Он без лишних слов вручил Владимиру Дмитриевичу 6 тысяч рублей для выплаты аванса Горькому. Началась борьба с цензурой за главы, страницы, строчки и отдельные слова. На том «Жизнь ненужного человека» цензура сразу же наложила арест. Судебная палата постановила исключить из произведения большую часть текста. Пришлось выпускать только уцелевшую часть книги.

Минул год. Шла первая мировая война. Свирепствовали реакция, военная цензура. Закрывались многие прогрессивные издательства. Но «Жизнь и знание» держалось. Как же удавалось ему существо-

¹ Из беседы О. К. Матюшиной с автором.

² См. О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 63.

дать в труднейших условиях? Ответ на этот вопрос можно найти в следующем письме Бонч-Бруевича одному из корреспондентов: «В складе... имеются не только книги нашего издательства, но также и многих других, всего свыше 5 тысяч названий, благодаря чему мы очень быстро можем выполнять заказы на книги по всевозможным отраслям знания, беллетристике, публицистике и пр., а также на учебники для всех учебных заведений. Кроме того, по желанию заказчика, мы охотно берем на себя составление и пополнение библиотечек, высылаем литературные и научные новинки, а также принимаем подписку на все газеты и журналы»¹. Такая универсальность и создавала видимость политической благонадежности.

Здесь трудился небольшой, но дружный коллектив. Н. Н. Жданович вспоминал: «Я, как и все сотрудники издательства, имел не «хозяев», а чутких, отзывчивых друзей, заражавших нас энтузиазмом и любовью к делу»². Рабочий день продолжался, как правило, восемь часов. Сотрудники пользовались отпуском за счет издательства. Оплачивалось их обучение на вечерних курсах.

Вслед за Горьким в издательство пришли другие демократические прозаики и поэты. И. А. Бунин предложил напечатать свои переводы из Байрона и книгу рассказов и стихотворений «Храм солнца». Были заключены договоры с Н. Ф. Олигером, Д. Я. Айзманом, С. Г. Скитальцем. А ведь гонорары здесь были ниже, оформление книг скромнее, чем в других издательствах. Иногда часть гонорара выплачивалась авторскими книгами — не было денег. Но писатели-реалисты тянулись к идейному издательству. «Жизнь и знание» привлекло к сотрудничеству А. М. Коллонтай и в 1916 г. выпустило ее книгу «Общество и материнство». В издательстве выходили серии «Библиотека обществоведения», «Библиотека наших читателей», «Общедоступная библиотека», «Библиотека итальянских писателей», позже — «Дешевая библиотека».

Между издателем и авторами, как правило, складывались дружеские отношения. Владимир Дмитриевич нередко помогал им советами о составе томов,

¹ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 139, ед. хр. 77.

² ОР ГБЛ, ф. 369, к. 368, ед. хр. 5.

заглавиях книг, их формате и т. п., а также оказывал на авторов заметное идейное влияние. Писательница М. В. Ямщикова (псевдоним — Ал. Алтаев) в письме к Бонч-Бруевичу признавалась, что «всегда дорожила Вашими советами и Вашим издательством»¹.

Во время империалистической войны издательству «Жизнь и знание» пришлось пережить немало черных дней. Бывало, что касса его пустовала. Но каждый раз Бонч-Бруевич находил выход. Для оплаты срочных векселей занимал деньги в долг у кого-нибудь из состоятельных друзей. Часто выручала его сметка. Однажды организовал среди сотрудников «дружеские векселя» на разные суммы, которые позволяли добывать деньги в банке.

— Вот это номер! — восклицал Ольминский. — Использовать капиталистическую систему, заставить банки поддержать большевистское издательство — до такого додуматься могли только вы, Владимир Дмитриевич! Это просто гениально!²

Бонч-Бруевич чутко прислушивался к пульсу политической жизни страны. В 1916 г., когда в России особенно быстро нарастало революционное движение, он возобновляет выпуск «Библиотеки обществоведения» и с помощью И. И. Скворцова-Степанова начал подготавливать к изданию сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. В это же время рассчитывал получить для выпуска в свет новое произведение Ленина.

Адрес издательства «Жизнь и знание» в военные годы был, пожалуй, единственным легальным партийным адресом для Ленина. Не случайно он писал члену Заграничного бюро ЦК партии Я. С. Ганецкому: «Я пользуюсь пока лишь одним петроградским адресом: Издательство «Жизнь и Знание», г-ну Влад. Бонч-Бруевичу, Фонтанка, 38, кв. 19, Петроград. Этот издатель тотчас передаст «Правде»»³.

Даже война не прервала связи Бонч-Бруевича с Лениным.

---

¹ См. О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 83.

² См. О. Матюшина. Негасимые искры, стр. 45.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 407.

В РЕШАЮЩИЙ ЧАС

Шел 1917 год, третий год войны. Увеличивались потери на фронте. В стране царил голод. Нарастало пролетарское движение. На улицах Петрограда все чаще возникали политические демонстрации рабочих, столкновения с полицией и казаками.

На квартире Бонч-Бруевича вечерами часто собирались большевики. Обсуждали события, очередные задачи. Расходились с рассветом, отправляясь на рабочие окраины и воинские казармы. Вместе с товарищами Владимир Дмитриевич выступал на митингах, участвовал в демонстрациях.

К забастовавшим 17 февраля рабочим Путиловского завода в течение нескольких дней присоединилось около 200 тысяч человек. 25 февраля стачка стала всеобщей, а на следующий день по призыву большевиков рабочие начали переходить к восстанию.

В это время жизненно важным было привлечь на сторону рабочих солдат петроградского гарнизона. Поэтому Бонч-Бруевич и другие большевики вели активную агитацию среди солдат Преображенского и Волынского полков и добились их согласия выступить против царизма.

27 февраля город захлестнула мощная волна демонстраций, которые сочетались с боевыми схватками. Восстание набирало силу. К революции примыкали все новые части гарнизона. Вечером почти вся столица была в руках восставших.

Этот день революции оказался решающим. Монархия Романовых рухнула. По призыву большевиков на предприятиях и в воинских частях начались выборы в Совет рабочих и солдатских депутатов. Однако вследствие того что большевистская организация Петрограда была ослаблена репрессиями царизма, при выборах в Совет большинство мест в нем получили меньшевики и эсеры. Они и захватили руководство Советом и его исполнительным комитетом. В это же время Государственная дума избрала временный

комитет, который создал буржуазное Временное правительство.

Одним из первых вопросов, обсуждавшихся в бесконечных прениях на заседании Совета, был вопрос о газете. Присутствовавший на этом заседании Бонч-Бруевич вспоминал: «Я решил немедленно организовать издание «Известий Совета Рабочих Депутатов» по образцу тех, в выпуске которых мне приходилось принимать участие...»¹

Не откладывая, он начал действовать. Отряд солдат-преображенцев и отряд польских революционеров на трех грузовиках поехали на Лиговку. В легковом автомобиле кроме Бонч-Бруевича находились командир польского отряда Р. Арский (Радзишевский), большевики Авилов и Базаров. По дороге они были дважды обстреляны из пулемета, но, к счастью, никто не пострадал. В Сайкином переулке остановились около типографии газеты «Копейка». Нашли спавшего инженера и трех печатников, работавших в ночную смену. Именем Великой Русской революции и Совета рабочих депутатов Бонч-Бруевич объявил типографию экспроприированной в интересах революционного народа. Метранпаж и печатники выразили свою полную солидарность с восставшими.

Была установлена охрана. Солдат разместили в пустовавших помещениях типографии. Владимир Дмитриевич послал за наборщиками. Вдвоем с метранпажем выбрали шрифт для газеты. У Бонч-Бруевича с собой были только воззвание «К населению Петрограда и России. От Совета рабочих депутатов» и заявление «От временного комитета Государственной думы». Он с трудом дозвонился в Таврический и запросил адреса сборных пунктов вооруженных рабочих и солдат. Но этого материала для газеты было мало. Поэтому здесь же, в типографии, Бонч-Бруевич написал обращения «К народу!», «К солдатам!» и воззвание «Не допускайте грабежей». Их пронизывала мысль: чтобы революция завершилась полной победой, необходимы строжайшая революционная дисциплина и порядок, беспощадная борьба с черносотенцами и уголовными элементами.

---

¹ «Журналист», 1927, № 3, стр. 13.

Вместе с метранпажем Владимир Дмитриевич верстал первый номер газеты, рожденной революцией. «Когда в эту первую незабвенную ночь,— вспоминал он 10 лет спустя,— уже на чуть брезжащем рассвете, мы наконец отправили номер в стереотипную, а затем в ротационную машину... мы радостно вздохнули и ударили друг друга по рукам, еще и еще раз поздравляя всех с революцией»¹.

К 10 часам утра газета была готова. Обращение Совета призывало трудящихся сплотиться вокруг Советов для окончательной победы над царизмом. «Борьба еще продолжается, она должна быть доведена до конца,— говорилось в нем.— Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место народному правлению». Несколько пачек газеты Владимир Дмитриевич повез в Таврический. «Но это не так-то легко было сделать,— писал он,— ибо все улицы были переполнены народом и все жаждали газет. Мы роздали, что могли... Все остальные экземпляры через газетчиков, рабочих и солдат мы даром раздавали всюду, по всем районам».

В Таврическом дворце Бонч-Бруевичу передали текст «Манифеста ЦК РСДРП», который необходимо было срочно отпечатать и распространить. А сделать это было непросто. В типографиях наверняка не примут такого заказа. Просить меньшевиков и эсеров разрешения напечатать манифест большевиков в типографии «Копейка» бесполезно. И он решил напечатать его в приложении к первому номеру «Известий». Пока оно набиралось, Владимир Дмитриевич отправлял газету по районам, в казармы, на вокзалы. Распорядился выдать мальчишкам-газетчикам бесплатно по сотне экземпляров газеты каждому для распространения.

К трем часам дня приложение с напечатанным крупным шрифтом «Манифестом ЦК РСДРП» было готово. Вместе с первым номером газеты тираж его по тем временам был громадный — 400 тысяч экземпляров. Но этого Владимиру Дмитриевичу показалось мало, и он предложил рабочим отпечатать этот важный документ в виде прокламации. По мере готовности прокламации отвозились в издательство «Жизнь

---

¹ «Журналист», 1927, № 3, стр. 14.

и знание», сотрудники которого рассылали их по стране. Манифест провозгласил требования демократической республики, восьмичасового рабочего дня, конфискации помещичьих земель, немедленного прекращения грабительской войны.

Узнав о публикации «Манифеста ЦК РСДРП» в приложении к «Известиям», меньшевики и эсеры пришли в негодование. Они по телефону срочно вызвали Бонч-Бруевича в Таврический дворец и учинили ему допрос. «Я «утешил» злопыхателей сообщением о том, — писал он позже, — что, помимо помещения в газете Совета, я отпечатал манифест еще на отдельном листке в количестве ста тысяч экземпляров и что он расклеивается по Петрограду, рассылается по фабрикам, заводам и казармам и направлен во все концы России»¹. Всего отпечатано было 120 тысяч экземпляров манифеста.

Неизвестно, какая реакция последовала на это заявление Бонч-Бруевича, но «прегрешение» его запомнили. А в помощь назначенному главным редактором «Известий» Ю. М. Стеклову были посланы надежные сторонники меньшевистско-эсеровского большинства исполкома Совета — Дан, Гоц, Суханов и им подобные.

В последующие дни Бонч-Бруевич, как уполномоченный исполкома, один из редакторов газеты и заведующий типографией, продолжал налаживать ее работу, организовал контору и экспедицию «Известий», охрану помещений.

Охране придавалось немаловажное значение. В городе поднимали голову черносотенцы. Крайне неспокойно было и на Лиговке. «...Мне пришлось, — вспоминал Бонч-Бруевич, — со своим отрядом держать весь этот, крайне хулиганский и черносотенный, квартал в своих руках, наводить здесь порядок, настоящую революционную дисциплину, громить гнезда Союза русского народа... снимать постовых, городских и контрреволюционные группы, расположившиеся вокруг Николаевского вокзала и по Лиговке...» По его свидетельству, известие об установлении «революционной дисциплины» на Лиговке быстро разнеслось по городу и к нему стали обращаться по

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 69.

телефону за помощью при «случаях выступлений контрреволюционных банд и черносотенцев»¹.

Бонч-Бруевич часто присутствовал на заседаниях исполкома Совета и убеждался — меньшевики и эсеры все дружнее подпевают Временному правительству. Большевистская фракция Совета, куда входил и он, была малочисленной.

«Известия» отражали соотношение сил в Совете. Разногласия между большевиками и меньшевиками в редакции стали постоянными. Больше всего неприятностей меньшевикам и эсерам доставлял Бонч-Бруевич. К сотрудничеству в газете он привлек большевиков-публицистов, поэта Демьяна Бедного и уже во втором номере «Известий» поместил его басню «Тофута Мудрый», направленную против тех, кто стремился восстановить монархию, кто хотел бы задержать развитие революции. Заканчивалась она так:

Пускай холопы бьют поклоны у дворца,
А царь их гонит от порога.
Нам что! У нас своя, товарищи, дорога:
Бороться до конца.

Пролетариат России с огромным нетерпением ждал приезда своего вождя. В конце марта стало известно, что Владимир Ильич уже в Швеции, на пути в Россию. Первым желанием Бонч-Бруевича было как можно скорее рассказать Ленину обо всем, что происходило в стране. «Я тотчас,— писал Владимир Дмитриевич,— послал ему большой комплект газет и засел за писание подробного отчета-письма, в котором хотелось осветить то, о чем в газетах умалчивалось»².

А на следующее утро после приезда Ленина в Петроград Бонч-Бруевич отправился к Елизаровым, «чтобы осведомиться о всех нуждах Владимира Ильича и условиться с ним о различных делах»³. От Елизаровых они вдвоем поехали на квартиру Бонч-Бруевича, где о многом поговорили. Ленин советовал Владимиру Дмитриевичу, не прекращая работы в «Известиях», главное внимание уделять издательским делам, максимально активизировать пропагандистскую

¹ ОР ГЕЛ, ф. 369, к. 7, ед. хр. 18, л. 12—13.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 71.

³ Там же, стр. 75.

деятельность. В ответ на вопрос, что удалось издать за последние годы, Бонч-Бруевич положил на стол грудку книг и брошюр.

— Вот десять томов сочинений Горького. Вот Гусев-Оренбургский. Скоро мы закончим издавать его полное собрание сочинений в пятнадцати томах. А вот две совершенно изумительные книжечки Бунина... Ну, эту книгу Ольминского о государстве и абсолютизме вы знаете. Теперь в серии «Библиотека мемуаров» мы готовим к изданию его воспоминания «Три года в одиночной тюрьме»... Вот сборники рассказов, стихов, басен...

Владимир Ильич улыбался и качал головой:

— Помилуйте, тут целая библиотека... Вот образчик организаторской ловкости... И это издано в страшные военные годы!

Здесь же, на квартире Бонч-Бруевича, Ленин провел совещание с партийными работниками. Своеобразие текущего момента в России, подчеркивал Владимир Ильич, состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Владимиру Дмитриевичу стали ясны задачи большевиков в тот момент — разъяснить характер войны, которую намерено продолжать Временное правительство, не оказывать ему никакой поддержки, бороться за передачу всей власти в руки Советов, развивать социалистическую революцию.

4 апреля Ленин дважды выступал в Таврическом дворце с докладом, в котором огласил и разъяснил тезисы о задачах революционного пролетариата, известные как Апрельские тезисы. А во второй половине дня в автомобиле он вместе с Бонч-Бруевичем поехал на Широкую, к Елизаровым, а оттуда — на Волково кладбище. Ленин всю дорогу был грустен, задумчив. У ворот кладбища Владимир Дмитриевич остался в машине. В такие минуты Ленину лучше побыть одному у могил матери Марии Александровны и сестры Ольги Ильиничны...

Вечером на заседании редакции издательства «Жизнь и знание» решили пустить в набор марксистскую литературу — работы А. Бебеля, П. Лафарга,

В. Либкнехта. Бонч-Бруевич говорил о необходимости издать полное собрание сочинений К. Маркса. Запланировали выпустить в ближайшее время первый том «Капитала».

На следующий день в «Известиях» появилась взволнованная статья Бонч-Бруевича о торжественной встрече на Финляндском вокзале вождя пролетарской партии. В исполкоме Совета, как и следовало ожидать, на автора статьи с озлоблением набросились меньшевики. Владимир Дмитриевич хотел выйти из редакции, но решил прежде посоветоваться с Лениным, который запротестовал: «Ни в коем случае не уходите сами. Нам важна каждая позиция. В «Известиях» мы все-таки можем кое-что помещать, печатая и статьи, и резолюции, и мы должны все это использовать»¹.

Буржуазная и меньшевистско-эсеровская печать начала травлю Ленина и большевиков. Бонч-Бруевич пытался несколько раз поставить вопрос об этом в исполкоме Петроградского Совета для принятия мер против травли и клеветы, но безуспешно. Тогда он написал и опубликовал 17 апреля в «Известиях» передовую статью «Чего они хотят?», в которой гневно обрушился на погромщиков, вынашивавших планы физической расправы над Лениным, и требовал «решительно и твердо, везде и всюду прекратить эту травлю». Он призвал обуздать тех, кто хотел применить «насилие к человеку, всю жизнь свою отдавшему на служение рабочему классу, на служение всем угнетенным и обездоленным».

«Не успел я выпустить номер и разослать его,— вспоминал Бонч-Бруевич,— и только прилег дома отдохнуть, как телефонный звонок вызвал меня по экстренному делу. Бесноватый голос вопил из Таврического: «Как вы смели напечатать без разрешения Президиума эту отвратительную заметку!..» Я говорившего послал к черту и повесил трубку»². На этом инцидент не закончился. В исполкоме Бонч-Бруевичу был учинен меньшевиками новый допрос с пристращением.

А тем временем Петербургский комитет партии широко распространил по рабочим районам и казар-

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 81.

² Там же, стр. 87.

мам статью «Чего они хотят?» в виде прокламации. «Правда» и газеты в провинции перепечатали ее полностью или в выдержках. Ленин, узнав от товарищей, что статью написал Владимир Дмитриевич, трогательно, тепло поблагодарил его.

Бонч-Бруевич оставался еще некоторое время в редакции «Известий», но в мае, когда Петроградский Совет выступил с поддержкой Временного правительства по вопросу об империалистической войне, он и Авилов подали в исполком Совета заявление о сложении с себя обязанностей редакторов газеты.

Когда в начале марта возобновилось издание «Правды», Бонч-Бруевич был среди ее сотрудников. Его статьи и корреспонденции отличались остротой и злободневностью. Так, в номере от 31 марта он писал, что для защиты революции необходимо приступить «к устройству Красной гвардии пролетариата, организованной со всем знанием дела нашего вдвойне военного времени... Крайне желательно этот вопрос сейчас же поставить на обсуждение повсюду в организациях и в самом экстренном порядке перейти от слов к делу». Автор предупреждал, что вооружением Красной гвардии должны быть не револьверы и холодное оружие, а винтовки.

Другая статья Бонч-Бруевича — «Готовьтесь к Первому мая!» раскрывала значение праздника международной пролетарской солидарности, призывала партийные организации активизировать подготовку к нему.

Бонч-Бруевич и сам активно участвовал в подготовке к празднику в Рождественском районе столицы. Здесь в конце марта был создан райком партии, в который вошли М. Н. Скрыпник, А. П. Семенов, Е. М. и Д. М. Соловей, В. М. Величина, Бонч-Бруевич и другие — всего 10 человек. Впоследствии член райкома Е. К. Кокшарова вспоминала, что Владимир Дмитриевич стал играть важную роль в налаживании партийной работы в районе¹. Его часто видели выступающим на митингах, среди рабочих и солдат. Первомайская демонстрация была проведена успешно. К июлю влияние большевиков в районе стало

¹ «В огне революционных боев (Районы Петрограда в двух революциях 1917 г.)». М., 1967, стр. 547—548.

почти безраздельным. Усилился приток в партию рабочих и солдат. Их примеру последовали даже несколько офицеров из саперного полка.

Много времени Владимир Дмитриевич по-прежнему уделял издательству «Жизнь и знание». Его книги, брошюры, прокламации полностью распространялись в массах народа, пробудившегося к политической жизни. Издательство быстро росло и расширялось. Теперь оно едва помещалось на четырех этажах дома в Поварском переулке.

Еще в 1916 г. Ленин отправил в издательство «Парус» рукопись книги «Империализм, как высшая стадия капитализма». «Когда ее стали набирать,— вспоминал Бонч-Бруевич,— то издатели «Паруса», среди которых был Суханов и иные, очень отрицательно отнеслись к этой книжке Владимира Ильича и под видом того, что они боятся выпустить ее в свет из-за нареканий цензуры, предложили мне через Ладыжникова купить у них все это издание»¹. Бонч-Бруевич принял это предложение. Он напечатал обложку к книге, сброшюровал ее и вместе с предисловием Ленина, написанным в апреле 1917 г., выпустил в свет. Но это издание мало удовлетворяло автора, так как редакторы «Паруса» выбросили из рукописи большие куски текста и пригласили критику им Каутского. Бонч-Бруевич согласился подготовить второе издание книги.

Ленин внимательно следил за деятельностью издательства «Жизнь и знание», встречался с его сотрудниками. «Чаще всего Владимир Ильич заходил сюда за корректурой,— вспоминал Владимир Дмитриевич,— приносил листы, просматривал свои работы здесь, а также принимал некоторое участие в просмотре рукописей»².

В начале июня Владимир Дмитриевич перевез семью на дачу в деревню Нейвола возле станции Мустамяки. В выходные дни к вечернему чаю сюда часто приходили жившие по соседству Демьян Бедный и Фридрих Ленгник с женами. Иногда бывал у Бонч-Бруевичей и Горький с Марией Федоровной или сыном Максимом. Шумно становилось тогда на маленькой даче.

¹ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 156, ед. хр. 51.

² Там же.

В конце июня на дачу Бонч-Бруевича неожиданно пришли Владимир Ильич с Марией Ильиничной в сопровождении Демьяна Бедного. Хозяева радушно встретили гостей. Они знали, что в то время Владимир Ильич был крайне утомлен, и создали все удобства для его отдыха. В первые дни Ленин проводил по несколько часов в саду. Потом с Марией Ильиничной, а то и со всей компанией ходил гулять к большому озеру, на берегу которого любил подолгу сидеть. Несколько раз с Владимиром Дмитриевичем купался, плавая и ныряя, как настоящий спортсмен.

Узнав, что Бонч-Бруевич подготавливает программу библиотеки антирелигиозной литературы, Ленин посоветовал издать выдержки из сочинений атеистов и материалистов эпохи Великой французской революции. Он говорил также о необходимости выпускать самую различную антирелигиозную литературу — от популярных листков, разоблачавших религиозный обман, до серьезного, научного исследования о происхождении Библии, истории религий и т. д.

В другой раз Ленин заинтересовался письмами сектантов, которые хотели знать, за какие партии следует голосовать при выборах в Учредительное собрание, и задавали множество других вопросов. Он просил послать сектантам его брошюру «Политические партии в России и задачи пролетариата» и сказал:

— Вам обязательно надо написать агитационный листок для сектантов по поводу Учредительного собрания, особенно подчеркнув пункт о войне, земле, о свободе совести, — это может весьма помочь в нашей агитации среди них...¹

Недолгим оказался отдых Ленина на даче у Бонч-Бруевича. Рано утром 4 июля из Петрограда приехал М. А. Савельев. Разбудив хозяев, он сообщил о массовых неорганизованных демонстрациях в столице и усилении травли большевиков.

Пришлось будить Владимира Ильича. Наскоро выпив молока, все двинулись на станцию. В поезде только и разговоров было о петроградских событиях.

Бонч-Бруевич боялся Белоострова — там проверяли паспорта и было много шпионов. Поэтому, когда

---

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 96—104.

поезд остановился у вокзала, он уговорил спутников выпить в буфете кофе, чтобы не попасться на глаза шпионам, которые будут ходить по вагонам. Купив газеты и сев в поезд перед третьим звонком, Ленин углубился в чтение. Бонч-Бруевич и Савельев тоже развернули газеты, стараясь ими закрыть Владимира Ильича от посторонних глаз. Так они вполне благополучно приехали в Петербург.

А в столице в связи с неудачей наступления на фронте, начатого по приказу Временного правительства, происходили массовые выступления трудящихся, раздавались призывы немедленно свергнуть правительство буржуазии. Партия большевиков пыталась удержать рабочих и солдат от несвоевременных выступлений. Когда этого сделать не удалось, большевики по призыву Ленина возглавили демонстрацию и старались придать ей мирный и организованный характер. Но это уже не смогло предотвратить наступления контрреволюции. Демонстрация была расстреляна. Временное правительство начало репрессии против большевиков.

В эти тревожные дни Владимир Дмитриевич очень беспокоился о безопасности Ленина. Ему позвонил знакомый со времени сектантских процессов адвокат Каринский, занимавший пост помощника прокурора республики, и сообщил, что против Ленина сфабриковано обвинение и Временное правительство намерено расправиться с ним. Владимиру Дмитриевичу удалось связаться по телефону с Владимиром Ильичем, находившимся в Таврическом дворце, и предупредить его об опасности. Это позволило Ленину быстро перейти на нелегальное положение и скрыться от преследования.

Начавшаяся слежка за квартирой Бонч-Бруевича вынудила его самого уехать на дачу в Финляндию.

Контрреволюция торжествовала. Мирный период революции закончился. В июле Шестой съезд РСДРП(б) определил — власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства может перейти только путем вооруженного восстания, путем свержения диктатуры буржуазии.

Травля Ленина в буржуазной печати не помешала Бонч-Бруевичу издавать его произведения. Так, в июне — июле Владимир Дмитриевич отпечатал и рас-

пространил ленинскую брошюру «Политические партии в России и задачи пролетариата», а через два месяца заключил с Лениным через Крупскую новый договор на издание еще семи его работ. Из-за этого кое-кто из писателей порвал отношения с издательством. Потребовал вернуть свои «Сказки старого дома» и Е. Чириков. Несмотря на возникшие у издательства финансовые трудности, Бонч-Бруевич удовлетворял это требование и, защищая Ленина от клеветы, писал автору: «Мне очень жаль, что и Вы поддались подлой провокации желтой прессы, клеветников, сумасшедших людей (Бурцев) и прямых служителей черной сотни. Я знаю наверное, что Вам вскоре будет очень стыдно за то, что Вы могли носить в своей душе такую страшную злобу против тех, кто всю жизнь свою отдал и положил на дело свободы и революции. Это дело Ваше. Но этот стыд, я это знаю, так зальет Вашу душу, что Вы не будете иметь себе покоя до последних дней Ваших»¹.

В августе Керенский отдал приказ об аресте Бонч-Бруевича, и он снова оказался на нелегальном положении. Но привыкать к этому не приходилось, и Владимир Дмитриевич продолжал выполнять задания ЦК партии: проводил рабочие митинги, организовывал склады оружия, распространял большевистскую литературу, являлся членом революционной тройки, которая подготавливала вооруженное восстание в Рождественском районе.

Обстановка в стране накалялась с каждым днем. Усиливалась разруха, останавливался транспорт, прекращался подвоз в города сырья и продовольствия, росла дороговизна, а вместе с нею — недовольство рабочих и крестьян Временным правительством.

В начале октября большевистская фракция Петроградского Совета возложила на Бонч-Бруевича обязанности «заведующего технической организацией издательства»², а в середине месяца ЦК партии и большевики Совета поручили ему в кратчайший срок организовать выпуск вечерней большевистской газеты. «Товарищи просили, — вспоминал он, — чтобы

¹ О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 79—80.

² ОР ГБЛ, ф. 369, к. 1, ед. хр. 71, л. 76.

на другой день газета вышла, а все остальное предоставили мне».

Задание было сложным. Несмотря на опыт, Бонч-Бруевичу еще не приходилось выпускать газету в одиночку, без средств и без типографии. Решил начинать дело снова с типографии газеты «Копейка». Но ее меньшевистская администрация категорически отказалась помогать большевикам. Выручил ленинский совет — при затруднении обращаться к массам.

Прежде всего Бонч-Бруевич разыскал большевика Н. С. Григорьева, являвшегося «товарищем председателя союза печатников». Вдвоем они провели собрание рабочих типографии, разъяснив им значение большевистской газеты. Рабочие дали слово печатать ее. Расходы взяло на себя издательство «Жизнь и знание».

Подготовка первого номера, верстка полос, изготовление матриц заняли всю ночь и следующий день. Вечером 17 октября первый номер газеты «Рабочий и солдат» был готов. В передовой статье говорилось, что газета ставит своей целью борьбу за переход власти к Советам в центре и на местах, за мир, за передачу помещичьих земель крестьянам, за осуществление рабочего контроля над производством.

24 октября Временное правительство предпринимает попытку расправиться с большевистскими газетами. Вечером отряд милиции ворвался в типографию, наложил арест на газету «Рабочий и солдат» и попытался уничтожить стереотипы. Но рабочие и два матроса из охраны дали дружный отпор налетчикам. После этого по просьбе Бонч-Бруевича Военно-революционный комитет ввел в типографию для охраны два взвода солдат Преображенского полка.

Владимир Дмитриевич не только редактировал и выпускал газету «Рабочий и солдат». Его часто видели в Рождественском и Московском районах, где формировались отряды рабочей Красной гвардии, создавались районные штабы восстания.

В эти напряженные дни Бонч-Бруевич был назначен комендантом района Смольный — Таврический дворец. Одним из первых дел его на этом посту было введение пропусков в Смольный и организация его охраны.

На рассвете 25 октября по заданию Военно-революционного комитета Бонч-Бруевич явился в редакцию «Известий» и установил там цензуру ВРК, не разрешая публиковать приказы штаба Петроградского военного округа и Временного правительства.

В этот день в руках Временного правительства оставались только Зимний дворец и штаб военного округа. Его судьба была решена. Ленин пишет воззвание «К гражданам России!» и передает его Бонч-Бруевичу для распространения. В воззвании говорилось: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»¹

«Я сейчас же переписал обращение, — вспоминал Бонч-Бруевич, — дал его прочесть Владимиру Ильичу и отвез в типографию»². Быстро была переверстана первая страница газеты «Рабочий и солдат». К полудню номер с историческим документом был готов. В течение дня Бонч-Бруевич организовал выпуск многотысячным тиражом листовки с воззванием «К гражданам России!».

Вечером 25 октября красногвардейская группа особого назначения Рождественского района собралась в своем штабе. Здесь рабочие, получая оружие, строились в отряды и уходили к Зимнему дворцу. Около семи часов в штаб пришли секретарь райкома В. Н. Мещеряков и Бонч-Бруевич. Они вызвали в отдельную комнату четырех красногвардейцев — членов партии большевиков.

— Товарищи, — обратился к ним Владимир Дмитриевич. — Военно-революционный комитет уполномо-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 1.

² «Шаги революции. Великий Октябрь глазами современников». М., 1967, стр. 107.

чил меня во что бы то ни стало поддерживать строжайший революционный порядок в самом центре начавшегося победоносного восстания. Совершенно необходимо ни в коем случае не допустить происков контрреволюции. Эта ответственнейшая задача относится к большевикам нашего района. Вам же поручается несение секретной охраны некоторых жилых домов в районе. Необходимо тщательнейше наблюдать за всеми подозрительными людьми, могущими проникнуть в район для организации провокаций, диверсий, шпионажа. Держите связь со Смольным.

Через несколько минут группа особого назначения ушла выполнять задание.

Около пяти часов утра к дому № 5 на Херсонской улице подъехала машина. Из нее вышел Бонч-Бруевич и, осмотревшись по сторонам, отпер ключом дверь и вошел в подъезд. Через несколько минут он вернулся.

— Все спокойно, Владимир Ильич. Вера Михайловна ждет...

Ленин помог выйти из автомобиля Надежде Константиновне. Бонч-Бруевич пропустил их в подъезд и запер за собой дверь.

Владимир Дмитриевич уговорил Ленина занять его кабинет. Сам он лег в соседней комнате на диване. Кажется, все предусмотрел: закрыты на все запоры входные двери, приведены в боевую готовность револьверы, записаны номера телефонов Смольного. «Могут вломиться, арестовать, убить Владимира Ильича,— подумалось ему,— ведь только первая ночь наша, всего можно ожидать. Ну что же, тогда померяемся силами».

Прислушался — в кабинете тихо. Наверное, Владимир Ильич уснул. А в ушах — шум Смольного, ликующие возгласы, дружное «ура» после взятия Зимнего.

...Вдруг узкая полоска света пролегла от дверей кабинета. Ленин прикрыл дверь и тихонько подошел к письменному столу.

Владимир Дмитриевич подумал: «Вот он, творец революции, истинный революционер, умеющий совершенно забывать себя для блага нашей страны. Как устал он! Какой был напряженный день, полный тревог и волнений! И вот он превозмог себя, откинул всю

неимоверную усталость и отогнал сон, так нужный ему».

За окном уже начинало светать, когда Ленин выключил свет и лег.

Утром, когда все в квартире ходили на цыпочках, чтобы не разбудить Владимира Ильича, он вышел вдруг из кабинета бодрый и веселый.

— С первым днем социалистической революции! — поздравлял он всех.

Когда собрались пить чай, Ленин прочел написанный им ночью проект знаменитого Декрета о земле.

— Вот только бы объявить его и широко опубликовать и распространить, — говорил он. — Пускай попробуют тогда взять его назад! Нет, шалишь, никакая власть не в состоянии была бы отнять этот декрет у крестьян и вернуть земли помещикам. Это важнейшее завоевание нашей Октябрьской революции. Аграрная революция будет совершена и закреплена сегодня же...¹

Декрет о земле был принят 26 октября на II Всероссийском съезде Советов. Бонч-Бруевич «тотчас разослал его по всем петроградским редакциям с нарочным, а в другие города сейчас же по почте и по телеграфу». Кроме того, он отпечатал декрет отдельными листками, которые широко распространялись среди солдат, возвращавшихся в деревню.

В эти дни газета «Рабочий и солдат» подробно рассказывала о заседаниях съезда Советов, поместила его воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», написанное Лениным, а также декреты о мире, о земле, об образовании нового правительства.

«Владимир Ильич торжествовал, — вспоминал Бонч-Бруевич.

— Только это одно, — говорил он, — уже оставит след в нашей истории на долгие-долгие годы.

Эпоха богатейшего революционного творчества началась...»²

---

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 124—125.

² Там же, стр. 126.

НА СТРАЖЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОРЯДКА

После полудня 27 октября в Смольный начали поступать сведения — Керенский ведет с фронта войска, чтобы удушить революцию. Ударной силой их был конный корпус Краснова в полтысячи сабель с 8 пулеметами и 16 орудиями. Через некоторое время новое сообщение — к Краснову присоединились юнкера Гатчинской школы прапорщиков, новые воинские части. Грозная опасность нависла над революционным Петроградом.

Военно-революционный комитет организовал оборону столицы. Помощником начальника штаба комитета и руководителем издательского отдела был назначен Бонч-Бруевич.

Вечером 28 октября Ленин получил донесение о продвижении корпуса Краснова к Пулковским высотам. Революционные войска оказались в тяжелом положении. Особенно остро чувствовался недостаток пушек и снарядов. Владимир Ильич вызвал Бонч-Бруевича и поручил ему во что бы то ни стало организовать доставку орудий и боеприпасов на позиции. Владимир Дмитриевич поехал в Петропавловскую крепость, потом на Путиловский и Обуховский заводы. Пушки и боеприпасы имелись. Но транспорт для перевозки отсутствовал. И все-таки выход был найден. Большевики Рождественского района провели митинг ломовых извозчиков, которые заявили, что готовы помочь Советской власти. Через час-два по направлению к Пулкову покатались, громяхая по мостовым, орудия и повозки с боеприпасами.

30 октября рабочие, солдаты и матросы разгромили контрреволюционеров. «Правда» сообщала: «Войска Керенского разбиты. Арестован штаб Керенского с генералом Красновым и Войтинским во главе. Керенский, переодевшись в матросскую форму, бежал. Казаки перешли на сторону революционных войск...»

А в это время в Смольном уже работало первое рабоче-крестьянское правительство — Совет Народ-

ных Комиссаров. Ленин понимал, как важно было быстро наладить работу нового государственного аппарата, прежде всего аппарата Совнаркома. В его записях, сделанных в октябрьские дни, есть заметки об организации аппарата управления, и среди них такая: «Бонч-Бруевич — *заведующий делами* или «Народный комиссар революционного порядка»»¹.

Поздно ночью 29 октября Ленин в короткие часы отдыха на квартире Бонч-Бруевича заговорил о том, что настало время организовать управление страной, для чего надо немедленно создать аппарат прежде всего при центральном правительстве.

— Вы беритесь за весь управленческий аппарат, — сказал Владимир Ильич. — Необходимо создать мощный аппарат Управления делами Совета Народных Комиссаров. Берите все это в свои руки, имейте со мной непосредственное постоянное общение, так как многое, очевидно, придется разрешать немедленно...²

В этом новом деле, как никогда раньше, нужны были энергия и организаторские способности Бонч-Бруевича.

В Смольный шли рабочие, крестьяне, представители дипломатического корпуса, иностранцы. Из провинции поступало много телеграмм, запросов. На них надо было немедленно отвечать, приходилось торопиться с созданием управленческого аппарата.

Одним из первых сотрудников Управления делами Совнаркома стал рабочий-металлист большевик Прохор Половинкин, приглашенный для обслуживания коммутатора. Секретарем управляющего делами начал работать Н. П. Горбунов, «правителем канцелярии» — А. Д. Погрузов, вторым секретарем Совнаркома — М. Н. Скрыпник, машинисткой — Н. Н. Горлова, делопроизводителем — А. П. Кизас³. 1 ноября Ленин подписал постановление о том, что Бонч-Бруевич, «исполняющий обязанности управляющего делами Правительства, утверждается в этой должности»⁴.

---

¹ Ленинский сборник XXI, стр. 91.

² См. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 131.

³ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 45, л. 134, 135, 157.

⁴ Там же, л. 139.

В аппарат Совнаркома Бонч-Бруевич привлекал людей, которых он хорошо знал и был уверен, что они справятся с новой, необычной работой. Поэтому большинство их — из Рождественского района.

«Помещение Смольного было неудобно для всех этих учреждений,—вспоминал Владимир Дмитриевич,—так как комнаты были огромны, без перегородок. Однако удалось найти две смежные комнаты, одну поменьше, другую большую, где мы и обосновались»¹.

Прежде всего оборудовали кабинет Ленина. Обстановка его была более чем простая — письменный стол, жесткое венское кресло, такие же стулья, этажерка, столик для телефона и диван. Затем подготовили зал для заседаний Совнаркома и помещение Управления делами. «Мы стали,—вспоминал Бонч-Бруевич,—устанавливать столы, табуретки, скамейки, сделали перегородку, отделившую ту часть залы, где мы работали, устроили две приемные комнаты...»² Приехавший из Москвы А. Г. Шлихтер впоследствии писал: «...отчетливо осталось в памяти впечатление от первого моего дня в Совнаркоме: необычайная простота двух примыкающих к кабинету Ленина комнат — приемной и общей канцелярии, а также необычайная доступность советского персонала для посетителей»³.

Владимир Дмитриевич позаботился и о квартире Ленина и Крупской. Она должна была, по его мнению, находиться поблизости от рабочего кабинета в Совнаркоме, отвечать условиям конспиративности; быть удобной в бытовом отношении и иметь на всякий случай запасной выход, которым мог бы пользоваться только Владимир Ильич. Две небольшие комнаты, удовлетворявшие все эти требования, были найдены на втором этаже. Здесь было тихо, окна выходили во двор, имелся запасной выход, по лестнице или лифтом можно было подняться на третий этаж. Побеспокоился Бонч-Бруевич и о мебели для квартиры. В ней были поставлены две металлические кровати, стол, несколько стульев, небольшое зерка-

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 132.

² Там же.

³ «Воспоминания о Ленине», т. 3. М., 1969, стр. 71—72.

ло. Для тех, кто мог прийти на квартиру Владимира Ильича, заготовили особые пропуска.

С самого начала Управление делами столкнулось с огромными трудностями. «У нас,— вспоминал бывший сотрудник канцелярии Управления А. Ю. Иткин,— чувствовался хронический недостаток бумаги, карандашей и т. д.»¹. Не было и денег. 30 октября Бонч-Бруевич обратился к члену Наркомфина Н. Г. Маркину с просьбой выдать 200 рублей. Узнав об острой нужде Совнаркома в деньгах, члены товарищества «Рабочая печать» 31 октября пожертвовали тысячу рублей «на покупку бумаги для бланков Совета Народных Комиссаров, его секретариата и народного комиссара по Министерству финансов». 4 ноября с просьбой о ссуде «на непродолжительный срок» Управление обратилось к бухгалтеру газеты «Рабочий и солдат». Только 17 ноября удалось получить в Государственном банке 5 миллионов рублей согласно декрету о выдаче краткосрочного аванса Советскому правительству. В связи с этим при Совнаркоме был создан финансовый отдел, а его заведующим назначен Бонч-Бруевич.

Постепенно складывалась структура Управления делами Совнаркома — приемная, канцелярия, финансовый отдел, секретариат. Скоро появилась необходимость и в литературно-издательском отделе, который стал отправлять во все губернии и на фронты воззвания Советской власти, большевистскую литературу и газеты.

Создавать аппарат Совнаркома было трудно, но еще труднее — наладить его работу. Сотрудников отличала беспредельная преданность революции, огромное желание трудиться на Советскую власть, но почти никто из них не работал раньше в государственных учреждениях. Состав аппарата Управления «был очень молодой,— вспоминала Е. К. Кокшарова,— для нас все это было дело новое. Все только учились»². Свою неопытность сотрудники компенсировали большим старанием.

---

¹ «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 162.

² М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 — январь 1918 гг., изд. 2-е. Л., 1967, стр. 91.

Постепенно аппарат Управления делами Совнаркома под руководством Ленина и при помощи Бонч-Бруевича превращался в четкий и оперативный орган. Организационно-инструкторский отдел Народного комиссариата государственного контроля, проверив делопроизводство в Управлении делами СНК, отмечал, что «личный состав хорошо подготовлен к работе. Работа ведется аккуратно и успешно. Справки даются быстро. Внешний порядок просто образцовый»¹.

Экзамен на создание совнаркомовского аппарата Бонч-Бруевич выдержал. Но этот экзамен был первым. Второй потребовал проверки не только его поразительной энергии, но и опыта революционера-профессионала.

Контрреволюция делала все, чтобы добиться падения Советской власти. Одним из самых гнусных средств ее антисоветской борьбы были пьяные погромы. «Буржуазия,— писал Ленин,— идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов»².

Нужны были решительные меры. «...28 или 29 октября 1917 года,— вспоминал М. П. Ефремов,— Владимир Ильич предложил Военно-революционному комитету создать под председательством В. Д. Бонч-Бруевича комиссию по борьбе с винными погромами»³. В нее вошли кроме Бонч-Бруевича командующий войсками Петроградского округа К. С. Еремеев, комендант Петропавловской крепости Г. И. Благонравов, М. П. Ефремов и левый эсер Фишман.

Военно-революционный комитет особенно беспокоило то обстоятельство, что в подвалах Зимнего дворца находились огромные запасы спиртных напитков и там неоднократно происходили пьянки. Бонч-Бруевич усилил охрану подвалов, но дворцовые служащие показывали громилам новые ходы в них. «Пробовали замуровать входы,— вспоминал В. А. Антонов-Овсеенко,— толпа проникала сквозь окна, высадив решетки, и грабила запасы. Пробовали

---

¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, ед. хр. 383, л. 14.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 156.

³ «Воспоминания о Ленине», т. 3, стр. 37.

заливать погреба водой — пожарные во время этой работы напивались сами!»¹

С согласия Ленина Владимир Дмитриевич направил телефонограмму I Всероссийскому съезду военных моряков с предложением вооружить всех большевиков и надежных делегатов съезда и немедленно направить в Зимний дворец для ликвидации погрома винных погребов, находящихся в подвалах дворца.

Под командой И. И. Вахрамеева моряки наконец навели порядок во дворце.

В начале декабря в городе снова участились пьяные грабежи. В ответ на это Петроградским Советом был создан Комитет по борьбе с погромами, обладавший чрезвычайными полномочиями. Возглавил его Бонч-Бруевич. Зная, что без помощи на местах комитет вряд ли справится со своей задачей, он предложил во всех районах города при Советах создать революционные тройки, которые бы сообщали об угрозах погромов, доставляли в Смольный подозрительных. 6 декабря комитет, находившийся в 75-й комнате Смольного, ввел в городе осадное положение. В газете «Известия ВЦИК» было опубликовано объявление: «Попытки разгромов винных погребов, складов, лавок, магазинов, частных квартир и проч. и т. п. будут прекращаемы пулеметным огнем без всякого предупреждения».

Ленин придавал большое значение комитету. В записке, адресованной Петроградскому комитету РСДРП(б), он просил «доставить не менее 100 человек, абсолютно надежных членов партии в комнату № 75, III этаж, — комитет по борьбе с погромами. (Для несения службы комиссаров.)

Дело архиважно. Партия ответственна. Обратиться в районы и в заводы»².

Редко удавалось Бонч-Бруевичу ночевать у себя на квартире. Смольный стал его вторым домом. Если выпадало несколько свободных часов, Владимир Дмитриевич спал не раздеваясь на диване, а то и на стульях. У него постепенно сложился особый режим дня и ночи. Утром он бывал у Ленина, днем в 75-й

---

¹ В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне, т. 1. М., 1924, стр. 19.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 17.

комнате, в редакциях «Известий», вечерней газеты «Рабочий и солдат», выполнял поручения Владимира Ильича. Вечером присутствовал на заседаниях Совнаркома, выступал с докладами или участвовал в прениях. А ночью был снова в 75-й, выезжал с комиссарами и вооруженными рабочими на операции, вел предварительные допросы задержанных, принимал донесения комиссаров-разведчиков.

Номер телефона в 75-й комнате Смольного в эти дни знал весь Петроград. В первое время было зарегистрировано более 600 сообщений о различных происшествиях. В последующие дни их число начало резко сокращаться. Уже «через 5—6 дней,—вспоминал Н. И. Подвойский,—погромов в Петрограде не стало»¹.

Сфера деятельности комитета включала в себя борьбу не только с грабежами и другими преступлениями, но прежде всего с контрреволюционерами. Уже давно было замечено, что в Петроград с фронта прибывает много офицеров, которые затем группами и в одиночку уезжают на юг. Активизировали подпольную деятельность иностранные посольства и миссии. Стало известно об их участии в отправке военного снаряжения войскам Каледина на Дону.

8 декабря в Смольный приехал комиссар Балтийской железной дороги Н. Д. Виноградов. Он рассказал Ленину, что на Московском вокзале формируется поезд американской миссии Красного Креста, в котором находятся несколько десятков автомобилей, медикаменты и военное снаряжение. Владимир Ильич направил Виноградова к Бонч-Бруевичу².

Узнав о поезде, Владимир Дмитриевич сразу же позвонил Благоднарову и попросил прислать надежных солдат Петропавловской крепости или столичного гарнизона. Потом он посоветовался с членом Коллегии ВЧК Петерсом, как поступить с американскими подданными, если они окажутся в поезде.

Когда прибыл с отрядом Благоднаров, посовещались о порядке задержания поезда. Решили сделать это, когда будут оформлены поездные документы и состав тронется. Перед отъездом из Смольного Бонч-

---

¹ Н. И. Подвойский. Год 1917. М., 1958, стр. 188.

² ЛПА, ф. 4000, оп. 5, св. 516, ед. хр. 1436, л. 4-5 об.

Бруевич и Благонравов получили записку от Ленина, в которой говорилось, что аресты контрреволюционеров «имеют исключительно большую важность, должны быть произведены с большой энергией. Особые меры должны быть приняты в предупреждение уничтожения бумаг, побегов, сокрытия документов и т. п.»¹. Нужны были неопровержимые данные о контрреволюционной деятельности американской миссии под флагом Красного Креста.

На вокзале заняли одну из комнат. Бонч-Бруевич сел за письменный стол и стал наблюдать в окно за всем, что происходило на перроне. Солдаты расположились на полу, диване, стульях. Стали ждать условного сигнала. «Так ждали все наготове два или два с половиной дня,— писал Виноградов.— Главное, мне было жаль Бонч-Бруевича, так как... несмотря на наши просьбы, чтобы он отдохнул на диване, он отказывался и сидел». Наконец на третьи сутки помощник Виноградова дал знак, что поезд отходит. «Как вихрь по перрону понеслись мы к уходящему уже составу,— вспоминал Виноградов,— в момент его окружили, угрожая револьверами, машиниста заставили остановить состав»². Поезд задержали, вызвали полномочную комиссию от Совнаркома. Дело об американской миссии Красного Креста было передано в ВЧК.

Не прошло и нескольких дней после этой операции, а в 75-й комнате началась подготовка к национализации частных банков в Петрограде. Эти банки сосредоточили в своих сейфах три четверти всех средств частных банков страны и использовали их для борьбы с новой властью.

Пока комиссары узнавали домашние адреса директоров банков и служащих, собирали сведения о внутренней планировке банков и кредитных учреждений, Бонч-Бруевич писал приказы и инструкции, формировал вооруженные отряды, готовил транспорт и помещения для директоров банков, которых предполагалось арестовать.

Кроме того, он разработал и четко изложил в инструкции последовательность всей операции. Комис-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 18.

² ЛПА, ф. 4000, оп. 5, св. 516, ед. хр. 1436, л. 4-5 об.

сары были обязаны прежде всего немедленно занять все входы и выходы вооруженной силой. Сейчас же потребовать банковские печати и опечатать ими все кассы и сейфы; все торговые книги банка собрать в нескораемые шкафы и также опечатать... Немедленно пригласить всех служащих на собрание тут же, в помещении банка, и все подробно им объяснить; к опечатанию сейфов, касс и нескораемых шкафов постараться привлечь двух-трех служащих и тут же составить маленький протокол об этих действиях, который необходимо будет скрепить как подписями рабочих комиссаров, начальников военных отрядов, так и тех из числа служащих, которые добровольно пожелают при этом присутствовать¹.

Ленин просил операцию провести быстро, а с директорами банков обойтись тактично и корректно. Их необходимо было убедить работать в национализированных банках.

Утром 14 декабря каждый командир и комиссар получил по запечатанному конверту с приказом или инструкцией. Раздались четкие команды, отряды солдат и матросов погрузились на автомобили и выехали из ворот Смольного.

Бонч-Бруевич остался в 75-й комнате и вскоре «стал получать телефонные извещения из банков,— вспоминал он,— что банки заняты, что никаких эксцессов нигде не происходит...»². Были тщательно составлены описи, протоколы, опечатаны сейфы, установлена охрана. Все документы в тот же день были переданы в Комиссариат финансов.

«Владимир Ильич был очень доволен таким быстрым и четким исполнением директив правительства,— писал Бонч-Бруевич,— и долгое время приводил национализацию банков как пример для возможного проведения этой меры в других отраслях хозяйства, без всяких инцидентов и эксцессов»³.

По мере приближения 5 января 1918 г.— дня открытия Учредительного собрания — контрреволюционные силы активизировались. Вечером 1 января

---

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931, стр. 203.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. III. М., 1963, стр. 122.

³ Там же, стр. 123.

Ленин выступал на митинге в Михайловском манеже. На обратном пути в Смольный его автомобиль был обстрелян на мосту через Фонтанку.

Гнев и решимость найти участников покушения овладели комиссарами 75-й комнаты Смольного. «Я тотчас же повел следствие, желая выяснить и нащупать хотя бы первые обстоятельства,—вспоминал Бонч-Бруевич.—В ту же ночь появились какие-то отдаленные, чуть заметные намеки на то, что в Петрограде образовалась военная офицерская организация, искавшая случая убить Владимира Ильича». Однако, несмотря на все усилия комиссаров, следствие зашло в тупик. «В калейдоскопе следственного материала не встречалось ничего,—писал Владимир Дмитриевич,—что бы давало нить для раскрытия этого весьма важного дела»¹. И все-таки через три недели оно было раскрыто.

А пока водоворот событий втянул Бонч-Бруевича в массу других неотложных дел.

Советское правительство делало все необходимое, чтобы ускорить созыв Учредительного собрания. Еще в начале ноября по поручению Ленина Бонч-Бруевич познакомился с деятельностью Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание и установил за нею постоянный контроль.

И вот наступил канун открытия Учредительного собрания. В Смольном собрался военный совет, в котором участвовали Свердлов, Урицкий, Подвойский, Еремеев, Благоданов и еще несколько военных специалистов. Бонч-Бруевич информировал присутствовавших о положении в Петрограде и планах контрреволюции. Военный совет образовал Чрезвычайный военный штаб. Наметили меры для поддержания революционного порядка во время работы Учредительного собрания. На комитет по борьбе с погромами возлагалась ответственность за положение в районе Смольный—Таврический дворец. Бонч-Бруевич должен был обеспечить также охрану членов правительства на пути в Таврический и в самом дворце.

Разведка 75-й комнаты работала во всех частях города. Ей стало известно о готовившемся нападении на Смольный. Энергичные поиски ударных сил

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 328.

контрреволюционного заговора привели наконец на Английский проспект, в здание бывших курсов Лесгафта, где разместились части ударников-смертников, оставшихся верными Временному правительству. Следовало немедля разгромить это осиное гнездо.

Глубокой ночью Бонч-Бруевич, Благоднаров, комиссар Цыганков, командир латышских стрелков Кайминь в сопровождении трех броневинов и нескольких грузовиков с рабочими комиссарами, латышскими стрелками и солдатами приехали на Английский проспект. Без команды, предупрежденные заранее, солдаты и латышские стрелки оцепили здание.

В вестибюле часть солдат окружила спавшего часового, а остальные, стараясь не греметь, побежали по широкой лестнице на второй этаж и ворвались в зал. Замелькали пятна света от фонариков. Комиссары рассыпались между рядами коев. Щелкнули выключатели. Раздалась команда:

— Встать!

Солдаты повскакали с постелей.

— Ни с места!

А комиссары уже охапками выносили винтовки, патронные ленты, выкатывали пулеметы.

— Солдаты! — произнес Бонч-Бруевич. — Вас втянули в преступный контрреволюционный заговор. Сегодня утром вас должны были поднять по тревоге и повести на захват Смольного, где находится рабоче-крестьянское правительство. Вы, подчинившись офицерам, должны были участвовать в этом совершенно чудовищном злодеянии. Как командующий всеми войсками в районе Смольного заявляю — вы бы получили достойный отпор. Но для вас это благополучно кончилось. Советую вам крепко подумать...

Офицеров доставили на допрос в 75-ю комнату Смольного, солдат под усиленным конвоем отправили в одну из ближайших казарм.

В пятом часу ночи впервые за трое суток Бонч-Бруевич решил хоть немного поспать — предстоял очень трудный и ответственный день. Вне сомнения, думал он, контрреволюция попытается еще раз померяться с нами силами. Сегодня открытие Учредительного собрания.

Несмотря на безмерную усталость и напряжение, Владимир Дмитриевич заснул не сразу. Он снова и снова вспоминал — все ли сделано, все ли предусмотрено?

Сразу после заседания военного совета он составил план охраны вверенного ему района, который учитывал худшее — нападение на Смольный и Таврический дворцы. Кажется, предусмотрел все. Район был разбит на участки, назначены комиссары. Расставлены дозоры и отряды матросов с крейсера «Аврора» и броненосца «Республика». План действий согласован с Благоднавым. Увеличено количество пулеметов и боеприпасов у латышских стрелков. Вместе с Кайминым они провели учебную тревогу. Бойцы действовали слаженно и четко.

Чтобы избежать провокаций контрреволюционеров, патрули закрыли доступ в район всяким подозрительным личностям, комиссары комитета предупредили всех дворников — в домах должны быть только их жильцы. В противном случае дворникам грозило объяснение в 75-й комнате.

Сделали все...

— Владимир Дмитриевич! Владимир Дмитриевич! — кто-то настойчиво тряс его за плечо. — Проснитесь, семь часов...

Этот день Бонч-Бруевич начал с того, что приказал батальону егерского полка занять ближайшую к Смольному фабрику и установить охрану моста через Неву. Затем он расставил посты вокруг Смольного. Когда прибыли моряки с броненосца «Республика», принял рапорт командира Железнякова о готовности отряда выполнить задание правительства.

— Помните, товарищи, — обратился Владимир Дмитриевич к матросам, — кровопролитие не нужно рабоче-крестьянской власти. Сумейте вы, сознательные борцы революции, так подействовать на сбитых с толку обывателей Петрограда, чтобы они по-братски поняли вас и подчинились распоряжениям законной власти. Но если вы встретите врагов революции — пощады им нет... Будем долготерпеливы, выдержанны, но час пробьет — смело раздавим все, что против нас, что против рабоче-крестьянской власти! А теперь — к делу!

Заиграл оркестр. Отряд двинулся к Таврическому дворцу¹.

А в 75-й комнате почти непрерывно звонил телефон. Поступали сведения от отрядов и патрулей: «Толпы народа, преимущественно из интеллигентов, лавочников, чиновников, студентов, задержаны на Таврической улице, Литейном, Суворовском проспектах»; «Плакатов почти нет. Кое-где маячит: «Вся власть Учредительному собранию!». Столкновений удалось избежать»; «Солдаты, матросы, охраняющие улицы, организовали в толпах митинги».

Уже несколько раз Бонч-Бруевич объехал улицы района, наблюдая за патрулями. Дважды побывал в Таврическом. Еще и еще раз осмотрел улицы между Смольным и Таврическим, помещения во дворце, где будут находиться члены Советского правительства, оставил там охрану из комиссаров комитета.

Пришло время отъезда Ленина из Смольного. С ним должны были ехать Надежда Константиновна, Мария Ильинична, Вера Михайловна. Попросив выйти всех через запасные двери, Владимир Дмитриевич отъехал в автомобиле от парадного подъезда в сторону Военной академии и, только убедившись, что все спокойно, подъехал к Смольному с другой стороны.

Садясь в автомобиль, товарищи подшучивали над сверхосторожностью Бонч-Бруевича. Много лет спустя Надежда Константиновна вспомнит, как он «хлопотал, звонил, распоряжался, обставил переезд Владимира Ильича из Смольного в Таврический дворец чрезвычайно конспиративно»².

Шофер на большой скорости повел автомобиль по пустынным улицам. Бонч-Бруевич, сжимая в кармане рукоятку револьвера, зорко смотрел по сторонам.

В районе Смольный — Таврический в течение дня удалось поддерживать революционный порядок. Здесь «за весь этот волнующий день,— отмечал Бонч-Бруевич,— не было произведено ни одного выстрела».

Тем временем в 75-й комнате Смольного продолжался допрос офицеров-ударников. Стало многое

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 162.

² Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 369.

известно о планах «Союза защиты Учредительного собрания». Поздно вечером Бонч-Бруевич отправил Дзержинскому материалы допроса.

Учредительное собрание, не признавшее Советской власти и выражавшее интересы свергнутой буржуазии, было распущено. Планы контрреволюции не осуществились. Не удалось ей организовать и массовых выступлений в городе.

Вечером 10 января Бонч-Бруевич пригласил в Смольный репортеров столичных газет и сообщил им, что Комитетом по борьбе с погромами в Петрограде раскрыт крупный заговор. Выступление контрреволюционеров намечалось на 5 января, однако меры, принятые органами революционного порядка, помешали этому. Установлено, что в заговоре замешаны ударники-смертники, юнкера, связанные с монархистами, эсеровскими и кадетскими подпольными центрами.

Сообщения газет о раскрытии заговора, по расчету Бонч-Бруевича, должны были помочь следствию. И действительно, едва газеты вышли, в 75-ю комнату Смольного по телефону от рабочих стали поступать сведения о скрывавшихся офицерах, подозрительных личностях.

Раскрыть тайную квартиру террористов помог солдат Спиридонов. «Через два дня мы добрались до фигур, стоявших ближе к центру заговора,—писал Владимир Дмитриевич,—и наконец арестовали трех офицеров, которые были непосредственными участниками покушения на Владимира Ильича»¹.

Когда следствие было закончено, Бонч-Бруевич показал материалы Ленину, собираясь в ближайшее время предать контрреволюционеров суду. Но Владимир Ильич рассудил иначе, написав следующую резолюцию: «Дело прекратить. Освободить. Послать на фронт». Как всегда, он меньше всего думал о себе.

Начавшееся во второй половине февраля наступление немецких войск на фронте обострило и без того сложное положение в столице.

Но комиссары по-прежнему продолжали стоять на страже революционного порядка. Последней их операцией под руководством Бонч-Бруевича стала

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 331.

организация переезда правительства в Москву. Вопрос об этом обсуждался на заседании Совнаркома 26 февраля.

Однако дело осложнялось тем, что эсеры, узнав о предполагавшемся переезде, начали подготавливать покушение на правительственный поезд. Надо было парализовать их террористические замыслы.

И вот Бонч-Бруевич поручил представителям Викжеля — профессиональной организации железнодорожников, где верховодили меньшевики и эсеры, разработать план переезда правительства на Волгу в апреле или мае. Владимир Дмитриевич рассчитывал на то, что викжелевцы разболтают на весь Питер об этом секретном задании, и не ошибся.

Представители Викжеля, как и обещали, регулярно докладывали Бонч-Бруевичу о ходе подготовки своего плана. Предлагали несколько вариантов. Управделами спорил, сердился, просил уточнений.

А тем временем велась подготовка действительного переезда правительства в Москву. С помощью комиссара Николаевской железной дороги на Цветочной площадке соединительных путей за Московской заставой было найдено удобное место для формирования поезда Совнаркома. Это была тихая рабочая окраина, откуда поезд мог выйти на Николаевскую железную дорогу и следовать в Москву.

Осмотрев Цветочную площадку, Бонч-Бруевич остался ею доволен. С этого дня она была взята под контроль рабочих комиссаров, которые незаметно ходили по соседним улицам и переулкам, бывали в чайных и трактирах, наблюдая за всем, что делалось вокруг. Тем временем в разных местах подбирались мягкие вагоны для необычного поезда, комплектовалась поездная бригада.

На Николаевском вокзале с помпой готовился отъезд членов ВЦИК в Москву. Для них были поданы два поезда из «царских» вагонов. Бонч-Бруевич разместил депутатов так, что сторонники эсеров оказались в первых вагонах. Это исключало возможность диверсии со стороны эсеров-террористов.

К отходу поездов приехал и Председатель ВЦИК Свердлов. Вместе с Бонч-Бруевичем он прошел по одному поезду, интересуясь, как устроились депутаты. Из последнего вагона они вышли не на перрон, а

на другую, неосвещенную сторону, и Бонч-Бруевич повел Свердлова во второй поезд. На всякий случай.

Вслед за первым поездом ВЦИК через 20 минут ушел и второй. В 75-ю комнату Смольного с узловых станций поступали донесения: «Следуют по расписанию».

10 марта на Николаевском вокзале шла срочная погрузка имущества Управления делами Совнаркома, комиссариатов. Делалось это открыто. Для Бонч-Бруевича важно было сохранить тайну Цветочной площадки.

А в городе было беспокойно. На вокзалах солдаты штурмовали поезда. По улицам рыскали белогвардейские и эсеровские лазутчики, выведывая, когда и куда поедет Ленин. Утром 10 марта «Известия» вышли со следующим текстом на первой странице: «Вследствие многочисленных обращений настоящим объявляется, что Совет Народных Комиссаров предполагает выехать в Москву в понедельник, 11 марта вечером». Между тем вечером 9 марта Бонч-Бруевич вручил народным комиссарам и ответственным работникам аппарата правительства секретное предписание, в котором говорилось, что «отъезд в Москву состоится 10 марта с. г., в воскресенье, ровно в 10 часов вечера с Цветочной площадки», и объяснялось, как к ней проехать и каков порядок погрузки вещей.

Поздним вечером 10-го из Смольного выехали черный легковой автомобиль с Лениным, Крупской, Ульяновой, Величкиной и Бонч-Бруевичем и грузовик с латышскими стрелками. Обе машины направились в сторону Московской заставы.

— Вот и заканчивается петроградский период деятельности нашей центральной власти, — тихо произнес Владимир Ильич. Он был задумчив. — Все ли удалось сделать? — спросил он Бонч-Бруевича.

Владимир Дмитриевич стал подробно рассказывать, что поезд № 4001 отойдет ровно в 22 часа и будет следовать между двумя поездами с сотрудниками и имуществом Совнаркома и комиссариатов. Час назад осмотрены рельсы от Цветочной до главных путей. Батальон латышей уже на месте. Дорога от Смольного до Цветочной охраняется броневиками и специальными автомобилями с комиссарами в них.

Впереди показался какой-то дощатый забор.

— Включите свет,— попросил Бонч-Бруевич шофера.— Направо.

Едва угадывались колеи дороги. Мелькнул луч фонарика. Автомобиль остановился. Комиссары Цыганков и Александров проводили приехавших в салон-вагон. Бонч-Бруевич, простившись с Верой Михайловной, которая оставалась, чтобы на следующий день с санитарным поездом выехать на фронт, стал готовить поезд к отправлению. Проверены все вагоны и караулы, размещены латышские стрелки с пулеметами. Все готово. Наконец получен условный сигнал от комиссара Николаевской железной дороги.

Лязгнув буферами, поезд тронулся.

— Что же мы, так и будем сидеть в темноте? — спросил Ленин Бонч-Бруевича.

— Нет, Владимир Ильич! Нам бы только выйти на главные пути. В поезде у нас везде электричество.

— Вот это хорошо! Можно будет почитать...

Проехали Николаевский вокзал. Поезд, осветившись, стал быстро набирать скорость. Устроившись в своих купе, народные комиссары, утомленные заботами и волнениями последних дней, быстро уснули. Только настольная лампа в купе Ленина горела далеко за полночь.

Набросив на плечи пальто, Владимир Ильич что-то писал за маленьким столиком. Зеленый матерчатый абажур настольной лампы с противоположной стороны был закрыт газетой, чтобы свет не беспокоил спавшую на диване Надежду Константиновну.

За окном была темнота, скрывавшая бескрайние просторы весенних лесов и полей. Огромна ты, Россия! Ленину вспомнились Некрасовские строчки:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка-Русь!

России, думал Владимир Ильич, пришлось особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции. Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы в не-

сколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Была установлена диктатура пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начаты широкие социалистические преобразования. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Сделан вызов империалистическим хищникам. И в несколько дней нас бросил на землю один из них, напавший на безоружных. Он заставил нас подписать невероятно тяжелый и унижительный мир...

Перед глазами Ленина возник зал заседаний Таврического дворца, лица делегатов Седьмого экстренного съезда партии, одоббивших политику мира.

Но надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Перо быстро бегало по бумаге. Склонившись над столом, Ленин продолжал писать:

«Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно только на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили»¹.

Закончив статью, Ленин просмотрел написанное, прочитал еще раз название: «Главная задача наших дней». На последней странице поставил дату — 11 марта 1918 г.

Ночью Бонч-Бруевичу доложили, что после отправки первого поезда с Николаевского вокзала с товарных путей проскочил громадный эшелон с возвращавшимися с фронта матросами, поэтому график

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 80.

движения поезда № 4001 срывается. Владимир Дмитриевич телеграфировал в Вишеру, чтобы поезд с матросами был задержан и поставлен в тупик.

В Вишере правительственный поезд остановился у перрона. Через несколько путей параллельно ему стоял товарный состав с матросами.

Из первого вагона вышел Бонч-Бруевич, поправляя на пальто поясной ремень с кобурой револьвера. Он отдал распоряжение командиру латышских стрелков Берзиню на всякий случай выкатить пулеметы и взять на прицел поезд с матросами.

— Может, вызвать Ленина? — спросил Берзинь.

— Нет, будить не буду. Владимир Ильич заснул только в Любани. Попробуем справиться сами, — ответил Бонч-Бруевич¹.

Из распахнутых дверей теплушек стали выпрыгивать анархисты.

Повернувшись к Берзиню и коменданту поезда Цыганкову, Бонч-Бруевич скомандовал:

— Эшелон взять на прицел!

Затем с отрядом в 10 человек он приблизился к поезду и предложил матросам немедленно разойтись по вагонам. Те сейчас же подчинились и так же быстро, как выскакивали, влезли в вагоны.

Вдоль поезда выстроилась цепь латышских стрелков, милиционеров, железнодорожных рабочих. Цыганков влез в один из вагонов и доложил, что все матросы вооружены.

Бонч-Бруевич распорядился разоружить их. И вот к последнему вагону правительственного поезда железнодорожные рабочие стали носить винтовки и ящики с патронами. Затем эшелон поставили в тупик и закрыли его порожняком от главных путей, пока не пройдут правительственные поезда. Бонч-Бруевич поблагодарил железнодорожников за помощь. Поезд № 4001 отправился дальше.

С одной из ближайших к Москве узловой станции Владимир Дмитриевич переговаривал по прямому телеграфному проводу с Московским Советом и сообщил о приезде Владимира Ильича. Правительственный поезд прибыл в Москву 11 марта вечером². Его

¹ См. В. Яковлев. Мало-Вишерский эпизод. — «Красная летопись», 1934, № 1, стр. 98.

² См. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 225—226.

пассажиров машины отвезли в гостиницу «Националь».

На следующее утро весенняя Москва была залита солнцем. Владимир Ильич радостно всматривался в знакомые черты старинного города. Автомобиль, в котором он находился вместе с Марией Ильиничной и Бонч-Бруевичем, разбрызгивая талый снег, быстро катился по узким улочкам и переулкам.

Повернули к Кремлю. У Троицких ворот их оставил часовой. Подошел разводящий.

— Кто едет?

— Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин,— отчеканил Бонч-Бруевич.

Разводящий взял под козырек и отступил на шаг.

— Вот он и Кремль! Как давно я не видел его! — тихо сказал Владимир Ильич.

Осматривая здания Кремля, носившие следы недавних боев, Ленин и Бонч-Бруевич наметили работы, которые нужно было произвести, чтобы подготовить помещения для правительства.

В записной книжке Бонч-Бруевича сохранились черновые записи его распоряжений в первые дни после приезда правительства в Москву. Вот некоторые из них:

Первая половина дня 12 марта 1918 г. «Комиссару телефонной сети т. Пупко. Приказ.

По получении сего немедленно приступить к устройству в здании Судебных установлений центральной телефонной станции с переключениями для переговоров с иногородними сетями и также приступить к установлению местной телефонной сети».

13 часов 55 минут. «Комиссару Почт и Телеграфов тов. Подбельскому. Приказ.

Немедленно сделать распоряжение провести от загородной телефонной сети два прямых провода к зданию Судебных установлений».

17 часов 20 минут. «Коменданту гостиницы «Метрополь» — немедленно накормить приехавших из Петрограда телефонистов».

19 часов 25 минут. «Приказ М. Д. Цыганкову — проверить чайные, трактиры, по какой цене продается хлеб и другие продукты. Донести».

Совнарком и ВЦИК устраивались на новом месте. 12 марта в эфир и по телеграфу было передано:

«Париж. Лондон. София. Берлин. Нью-Йорк. Вена. Рим. Константинополь. Христиания. Стокгольм. Гельсингфорс. Копенгаген. Амстердам. Женева. Цюрих. Токио. Пекин. Мадрид. Лиссабон. Брюссель. Белград. Всем Совдепам. Всем. Всем. Всем.

Правительство Федеративной Советской Республики — Совет Народных Комиссаров и высший орган власти в стране — Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов прибыли в Москву.

Адрес для сношений — Москва, Кремль...»

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ СОВНАРКОМА

Исполнилось 125 дней Советской республике. За это время Октябрем была проложена грань, равнозначная эпохе в развитии государственного и социального строя. Советская власть победила во всей России.

Через три дня после переезда Советского правительства в Москву Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов утвердил условия мира с кайзеровской Германией. Мирная передышка — недолговременная и непрочная, в которой так нуждалась истощенная войной страна и в необходимости которой так страстно убеждал всех Ленин, была получена.

Начались будни напряженной работы Совнаркома в Кремле.

Бонч-Бруевич любил приходить в Управление делами пораньше, когда еще не стучали машинки, молчали телефоны. Он садился за свой стол и прежде всего брал лист бумаги для заметок, вынимал записную книжку и принимался переписывать то, что внес в нее на заседании Совнаркома, дома или в тряском автомобиле и что необходимо выполнить немедленно. А дел было множество, самых неотложных, больших и малых. Записи нумеровал в порядке срочности. Клад лист краешком под чернильный прибор, чтобы был перед глазами. К вечеру он бывал обычно перечеркнут, а намеченное — выполнено.

Затем Бонч-Бруевич принимался за почту, лежавшую уже на столе. Сначала разбирал телеграммы, потом письма. Раскладывал их в стопки — для Ленина, для комиссариатов, принятия мер и ответа. Отдельно — свежие газеты, вырезки, подготовленные секретарями для Ленина, сводки наркоматов, новые книги, брошюры на русском и иностранном языках. Письма, запросы с мест, помеченные им «В. Ил.», нуждались в резолюции Председателя Совнаркома.

Отложенное для Владимира Ильича относил в его кабинет, аккуратно раскладывал на письменном столе. Огромный поток деловых бумаг! Но Бонч-Бруе-

вич знал: все будет прочитано Лениным очень быстро. Его умение мгновенно схватывать содержание писем, документов, газетных статей всегда поражало Бонч-Бруевича. «Если бы не видеть десятки и сотни раз это изумительное чтение документов,— будет вспоминать он,— то, право, и поверить было бы невозможно. Надо было обладать той изумительной изоощренной памятью, мгновенностью восприятия, какая была у Владимира Ильича, этого воистину гениального человека»¹.

Когда приходил Ленин, Владимир Дмитриевич докладывал ему о неотложных и важных делах, жалобах и предложениях трудящихся.

Начинался трудовой день аппарата Совнаркома. Сотрудники быстро выполняли распоряжения, готовили материалы к очередным заседаниям Совнаркома, отправляли почту, принимали посетителей... И все это делали четко, без суеты. Ибо, по свидетельству Л. А. Фотиевой, Ленин «сам показывал лучшие образцы высокой культуры труда»².

Днем возникала масса новых неотложных дел, требовавших немедленного выполнения. Бонч-Бруевич шел к Ленину или получал от него записки. И какие бы поручения ни содержались в них — будь то просьба помочь приехавшему из Сибири И. А. Теодоровичу получить квартиру, предписание принять экстренные меры по отношению к анархистски настроенным матросам, побеседовать с делегацией газетных работников Москвы, составить проект важной телеграммы или просьба посмотреть помещение для Внешкольного отдела Наркомпроса, управляющий делами Совнаркома был готов выполнить любое из них. Но в то же время Бонч-Бруевич не был только простым, хотя и старательным, исполнителем. Так, протокол от 21 ноября 1917 г. зафиксировал три вопроса, внесенные им в повестку дня заседания Совнаркома,— о порядке публикации официального материала в правительственной газете и два по финансовым делам³. На заседании Совнаркома 30 ноября того же года слушался доклад Бонч-Бруевича о

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 235—236.

² «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 4. М., 1969, стр. 127.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 7, л. 2.

деятельности Военно-революционного комитета¹, а 8 января 1918 г. — доклад Я. М. Свердлова и Бонч-Бруевича о похоронах 9 января жертв контрреволюции².

Таких примеров можно привести много.

Исполнение принятого по предложению Бонч-Бруевича постановления Совнарком нередко возлагал на него самого. Так, ему и наркому юстиции П. И. Стучке поручалось рассмотреть статью и письмо священника Галкина, предложившего правительству свои услуги в решении вопроса об отделении церкви от государства, и высказать свое мнение «о возможности привлечения священника Галкина к активной деятельности и на какой пост»³. Бонч-Бруевич вошел в комиссию для выработки инструкции по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства⁴.

В марте 1918 г. остановилась типография «Русское слово» товарищества И. Д. Сытин и К⁰ — одна из крупнейших в Москве. Бонч-Бруевич в течение недели тщательно изучал положение в ней и представил Ленину доклад, в котором не только указал, что надо сделать для улучшения работы типографии, но и предложил конкретные меры по увеличению выпуска всех советских газет и журналов и более успешному их распространению.

Владимир Ильич внимательно отнесся к предложениям Бонч-Бруевича. И когда встал вопрос об организации контрагентства ВЦИК для улучшения снабжения газетами, боевыми листками и литературой всех местных Советов, культурно-просветительных и агитационных отделов, рабочих клубов, это дело было поручено Владимиру Дмитриевичу. Под его руководством деятельность контрагентства быстро расширялась. Если в феврале 1918 г. было распространено лишь 712 тысяч экземпляров газет и журналов, то в августе — уже около 8 миллионов. Позже было создано Центральное агентство по снабжению и распространению произведений печати (Центропечать) во главе с Бонч-Бруевичем.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 15, л. 1 об.

² ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 43, л. 1 об.

³ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 259, ед. хр. 30.

⁴ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 334, ед. хр. 1.

Партия высоко ценила издательский опыт Бонч-Бруевича. В апреле 1918 г. Центральный Комитет ввел его в состав Главного управления издательским делом ЦК РКП(б)¹. По поручению ЦК партии летом того же года он приступил к организации нового центрального партийного издательства «Коммунист» на базе издательств «Жизнь и знание», «Прибой» и «Волна». Слияние трех партийных издательств было вызвано необходимостью объединить их денежные средства и запасы бумаги.

Так закончило свою деятельность издательство «Жизнь и знание». Трудно было поверить, что 10 лет назад оно помещалось в квартире Бонч-Бруевича и начиналось с выпуска отдельных книг в долг. Теперь оно было самым солидным партийным издательством, передавшим новому издательству деньгами, векселями, договорами, стоимостью оборудования более 2 миллионов рублей золотом².

Издательство «Коммунист» просуществовало полтора года. В нем вышла книга «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленина, переизданы его работы «Государство и революция», «Политические партии в России и задачи пролетариата», «Империализм, как высшая стадия капитализма», выпущены книги Крупской, Скворцова-Степанова и других видных деятелей партии. «Коммунист» издал протоколы Шестого съезда РСДРП(б) и стенографический отчет Восьмого съезда РКП(б), агитационные и пропагандистские брошюры. Издательство выпустило также около 700 тысяч экземпляров произведений русских и зарубежных писателей. Успешно работали отделения «Коммуниста» в Петрограде, Нижнем Новгороде и Екатеринбурге.

Отдавая всего себя без остатка служебным делам, забывая об отдыхе, Владимир Дмитриевич был чрезвычайно заботлив по отношению к окружающим его людям, и особенно к Ленину. Так, едва установились теплые майские дни, он отправился устраивать дачу для воскресного отдыха Владимира Ильича. Скворцов-Степанов расхвалил бывшее имение Мальцебро-

¹ См. «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. 5. М., 1974, стр. 408.

² См. О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, стр. 84.

дово по Ярославскому шоссе, где были вековой парк, живописные лесные поляны, тихая Клязьма.

Барский дом с огромными залами и коридорами оказался мало подходящим для жилья, и выбор Бонч-Бруевича остановился на небольшой двухэтажной дачке. Через день-два из Кремля сюда была привезена немудреная мебель — железные кровати, стеганые матрацы, этажерки, стулья, тумбочки.

С тех пор нередко в субботу к вечернему чаю на даче собиралась дружная коммуна — Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, их неизменная спутница в поездках Мария Ильинична, Владимир Дмитриевич, Вера Михайловна и их четырнадцатилетняя Леля.

С продуктами было трудно. Поэтому под окнами дачи развели небольшой огород и частенько по воскресеньям копались в его грядках.

Скворцов-Степанов, живший на даче неподалеку, знал грибные места, и часто он, Ленин и Бонч-Бруевич уходили с лукошками в лес.

Как-то на прогулке зашла речь о совхозах, о том, что за их организацию берутся несведущие люди и что нет хорошо поставленных хозяйств, чей опыт могли бы перенять другие.

— Так вы хотите организовать показательное хозяйство? — спросил Ленин Бонч-Бруевича. — Это было бы прекрасно!

— Вот именно, — ответил Владимир Дмитриевич, — надо устроить на свободных землях наше советское хозяйство, где бы не было никакого наследия прошлого. В глазах окрестных крестьян это обстоятельство, несомненно, будет иметь большое значение.

— Это верно! — согласился Владимир Ильич. — А где же предполагаете вы налаживать это хозяйство?

— Да вот хотя бы здесь, в Мальцебродове. Правда, здесь почти нет пашни, но если очистить поляны, прихватить часть поймы Клязьмы, то гектаров пятьсот наберется. Вот здесь и применить лучшую агротехнику, все наши законы о труде, завести племенное скотоводство, свиноводство, построить молочный, колбасный заводы...

Владимиру Ильичу все это очень понравилось.

— Можете ли вы за это взяться? — спросил он.

— Конечно, могу...

— Так давайте начинать! Надеюсь, это не помешает вашей основной работе?

— Нет,— ответил Бонч-Бруевич,— я предполагаю все строить с помощью самых лучших специалистов...¹

Разговор этот состоялся в конце июня. А вскоре начались события, которые заставили забыть на время об организации образцового хозяйства под Москвой.

В субботу 6 июля в четвертом часу дня в кабинете Ленина раздался телефонный звонок. Взмолнованным голосом Бонч-Бруевич доложил о том, что бомбой убит германский посол Мирбах. Преступники скрылись на автомобиле. Подробности неизвестны, но можно быть уверенным — это дело рук левых эсеров. Необходимо принять экстренные меры...

Владимир Ильич попросил его немедленно поехать в германское посольство, принять все нужные меры, чтобы охранить немцев от всяких дальнейших неприятностей и обо всем сообщить ему по телефону.

Через несколько минут два грузовика с латышскими стрелками выехали из ворот Кремля вслед за легковым автомобилем Бонч-Бруевича.

Вот как развернулись события! Еще накануне у Владимира Дмитриевича вызывало тревогу поведение левых эсеров на V Всероссийском съезде Советов в Большом театре. Они были настроены крайне нервно, держались вызывающе, часто раздражались речами против большевиков, подписавших договор о перемирии с немцами. Когда в дипломатической ложе появился германский посол Мирбах, левый эсер Камков стал выкрикивать ругательства по его адресу. По совету Ленина Бонч-Бруевич просил члена ЦК партии левых эсеров Спиридонову унять своих расходившихся товарищей. Но безуспешно. Действия эсеров продолжали быть явно провокационными по отношению к правительству, членами которого они еще состояли.

В пути Владимир Дмитриевич проверял себя: все ли он сделал перед отъездом? Позвонил в ВЧК и Комиссариат внутренних дел, отдал распоряжение ко-

---

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 399—400.

менданту усилить караулы у ворот Кремля, часто проверять караулы в здании правительства.

Автомобиль въехал в Денежный переулок. В немецком посольстве первые комнаты были пусты. Наконец появился бритоголовый немец, который сбивчиво рассказал, как пришли два просителя, добиваясь аудиенции у посла, как бросили в него бомбу.

Бонч-Бруевич позвонил в Кремль и сообщил Ленину обстоятельства покушения. Приехал взволнованный Дзержинский, начавший осматривать помещение, где было совершено убийство.

Через минут двадцать приехали Ленин и Свердлов. Владимир Ильич в краткой речи на немецком языке выразил соболезнование по поводу трагической смерти посла и заверил сотрудников посольства, что расследование начато и виновные понесут наказание. После этого все вышли во внутренний двор.

В это время приехал товарищ из ВЧК с сообщением о восстании конного полка ВЧК, находившегося под командованием левого эсера Попова. Возмущенный Дзержинский решил ехать сейчас же в полк, чтобы самому разобраться во всем на месте.

Ленин обратился к Бонч-Бруевичу с просьбой передать приказание Подвойскому, чтобы московский гарнизон был готов выступить против эсеров. Тот поспешил к телефону.

По дороге в Кремль Бонч-Бруевич изложил Ленину и Свердлову свой план экстренных мер — немедленно двинуть войска, окружить восставших левых эсеров, предложить им сейчас же сдаться, в противном случае — бомбардировать занятые ими дома, организовать охрану телеграфа, телефона, электростанции, вокзалов, аннулировать все пропуска на автомобили. Новые пропуска по специальному разрешению выдавать в Управлении делами...

В Кремле Владимир Дмитриевич передал по телефону все указания Ленина, отправил телефонограмму об автомобилях. Проверил караулы. Подвойский сообщил, что началось развертывание войск.

Состоялось экстренное заседание Совнаркома, одоббившее меры, принятые против левозэсеровского мятежа.

Поздно вечером Бонч-Бруевич снова проверил караулы. Охрана Кремля была образцовой. Народ-

ные комиссары в зале заседаний Совнаркома ждали вестей от Подвойского. Часа в два ночи он сообщил — войска закончили сосредоточение и двигаются по улицам. На рассвете раздались артиллерийские выстрелы. Через некоторое время было получено известие о том, что эсеры в беспорядке бегут, преследуемые красноармейцами. Преступная эсеровская авантюра, поставившая крайне необходимый стране мир под угрозу, провалилась.

В воскресенье, когда Ленин отдыхал в Мальцебродове, из Кремля была получена срочная телефонограмма, в которой шла речь об ультимативных требованиях немецкого правительства ввести в Москву батальон солдат императорской армии для охраны посла его величества.

Ленин быстро пробежал глазами текст сообщения.

— Чего захотели?.. А!.. Прохвосты! В колонию нас обратить?.. Нет!

Его глаза светились гневом и решительностью. По привычке он несколько раз прошелся по комнате.

— Хорошо, мы им ответим...

Он сел за стол, придвинул бумагу и углубился в работу.¹

Примерно через час проект правительственного сообщения был готов. В нем Ленин писал о стремлении Советской власти к миру, ради чего она пошла на подписание кабальных условий Брестского договора, но пропустить батальон немецких войск в Москву — «подобного желания мы ни в коем случае и ни при каких условиях удовлетворить не можем, ибо это было бы, объективно, началом оккупации России чужеземными войсками»². Ленин призвал рабочих и крестьян к бдительности, осторожности и выдержке, к готовности отдать жизнь для защиты социализма.

— Возьмите это для печати, — сказал Владимир Ильич, передавая Бонч-Бруевичу рукопись, — перепишите и пошлите. Подлинник никому не давайте, сохраните у себя...

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 321—322.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 525.

Твердая позиция Советского правительства отрезвляюще подействовала на немцев. До конфликта не дошло. К тому же в Германии назревала революция, и династии Гогенцоллернов хватало собственных забот.

Советская страна недолго пользовалась мирной передышкой, добытой дорогой ценой. Внешние и внутренние враги вынуждали трудящихся снова взяться за оружие.

На западе сохранялась угроза вторжения немецких войск, в Мурманске высадился десант недавних союзников царской России. Во Владивостоке тоже звучала английская и японская речь. А в центре России быстро разрастался мятеж белочехов. К ним присоединялись русские белогвардейцы. И без того изнуренная страна втягивалась в гражданскую войну.

Все тревожнее сообщения поступали в Кремль. Ночи напролет не гасли многие окна в бывшем здании Судебных установлений. Отсюда во все концы страны рассылались четкие приказы, распоряжения, указания.

В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции Бонч-Бруевич отдавал все силы прежде всего защите революции.

В конце голодного 1918 г. Советское правительство принимает всевозможные срочные меры для улучшения снабжения продовольствием населения города Москвы. С согласия Ленина Бонч-Бруевич создал при Управлении делами Совнаркома кооператив «Коммунист». В отдаленные губернии были посланы уполномоченные для закупки по государственным ценам продуктов у местного населения. Уже в первые месяцы своего существования кооператив передал Московскому центральному рабочему кооперативу 24 вагона продовольствия. Кроме того, он снабжал продуктами московский военный гарнизон, школы и приюты.

Положительный опыт Бонч-Бруевича в налаживании снабжения был одобрен Лениным. В декабре 1919 г. он предложил включить Владимира Дмитриевича в комиссию для обсуждения работы аппарата продовольственных органов¹.

---

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 383.

В середине 1919 г. на имя Бонч-Бруевича пришло письмо из Петрограда. Известный физиолог И. П. Павлов просил правительство разрешить ему выехать за границу для продолжения научной работы и сообщал о тяжелом материальном положении своих коллег.

Владимир Дмитриевич немедленно ознакомил с письмом Ленина, который не на шутку встревожился.

— Надо оповестить всех наших ученых,— сказал он,— что мы хотим и обязательно сделаем, чтобы все ученые имели решительно все — от личной обеспеченности до самых лучших лабораторий, библиотек и научных кабинетов. Мы добьемся, что у нас расцветет наука так, как нигде в мире, совершенно освободившись от зависимости... капиталистов и их желаний. Наука у нас действительно будет свободной. Сейчас приходится терпеть: война, кругом война¹.

В тот же день Бонч-Бруевич позвонил председателю Петроградского Совета и передал ему просьбу Ленина немедленно обеспечить Павлова, его помощников, лаборатории и животных всем необходимым. В посланном с курьером ответе ученому он сообщил о сделанных распоряжениях и просил его не уезжать из России.

В тяжелые годы гражданской войны управляющий делами Совнаркома по указанию Ленина, а часто и по собственной инициативе многое делал для материальной помощи интеллигенции. На одном из заседаний Совнаркома он выступил с докладом о положении ученых, литераторов и художников в стране. «На него живо откликнулся Владимир Ильич, а за ним и все другие товарищи,— вспоминал Бонч-Бруевич,— и тут же было договорено с Наркомпродом, что будут выдавать этой категории лиц особые пайки, утвержденные на этом заседании Совнаркома»².

В 1919—1924 гг. Владимир Дмитриевич активно сотрудничал в созданной по его инициативе Центральной комиссии улучшения быта ученых (ЦЕКУБУ).

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 428.

² «Ленин и Академия наук. Сборник документов». М., 1969, стр. 66.

Казалось, что занятость государственными делами, особенно в тяжелых военных условиях, делала невозможной научную и литературную работу. Но Бонч-Бруевич продолжал ее. Вместе с Луначарским и историком М. Н. Покровским он начал создавать при Наркомпросе специальную научную библиотеку и Музей религиозных культов¹. Подготовил второе издание своих книг «Кровавый навет на христиан» и «Волнения в войсках и военные тюрьмы», плодотворно сотрудничал в Российском телеграфном агентстве (РОСТА), журналах «Пролетарская революция», «Каторга и ссылка», где опубликовал более двадцати статей на самые актуальные темы — о продовольственной политике, защите детей, борьбе с бюрократизмом. Одну из таких тем подсказал Бонч-Бруевичу Ленин.

В один из октябрьских вечеров 1919 г. в квартире Бонч-Бруевича зазвонил кремлевский телефон.

— Владимир Дмитриевич? Простите, что я вас так поздно потревожил. Есть архиспешное дело. Вы помните наш разговор о необходимости поставить музейное и архивное дело, собирать находящиеся в частных руках библиотеки, архивы, рукописи?.. Но ведь массы не знают, что архивные материалы не только нельзя уничтожать, а, наоборот, их необходимо тщательно сохранять.

— Я уже неоднократно писал об этом в письмах, Владимир Ильич...

— Письма не помогут... Не могли бы вы сейчас же написать брошюру о значении архивов, популярно?..

Бонч-Бруевич обещал взяться за это дело и утром представить Владимиру Ильичу то, что он напишет.

Уже через два-три дня после этого разговора брошюра Бонч-Бруевича «Сохраняйте архивы» была издана в Агит-Роста, а затем опубликована в центральных и некоторых провинциальных газетах.

Брошюра принесла несомненную пользу. «...Мы, — писал Владимир Дмитриевич, — стали отовсюду получать уведомления о том, где находились архивные ценности и различные бумаги»².

¹ ОР ГВЛ, ф. 369, к. 88, ед. хр. 3, л. 52.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 415.

«Уважаемый товарищ! Зная Ваше отношение к делу хранения архивов государственной важности, считаю долгом довести до Вашего сведения следующее...» Так начиналось письмо, полученное Владимиром Дмитриевичем в ноябре 1919 г. Его автор — сотрудник политотдела кавалерийской части — сообщал об угрозе уничтожения библиотеки и архива в одном из городов. Письмо заканчивалось так: «Я — журналист и, будучи редактором одной из партийных провинциальных газет, перепечатывал Вашу статью об архивах (Агит. Роста). Думаю, что Вы сделаете все возможное.

Прошу ответить и мне лично, дабы я знал, какая судьба постигла эти строки.

Примите уверения в товарищеском уважении.

Константин Федин».

Бонч-Бруевич сразу ответил будущему писателю. Одновременно по пяти адресам было направлено циркулярное письмо с категорическим требованием принять меры для спасения библиотеки и архива и сообщить об исполнении¹.

Страна переживала книжный голод. Причиной были ограниченные ресурсы бумаги, параллелизм в выпуске литературы и другие недостатки в работе издательств. Поэтому и возникла идея об объединении их в одно государственное издательство. П. И. Лебедев-Полянский, беседовавший с Лениным об этом, вспоминал: «Выслушав до конца предполагаемый проект, он уже решительно его поддерживал.

— А кто подал мысль? — спросил он.

— Кажется, Владимир Дмитриевич, — отвечаю я.

— Бонч?

— Да.

— Вот выдумщик. Разрабатывайте и вносите, но сговоритесь с тов. Свердловым, скажите, что я — за»².

Вскоре А. В. Луначарский, К. С. Еремеев, В. Д. Бонч-Бруевич и другие составили комиссию, которой поручалось в кратчайший срок разработать план объединения издательского дела в стране. В феврале 1919 г. комиссия подготовила положение

---

¹ См. «Литературная газета», 25 февраля 1970 г.

² «Печать и революция», 1927, № 7, стр. 233.

о Государственном издательстве, утвержденное затем Совнаркомом.

Бонч-Бруевич начал сотрудничать в Госиздате, особенно активно участвуя в подготовке к изданию Сочинений Ленина. В результате уже в 1920 г. вышли два тома. Все издание было в основном завершено в 1924 г.

Ленин, как и прежде, часто прибегал к помощи Бонч-Бруевича-издателя. Особенно в трудных случаях. Так, еще в декабре 1918 г. Владимир Ильич писал:

«Дорогой В. Д.! Посылаю Вам брошюрку об исполнении законов. Составьте *заглавие* пояснее, поярче, погромче.

И издайте *поскорее*»¹.

Ленин был уверен — Бонч-Бруевич сделает. И действительно, брошюра с постановлением VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов о революционной законности была издана в короткий срок под броским заглавием — «Исполняйте законы Советской республики!»

Поручения Ленина «издать поскорее» Владимиру Дмитриевичу приходилось выполнять не раз. Так было, например, и с брошюрой Г. М. Кржижановского «Основные задачи электрификации России».

На сессии ВЦИК зимой 1920 г. Г. М. Кржижановский должен был делать доклад об электрификации России. Ленин, ознакомившись с его рукописью, поздно вечером попросил Бонч-Бруевича немедленно прийти к нему. Извинившись, что потревожил, он сказал:

— Есть экстренное, крайне важное дело. Вот рукопись Кржижановского. Видите, здесь текст и карта. Карта крайне важна. Все это нужно издать, чтобы раздать делегатам. Но как это сделать? Осталось всего шесть-семь дней... Госиздат замаринует... А нам это дьявольски необходимо.

— Можно взять рукопись?

— Зачем?

— Чтобы отдать в набор, — ответил Бонч-Бруевич. — Через пять дней тысяча экземпляров будет готова.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 217.

— Это — наверное?

— Да, наверное.

— Это будет прекрасно! — радостно улыбнулся Владимир Ильич.

— Рукопись и карту мне сейчас дайте, — попросил Владимир Дмитриевич. — Я за ночь их рассмотрю и все распланирую, чтобы рано утром сдать в типографию.

На этом и расстались.

С утра Бонч-Бруевич отправился в 17-ю Государственную типографию. Она бездействовала из-за сильных морозов и отсутствия дров. Владимир Дмитриевич попросил собратов членов комячейки и завкома, объяснил им важность и необходимость издания в кратчайший срок брошюры Кржижановского.

Несмотря на то что температура в типографии была ниже нуля, коммунисты с воодушевлением взялись выполнять заказ Ленина. Не гнушимися от холода пальцами они за день набрали весь текст. Сверстанные страницы тут же поступали к корректорам. Типографскую машину, застывшую на морозе, крутили руками. К вечеру первого дня удалось оттиснуть корректуру половины текста. Владимир Дмитриевич не выходил из типографии.

Хуже было с картой. При ее печатании краска мгновенно твердела, а бумага ломалась. Положение стало отчаянным. Бонч-Бруевич нашел маленькую частную литографию с ручным станком, имевшую печи. Туда перевезли литографские камни и отпечатали карту. На пятый день брошюра Кржижановского с цветной схемой электрификации России была готова. Владимир Ильич поручил Бонч-Бруевичу передать его глубокую благодарность комячейке типографии, завкому и всем рабочим, принимавшим участие в срочной работе¹.

Зимой 1919/20 г. в стране, обессилившей от войны, разрухи, голода и холода, к многочисленным военным фронтам прибавился еще один — сыпнотифозный. Участились случаи заболевания сыпным тифом среди жителей Кремля. Владимир Ильич просил Бонч-Бруевича принять самые энергичные меры для борьбы с эпидемией. За короткое время было со-

---

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 262—264, 266.

здано Санитарное управление Кремля, оборудованы аптека, госпиталь и пункт для санобработки приезжих. За несколько дней промыты и продезинфицированы все помещения, осмотрены врачами жители Кремля. «Каждые два дня,—вспоминал Бонч-Бруевич,—я докладывал Владимиру Ильичу о ходе работ, и нужно было видеть, с каким вниманием он выслушивал все доклады, вглядываясь и вчитываясь в каждую цифру». Наведенный санитарный порядок в Кремле радовал Ленина.

Это воодушевило Владимира Дмитриевича. «Полагаю, что этот опыт, ввиду надвигающейся сильной эпидемии сыпного тифа,—писал он в докладной записке Ленину 27 октября 1919 г.,—необходимо было бы использовать для борьбы с эпидемией в широком масштабе для всей Москвы. Для этого, между прочим, необходимо совершенно немедленно соорудить проходные бани с такими же камерами у вокзалов г. Москвы, через которые проходили бы все пассажиры дальних поездов вместе со своим легким багажом. Полагаю, что устройство таких бань и камер возможно было бы произвести в экстренном порядке...»¹ Бонч-Бруевич и мыслил и делал все всегда с огромным размахом.

Кому реализовать проект? Ленин поручает сделать это Владимиру Дмитриевичу.

В первых числах ноября в Управление делами Совнаркома были приглашены представители Наркомздрава, Наркомпути и Военного комиссариата города, которые поддержали идею об устройстве санитарно-пропускных пунктов на вокзалах. Через несколько дней после этого Бонч-Бруевич обратился в Малый Совнарком с просьбой об авансе в 25 миллионов рублей. Подписался как управделами Совнаркома и «председатель Комитета по устройству санитарно-пропускных пунктов на вокзалах ж. д. г. Москвы». На документе резолюция Ленина: «Т. Галкин! Прошу рассмотреть поскорее. Спешно. 10. XI. Ленин»².

Владимир Дмитриевич привлек к работе инженеров, энергично взявшихся за подготовку чертежей и

---

¹ «История СССР», 1965, № 2, стр. 82.

² «Советские архивы», 1969, № 3, стр. 7.

схем. Под их же руководством начали переоборудоваться пустовавшие помещения на вокзалах, делались пристройки.

Целые дни Бонч-Бруевич был в разъездах на ветру и морозе. К Новому году совсем нехстати простудился и слег. Но уже 3 января 1920 г. он пишет подробный доклад Ленину о ходе работ и записку:

«Дорогой Владимир Ильич! Я, к глубокому моему сожалению, не могу лично к Вам прийти, злые доктора не выпускают меня. Очень прошу Вас уделить время прочесть весь мой доклад, Вам при сем присылаемый. Я совершенно спокоен за это дело — считаю его организационно оконченным (постройка) и теперь приходится подготовить эксплуатацию. Я также совершенно спокоен за правильную отчетность денег, материалов и прочее...

В понедельник выезжаю с раннего утра в объезд на все семь построек.

Ваш Влад. Бонч-Бруевич»¹.

А через две недели Ленин сам осматривал самый большой санпропускник на Казанском вокзале и, по свидетельству его заведующего Д. А. Баранова, остался доволен им².

Через несколько дней Ленин, познакоившись с результатами работы санпропускников, радостно заявил:

— Теперь и на сыпнотифозном фронте неизбежно будет перелом, так как мы уже перешли в наступление...

А у Бонч-Бруевича тем временем зреет новый план — взяться за санитарные и ремонтные работы по всей Москве. Отдел сооружений при Моссовете не справлялся с этим делом, между строительными организациями не было согласованности. «Эта анархия,— отмечалось в документе Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции,— побудила Бонч-Бруевича снова войти в СНК с докладом о критическом положении Москвы в строительно-санитарном отношении и необходимости учреждения Особого строительного центра, облеченного чрезвычайными полномочиями»³.

¹ «Советские архивы», 1969, № 3, стр. 7.

² См. «Воспоминания о Ленине», т. 3, стр. 419—421.

³ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 30, ед. хр. 11, л. 3.

В марте 1920 г. Совнарком принял подготовленный Бонч-Бруевичем проект постановления «О мерах к улучшению санитарно-строительного положения в Москве» и назначил Владимира Дмитриевича председателем Особого санитарно-строительного комитета (Оскома). Комитету был выделен кредит. Вскоре Оском был создан.

Сложное коммунальное хозяйство Москвы требовало большого планомерного ремонта, рассчитанного на многие годы. На одном из заседаний Оскома отмечалось, что из 50 тысяч домов в Москве только 30 процентов имели исправные водопровод и отопительную систему. И все же в 1920 г. под руководством Оскома было отремонтировано более 5 тысяч домов, исправлены многие километры водопровода и канализации. Чрезвычайная ревизионная комиссия, проверявшая в сентябре того же года работу Оскома, отмечала его безусловную необходимость и положительный опыт в руководстве строительством и ремонтом в Москве.

Прошло два года после разговора Бонч-Бруевича с Лениным об организации совхоза в Мальцебродове. Но Владимир Дмитриевич помнил о своем обещании и «в 1918—1919 и 1920 годах усиленно занимался вопросом сельского хозяйства, перечитав все, что только было возможно, присматриваясь к практике совхозов и колхозов того времени...»¹.

По распоряжению Ленина из средств Совнаркома на организацию совхоза был предоставлен небольшой краткосрочный заем. Осень 1920 г. ушла на подготовительные работы — поиск специалистов, набор рабочих, вспашку земли, приобретение в кредит инвентаря. Зимой удалось купить несколько свиней йоркширской породы, которые едва держались на ногах от истощения. При подборе стада крупного рогатого скота Владимир Дмитриевич учитывал рекомендацию Ленина разводить в Московской губернии коров ярославской породы.

С весны следующего года продолжали расширять полезную площадь.

«Владимир Ильич часто спрашивал меня о делах совхоза, которому я дал имя «Лесные поляны», —

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин и совхоз «Лесные поляны». М., 1957, стр. 28.

вспоминал Бонч-Бруевич.— Он внимательно просматривал ежедневные рапортчики о всех работах в нашем совхозе, нередко делая весьма ценные замечания»¹.

Совхоз заметно креп. Уже в 1921 засушливом и неурожайном году он был переведен на полный хозрасчет. Заем Совнаркома был возвращен.

Постоянный интерес Ленина к совхозу помогал преодолевать бесчисленные трудности в первые годы его существования. Бывали моменты, когда даже у Бонч-Бруевича опускались руки. Но Владимир Ильич подбадривал его. «Очень рад, что Вы не ушли из совхоза,— писал он в январе 1922 г.,— и надеюсь, что Вашу хозяйственную работу доведете до конца для целого района»². Ленин был заинтересован в широком распространении опыта образцового совхоза.

Но работа в Совнаркоме оставалась главной для Бонч-Бруевича. Здесь по-прежнему была масса неотложных дел.

Письма. Официальные отношения. Телеграммы. Записки. Управляющий делами Совнаркома никогда не оставался равнодушным к сигналам о нарушениях революционного порядка и законности, немедленно реагировал на просьбы и жалобы, посылал запросы на места, настаивал на расследовании, привлечении к ответственности виновных и, по примеру Ленина, всегда старался проследить за результатами.

Ленин постоянно требовал, чтобы центральный аппарат быстро реагировал на запросы и просьбы трудящихся. Особенно беспокоили Владимира Ильича жалобы «на все правительственные места и лица». Бонч-Бруевичу предписывалось докладывать о них Председателю СНК: о письменных в течение двадцати четырех часов, устных — сорока восьми³.

Управляющий делами Совнаркома настойчиво добивался результативности распоряжений, касалось ли дело здравоохранения, финансовой дисциплины или ремонтных работ в Кремле, представления различных сведений для правительства и жалоб.

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. III, стр. 331.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 125.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 245.

Искренне заинтересованный в четком выполнении распоряжений главы Советского правительства, Бонч-Бруевич не только передавал их, но и часто советовал, как их лучше выполнить. В письме к заместителю наркома продовольствия А. Б. Халатову в мае 1920 г. он писал об экспедиции Петроградской коммуны за хлебом: «Лично я полагаю, что экспедиция эта выполнит задачу, так как многих лиц знаю за весьма дельных и точно исполнительных людей. Если Вам и Наркомпроду это не мешает, то очень советую Вам использовать эту экспедицию как сейчас, так и на будущее время»¹. Таким образом, он решал многие вопросы, не требовавшие внимания Ленина.

В многочисленных письмах и запросах Управления делами Совнаркома в различные учреждения и органы непременно встречаются настоятельные просьбы выполнить «в самом срочном порядке», «совершенно немедленно», «в кратчайший срок», «тотчас же»... Бонч-Бруевич не терпел равнодушия, волокиты, бесцельной траты времени. Все должно быть подчинено делу революции. Каждая минута.

Первый управляющий делами Совнаркома. Какой широкий диапазон деятельности: комиссар революционного порядка, издатель, ответственный работник продовольственных органов, ученый, строитель, руководитель показательного совхоза... «Все это,— вспоминал Владимир Дмитриевич,—отнимало очень много времени, и, хотя я сократил свой сон до четырех часов в сутки, все-таки времени не хватало, так как в это же время продолжал заниматься писательской, агитационной и пропагандистской деятельностью»². Где же предел возможностей большевика-ленинца?

«Если когда-нибудь,— говорил Ленин на Восьмом съезде партии,—будущий историк соберет данные о том, какие группы в России управляли эти 17 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе... всю эту работу, несли на себе всю неимоверную тяжесть управления страной,—никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил. Количество это ничтожно потому, что интеллигентные, образованные, способные политиче-

¹ «Советские архивы», 1966, № 5, стр. 6—7.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 480.

ские руководители в России были в небольшом количестве. Этот слой в России был тонок и за истекшую борьбу надорвался, переработался, сделал больше, чем мог»¹. Сделал больше, чем мог,— эти слова с полным правом можно отнести и к Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу.

На посту управляющего делами Совета Народных Комиссаров Бонч-Бруевич находился до конца 1920 г., но его огромная кипучая общественная и научная деятельность продолжалась еще многие годы.

Обладая глубокими разносторонними знаниями и широкой эрудицией, Бонч-Бруевич, как и раньше, не ограничивался какой-нибудь одной областью деятельности. Поэтому не случайно до конца 20-х годов он с успехом сочетал редакторскую работу в кооперативном издательстве «Жизнь и знание» с руководством показательным совхозом «Лесные поляны», а в дальнейшем, посвятив себя науке, занимался проблемами истории революционного движения, общественной мысли, литературы, этнографии, истории религий и т. д.

Помня слова Ленина о необходимости собирать и изучать подлинные рукописи писателей, Бонч-Бруевич активно принимается за их поиск, мобилизует на это общественность. В 1929—1930 гг. он едет в Германию и Чехословакию, где изучает в архивах русские рукописные материалы и старые издания, а позже активно участвует в комиссии по выявлению находившихся за границей памятников литературы и искусства народов СССР. Благодаря этому были собраны ценнейшие документы русской литературы и публицистики XVIII—XIX вв. В их числе — рукописи, фольклорные записи, картины, гравюры, автографы, редкие книги, составившие богатейшие фонды Государственного Литературного музея, организатором и первым директором которого был Владимир Дмитриевич.

Выполнял он и еще один ленинский наказ — делать культурные ценности достоянием широких на-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 145.

родных масс. В 30-х годах под его редакцией выходят в свет такие сборники Литературного музея, как «Летописи», посвященные декабристам, А. Пушкину, Г. Успенскому, Л. Толстому, А. Блоку и другим писателям, «Звенья», содержавшие исследования и публикации музейных материалов, а также «Бюллетени», путеводители, каталоги выставок и т. д.

Особенно много сил и энергии Бонч-Бруевич отдал популяризации творчества Л. Н. Толстого и увековечению его памяти. Владимир Дмитриевич являлся автором статей и воспоминаний о писателе, с которым был знаком лично, инициатором создания толстовского музея, председателем его Ученого совета, а затем и директором. Деятельно участвовал Бонч-Бруевич в подготовке к празднованию столетнего юбилея великого писателя. Поистине титаническим трудом, которому Владимир Дмитриевич посвятил почти три десятка лет своей жизни, было его участие в издании полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Хорошо зная его литературное наследие, Бонч-Бруевич отрецензировал и подготовил к печати 69 томов этого собрания. Много внимания уделял Владимир Дмитриевич и произведениям А. С. Пушкина. В 1936—1937 гг. он был одним из организаторов юбилейной выставки и проведения Пушкинской сессии Академии наук СССР. Бонч-Бруевич также возглавлял редакцию и являлся заместителем председателя редакционного совета, которые занимались подготовкой академического издания сочинений поэта.

В период Великой Отечественной войны Бонч-Бруевич занимался литературной и лекционной деятельностью в Казани и Москве, сотрудничал в Совинформбюро.

В последние годы жизни он много сил отдал пропаганде научного мировоззрения и борьбе с религиозной идеологией, возглавляя Музей истории религии и атеизма Академии наук СССР в Ленинграде и заведя сектором истории религии и атеизма Института истории АН СССР в Москве.

Огромно литературное наследие Бонч-Бруевича, включающее более тысячи статей, брошюр и книг на самые различные темы. Однако главным делом всей своей жизни Владимир Дмитриевич считал работу над воспоминаниями о В. И. Ленине, с которым был

знаком в течение 30 лет. В них с большой теплотой и любовью Ленин показан не только как великий вождь трудящихся, основатель Коммунистической партии нашей страны, но и как чрезвычайно простой и скромный человек, чуткий и внимательный к товарищам.

Признанием большого вклада Бонч-Бруевича в историческую науку явилось присуждение ему в 1938 г. ученой степени доктора исторических наук без защиты диссертации.

Такова была беспокойная, наполненная самыми разнообразными делами жизнь видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства в первые годы его существования, одного из ближайших соратников Ленина — Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича.

СОДЕРЖАНИЕ

Первые встречи
3

За границей
33

Нелегальным в России
84

Издательские дела большевиков
109

«Мы надеемся на Вас...»
132

В решающий час
148

На страже революционного порядка
164

Управляющий делами Совнаркома
185

**Григорий
Григорьевич
Демиденко**

**ДЕЛ
У РЕВОЛЮЦИИ
НЕМАЛО...**

**ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА**

**Заведующий редакцией
Н. Р. Андрухов**

**Редактор
О. Г. Жданко**

**Младший редактор
Г. А. Карликова**

**Художественный редактор
А. М. Ясневский**

**Технический редактор
Л. А. Данилочкина**

Сдано в набор 29 января 1976 г. Подписано в печать
19 апреля 1976 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 1. Условн. печ. л. 10,92. Учетно-изд. л. 10,53.
Тираж 200 тыс. экз. А00000. Заказ № 403. Цена 43 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.